

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования
науки и культуры

МОЛОДЕЖЬ И НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ

В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

МОЛОДЕЖЬ И
НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В
СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА:
СОПОСТАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ

Серафин Алава
Дивина Фрау-Мейгс
Гайда Хасан

При сотрудничестве
Хасна Хуссейна и Юаньюань Вэй

Опубликовано в 2019 году Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, по адресу: 7, Place de Fontenoy, 75352 Paris 07 SP, France. (Париж, Франция)

© ЮНЕСКО 2019 г.

ISBN: 9-789234-000284

Эта публикация доступна в открытом доступе по лицензии IGO Attribution-ShareAlike 3.0 (CC-BY-SA 3.0 IGO) (<http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/igo/>). Используя содержание этой публикации, пользователи соглашаются с условиями использования репозитория открытого доступа ЮНЕСКО (<http://www.unesco.org/open-access/terms-use-ccbysa-en>).

Оригинальная версия: *Youth and Violent Extremism on Social Media* опубликована в 2017 г. Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Использованные названия и представление материалов в данной публикации не являются выражением со стороны ЮНЕСКО какого-либо мнения относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района, или их соответствующих органов управления, равно как и линий разграничения.

Идеи и мнения, выраженные в этой публикации, принадлежат авторам; они не обязательно принадлежат ЮНЕСКО и ни к чему не обязывают Организацию.

Научные сотрудники: Дорайс (UQAM), Паскаль Бахари (UQAM), Дима Ханна (UT2J), Хлоя Фабр (UT2J), Евгений Бороховский (Университет Конкордия) и Джихан Рабах (Университет Конкордия).

ЮНЕСКО и авторы этой публикации хотели бы поблагодарить рецензентов за их время и вклад в подготовку черного варианта настоящего отчета об исследовании:

Г-жу Андреа Эрнст-Винтила, Университет Нантер Париж- (Франция), Laboratoire Parisien de Psychologie Sociale, координатор сети XTREAMIS-DP «Ксенофобия, радикализм в Европе, антисемитизм, исламофобия - дерадикализация и профилактика». Г-н Андре Ганье, доцент Университета Конкордии (Канада), сотрудник по цифровым технологиям, Монреальский институт исследований в области геноцида и прав человека, научный сотрудник, Центр экспертизы и образования по вопросам религии и радикализации;

Г-н Уилл Хадсон, старший советник по международной политике, Google Inc. (США);

Г-жа Люсике Линете Мухонго, старший преподаватель, кафедра исследований в области коммуникации, заместитель директора кампуса, академик, Университет Мои, кампус Найроби (Кения);

Г-жа Робин Мэнселл, профессор кафедры средств массовой информации и коммуникации Лондонской школы экономики и политических наук (Великобритания);

Г-жа Арчана Р. Сингх, председатель Школы исследований в области коммуникации, Панджабский университет (Индия);

Г-жа Александрия Уолден, юрисконсульт по вопросам государственной политики и государственных отношений, Google Inc. (США).

При поддержке Программы «Информация для всех» (IFAP)

Фото на обложке: © Shutterstock

Набор и печать ЮНЕСКО

Отпечатано в Казахстане

Код публикации ЮНЕСКО: CLD 2446.17

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	1
Краткий обзор	6
1 Введение	9
1.1 Предмет отчета	9
1.2 Структура отчета	11
2 Определения	12
3 Роль социальных медиа в радикализации молодежи, ведущей к насильственному экстремизму в Европе, северной Америке, Латинской Америке и странах Карибского бассейна	16
3.1 Область недавних исследований	16
3.2 Изучение специфики социальных сетей	18
3.2.1 Чаты	18
3.2.2 Facebook	19
3.2.3 Twitter	19
3.2.4 YouTube и другие видео платформы	19
3.2.5 Меры саморегулирования в социальных сетях	20
3.2.6 Социальные медиа и виртуальная идентичность	21
3.2.7 Другие области социальных сетей: видеоигры	22
3.2.8 Другие виды социальной коммуникации	22
3.3 Использование Интернета и социальных сетей экстремистскими группами для «религиозной» радикализации	23
3.3.1 Виды использования Интернета и социальных сетей	23
3.3.2 Процессы использования интернета и социальных сетей	24
3.3.3 Гендерные проблемы в религиозной насильственной радикализации	25
3.4 Интернет, социальные сети и крайне правая, и левая политическая радикализация	27
3.5 Принятие пользователями и влияние на молодежь	29
4 Роль социальных медиа в насильственной радикализации молодежи в арабском мире и в Африке	31
4.1 Новое поле на подъеме	31
4.2 Исследование насильственной радикализации в арабском мире, как новой геополитической проблемы	31
4.3 Насильственная радикализация или терроризм: кто что говорит в арабском мире?	34

4.4	Активность арабской молодежи против насильственной радикализации через социальные сети	35
4.5	Исследования, появляющиеся в Африке	35
5	Роль социальных медиа в насильственной радикализации молодежи в Азии	37
5.1	Различные формы насильственной радикализации и их проявления в Азии	37
5.1.1	Политическая радикализация	38
5.1.2	Религиозная радикализация	38
5.1.3	Психосоциальная и социально-экономическая радикализация	39
5.2	Радикализация и социальные медиа в Азии	39
6	Инициативы по профилактике в интернете: контр/альтернативная пропаганда и медийная и информационная грамотность	41
6.1	Альтернативная пропаганда	41
6.2	Медийная и информационная грамотность и критическое мышление	43
6.3	Инициативы МИГ по радикализации, молодежи и социальным медиа	45
7	Основные результаты	49
7.1	Отдельные платформы социальных сетей	50
7.2	Пол и радикализация	50
7.3	Крайнее правое и левое крыло	51
7.4	Медийная и информационная грамотность	54
7.5	Арабский мир и Африка	52
7.6	Азия	52
8	Выводы	53
9	Рекомендации	57

Приложения

Приложение 1.	Методология и стратегия систематического поиска	61
Приложение 2.	Сопоставление авторов и литературы по радикализации и социальным медиа	75
Приложение 3.	Центры или учреждения, изученные в настоящем исследовании: разбивка по странам	79
Приложение 4.	Квебекский призыв к действиям	86

Следующие документы найдены только в Интернете:

Приложение 5.	Библиография избранных работ, опубликованных на английском языке	88
Приложение 6.	Библиография избранных работ, опубликованных на французском языке.	107
Приложение 7.	Библиография избранных работ, опубликованных на арабском языке	116
Приложение 8.	Библиография избранных работ, опубликованных на китайском языке	122
Приложение 9.	Общая библиография документов на разных языках	126

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние годы отмечается существенное распространение феномена, часто называемого «подстрекательством к радикализации в сторону насильственного экстремизма» (или «насильственной радикализацией»). Главным образом это касается Интернета в целом и социальных сетей в частности. И это несмотря на то, что, если мы сосредоточимся только на Интернете, сразу становится очевидным, что другие офлайн-факторы, включая личные контакты, давление со стороны сверстников и ложная информация, представляют собой более мощные силы и игнорируются из-за опасения ограничения наших прав на свободу выражения мнений.

Наряду с повышенным вниманием к «подстрекательству к экстремизму и насилию» в Интернете, предпринимаемые попытки предотвратить это явление создали проблемы для свободы выражения мнений. Они варьируются от неизбирательного блокирования, чрезмерной цензуры (затрагивающей как журналистов, так и блогеров) и вторжения в частную жизнь - вплоть до подавления или использования средств массовой информации в ущерб независимого доверия).

Поэтому нам пора вспомнить ключевые международные стандарты в области прав человека, которые должны служить ориентиром в условиях надвигающегося насильственного экстремизма.

Во-первых, мы можем сослаться на Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП), который в статье 19 выдвигает на первый план защиту свободы выражения мнений.

Пакт также признает, что существуют определенные пределы свободы выражения мнения. Статья 20 призывает запретить «пропаганду войны» и «любую пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию». В статье 19 МПГПП говорится, что при необходимости, допускается введение определённых законодательных ограничений свободы выражения мнения в целях защиты личной репутации, национальной безопасности, общественного порядка, общественного здоровья или общественной морали. Все эти положения имеют отношение к насильственной радикализации. В Замечании общего порядка № 34 Комитета ООН по правам человека подчеркивается, что Статью 20 об обязательных ограничениях следует толковать в контексте Статьи 19. В целом в ней подчеркивается, что свобода является нормой, и что любые ограничения должны носить исключительный характер и применяться только в случае необходимости и быть пропорциональными реальным обстоятельствам.

Во-вторых, существует *«Рабатский план действий по запрещению пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, враждебности или насилию»*.¹ Рабатский план

¹ http://www.un.org/en/preventgenocide/adviser/pdf/Rabat_draft_outcome.pdf

был разработан в 2012 году Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека. Он предостерегает нас от незаконных ограничений речи, основанных на предполагаемом внедрении стандартов МПГПП.

Рабатский план предлагает детальный подход к оценке проявлений ненависти с точки зрения того, действительно ли они причиняют вред. Этот подход предполагает, что ограничение следует рассматривать только с точки зрения оценки:

- (a) контекста воздействия (намерение и вероятность),
- (b) статуса говорящего,
- (c) конкретного содержания,
- (d) охвата выражения и
- (e) фактической неизбежной вероятности причинения вреда. Это призывает нас использовать наши головы, а не сердца, при определении отношения к проблеме насильственной радикализации.

В-третьих, региональные докладчики и докладчики ООН признают, что речь может быть «оскорбительной, шокирующей и возмущающей», но при этом не представлять угрозу национальной безопасности, не разжигать ненависть, носящую разрушительный характер, и не содержать пропаганду войны.

Все это означает, что необходимо очень тщательно подходить к оценке вопроса защиты свободы выражения мнений, своевременно выявляя и должным образом реагируя на выражения, которые могут быть использованы в интересах насильственного экстремизма.

Это поднимает вопрос о том, возможно ли и имеет ли смысл проводить различие между двумя случаями выражения мнения. С одной стороны, существует выражение мнения, которое соответствует МПГПП, Рабатскому Плану и тестам докладчика - даже если оно «оскорбительно, шокирует или возмущает» некоторых - и, таким образом, не имеет оправданных ограничений. С другой стороны, существует выражение мнения, которое доводит экстремизм до уровня подстрекательства к причинению вреда (дискриминации, враждебности и насилия), угрозы национальной безопасности или подготовки к войне.

В принципе, нам не следует исходить из обязательного наличия связи между этими двумя различными типами выражений, как и не следует нарушать право на законное право на выражение мнения «на всякий случай» или исходя из предположения, что оно является частью причинно-следственной цепочки, которая неизбежно заканчивается подстрекательством к причинению вреда. Здесь важно не забывать об основном смысле Рабатского плана, который подчеркивает сложность определения опасного характера выражения, и степени угрозы, которую оно представляет, и, следовательно, заслуживает особого внимания.

Такие предостережения, часто появляются в результате политического давления с целью быстрого реагирования на террористические атаки. Существует упрощенный подход к проблеме радикализации молодежи через Интернет, при котором вся ответственность возлагается на компании, владеющие социальными сетями, и раздаются призывы к этим компаниям об усилении мер, препятствующих радикализации молодежи, ведущей к насильственному экстремизму через социальные сети.

При этом, несмотря на то, что приверженцы этой точки зрения обвиняют Интернет в насильственной радикализации, нет никакой уверенности в том, что простое удаление этого фактора (например, из-за отключения Интернета) положит конец проблеме радикализации. Точно так же, удаление явно опасного онлайн-выражения само по себе не гарантирует решение проблемы, которая, очевидно, имеет более глубокие и глубокие корни.

При этом, совершенно очевидно, что удаление выражений может создать еще больше проблем, приводя к нарушениям законного права на выражение мнения, будь то государственными структурами или интернет-компаниями. Эту точку зрения решительно высказали четыре специальных докладчика по вопросу о свободе выражения мнений,² а также поддержали многие субъекты гражданского общества.

Все это указывает на важность поиска фактических данных о реальной роли Интернета в насильственной радикализации, а также на равную важность поиска фактических данных о влиянии ответных мер, связанных с Интернетом.

ЮНЕСКО заказала данный анализ, с целью представить результаты научных и академических исследований. Данный документ является результатом работы, при участии, в том числе, и Межправительственной программы «Информация для всех» (ПИДВ), начатой в 2015 году, когда ЮНЕСКО возглавила первую в истории международную конференцию «Молодежь и Интернет: борьба с радикализацией и экстремизмом»³.

За этим последовала международная конференция «Интернет и радикализация молодежи: предотвращение, действия и совместная жизнь», организованная в 2016 году совместно ЮНЕСКО, ИФАП и правительством Квебека при поддержке правительства Канады.⁴

В результате «Квебекский призыв к действиям» («Appel de Quebec») призвал международное сообщество принять многоплановые меры по борьбе с насильственным экстремизмом. В мае этого года ЮНЕСКО и IFAP также организовали международную конференцию «Молодежь и ИКТ: на пути борьбы с насильственным экстремизмом в киберпространстве» в г. Бейрут, Ливан.

² <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=19915&LangID=E>

³ <http://en.unesco.org/youth-and-internet-fighting-radicalization-and-extremism>

⁴ <http://en.unesco.org/ConfQcUNESCO/home>

В качестве справочной информации уместно отметить, что в 2013 году Генеральная конференция ЮНЕСКО приняла резолюцию по вопросам, связанным с Интернетом, которая поощряла международное и междисциплинарное отражение и обсуждение этических проблем, возникающих в связи с новыми технологиями и информационным обществом. За этим последовала конференция 2015 года «СОЕДИНЕНИЕ точек», которая привела к принятию решения 56 Генеральной конференции под названием «СОЕДИНЕНИЕ точек: варианты будущих действий: роль ЮНЕСКО в вопросах, связанных с Интернетом»,⁵ на которой был одобрен ряд вариантов, в том числе призыв к основанным на правах человека размышлениям, исследованиям и общественному диалогу о этических последствиях новых и появляющихся технологий и их потенциальном социальном воздействии. Именно на этих основаниях был составлен настоящий отчет.

Можно добавить, что в октябре 2015 г. Исполнительный совет ЮНЕСКО принял решение о роли ЮНЕСКО в развитии образования как инструмента предотвращения насильственного экстремизма.⁶ Была высказана обеспокоенность по поводу «насильственного экстремизма, который может способствовать терроризму, и всемирной проблемы вербовки и радикализации в направлении насильственного экстремизма молодежи в средствах массовой информации, в общинах и в школах». В нем также упоминалась Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, принятая в 2006 году резолюцией 60/288 Генеральной Ассамблеи, в которой ЮНЕСКО призвана играть ключевую роль в мерах по устранению условий, способствующих распространению терроризма.

Ясно, что стратегическое решение проблемы насильственного экстремизма заключается, в частности, в образовании. Признавая необходимость таких долгосрочных решений. Это подразумевает, что в краткосрочной перспективе мы должны найти политику предотвращения и позитивного общения, которая защищает проявления идентичности, избегая насильственного экстремизма. Здесь уместно указать, что в своем решении 2015 года Исполнительный совет ЮНЕСКО подчеркнул важность помощи ЮНЕСКО в предупреждении насильственного экстремизма посредством пропаганды образования по вопросам глобальной гражданственности и связанных с ним мероприятий и программ. В рамках исполнения этого решения Генеральный директор выступил с докладом о ходе работы Исполнительному совету в августе 2016 г. (см. 200 EX/9), включающем ссылку на подготовку настоящего отчета.

Результаты исследования указывают на недостаточность данных для улучшения нашего понимания роли Интернета и проявлений насильственного экстремизма. Таким образом, отсутствуют знания, которые могли бы обеспечить разработку научно обоснованной политики предотвращения и противодействия этому явлению. Такое положение вещей может быть частично обусловлено разрывом между проводимыми академическими исследованиями и последующей публикацией их результатов. Это, безусловно, отражает недостатки, характерные для большей части современных исследований.

В свою очередь, это наблюдение подчеркивает важность дальнейшего изучения этих проблем. Однако это также возвращает нас к важности основополагающих

⁵ 38 GC/Decision 56; <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002433/243325e.pdf>

⁶ Решение 46, принятое на 197-й сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО (197 EX /Решение 46t) <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002351/235180e.pdf>

принципов и ценностей МПГПП, Рабатского плана и глубины знаний докладчиков.

Может потребоваться некоторое время, пока мы не получим более достоверные и всесторонние, пусть и не окончательные, результаты исследований, которые смогут дополнить эти международные инструменты и послужить основой для разработки и применения нашей политики. Но, по крайней мере, нельзя сказать, что мы совсем не готовы к решению сложных вопросов, связанных с проблемами свободы выражения мнений и подстрекательства к насильственному экстремизму в Интернете.

Франк Ла Рю

Помощник Генерального директора

по коммуникациям и информации

КРАТКИЙ ОБЗОР

Приводят ли социальные сети уязвимых людей к насилию? Многие люди верят, что это так. И они отвечают на такую возможность введением цензуры, слежкой и контрпропагандой. Но что мы действительно знаем об Интернете как о причине и что мы знаем о влиянии этих реакций? Во всем мире правительства и интернет-компании принимают решения на основе предположений о причинах и средствах защиты от насильственных нападений. Задача состоит в том, чтобы обеспечить надежные обоснования для проводимого анализа и принимаемых ответных мер. Необходима политика, которая строится на основе фактов и доказательств, а не основывается на догадках - или движимая паникой и страхом.

Именно в этом контексте ЮНЕСКО заказала исследование под названием *«Молодежь и насильственный экстремизм в социальных сетях - сопоставление исследований»*. В данной работе представлено глобальное сопоставление исследований (проведенных в основном в период 2012-2016 гг.), посвященных изучению предполагаемой роли, которую играют социальные сети в процессах насильственной радикализации, особенно когда они затрагивают молодежь и женщин. Исследование проводилось в связи с существующим убеждением, что Интернет в целом является активным переносчиком насильственной радикализации и способствует распространению насильственных экстремистских идеологий. Действительно, многие исследования показывают, что приверженцы этих идей на самом деле широко распространены в Интернете. Растет объем знаний о том, как террористы используют киберпространство. Однако менее очевидным является влияние этого использования, а еще более непрозрачным - степень, в которой *контрмеры* помогают продвигать мирные альтернативы. Несмотря на то, что использование Интернета может облегчать процесс распространения идей, не установлено, что существует причинно-следственная связь между ним и радикализацией в направлении экстремизма, насильственной радикализацией или совершением фактических актов экстремистского насилия.

В Разделе 1 представлено краткое описание Отчета, его целей и его структуры. Используемые в Отчете определения обсуждаются в **Разделе 2**.

Разделы 3, 4, и 5. В Отчете на основе библиометрического и научного анализа исследований, проведенных в Европе, Северной Америке, Латинской Америке, Карибском бассейне, арабском мире, некоторых частях Африки и Азии, посвященных связи между использованием социальных сетей и явлениями радикализации, анализируются более 550 исследований, опубликованных в научной литературе и «серой литературе», охватывающих материалы на английском (260), французском (196) и арабском (96) языках. Это показывает, что очень мало исследований было сосредоточено на эффективной роли использования социальных сетей в насильственной радикализации. Несмотря на то, что многие статьи посвящены электронным стратегиям и использованию Интернета и социальных сетей в целях привлечения сторонников, существует очень мало эмпирических исследований, в

которых описывается и изучается реальное влияние этих стратегий на молодежь, и они редко изучаются гендерные аспекты.

Раздел 6. В отчете рассматриваются особенности инициатив по профилактическим мерам в Интернете: контр/альтернативная пропаганда и медийная и информационная грамотность (МИГ). В мире было реализовано несколько формальных и неформальных инициатив по обеспечению МИГ, в которых МИГ использовалась в качестве педагогической практики по развитию особого набора навыков, позволяющих адекватно реагировать на пропаганду гнева и мести. Эти инициативы также направлены на создание цифровых контраргументов, отражающих представления молодежи о себе и других, особенно с точки зрения противодействия несправедливости, дискриминации, коррупции и злоупотреблениям со стороны сил безопасности. Другие программы нацелены на молодежь напрямую, в первую очередь для расширения ее собственных возможностей, исходя из того, что МИГ может положительно влиять на маргинализацию насильственного экстремизма, или даже на его сдерживание.

Раздел 7. Количество доказательств связи между Интернетом, социальными сетями и насильственной радикализацией, имеющихся на сегодняшний день, очень ограничено и до сих пор они не обладают достаточной убедительностью, особенно в области информационных и коммуникационных наук по сравнению с другими дисциплинами (история, социология, психология). Большинство рассмотренных исследований остаются в основном описательными, а большинство исследований по получению эмпирических данных имеют низкое методологическое качество, имеют небольшие масштабы и основаны на ограниченных наборах данных. В результате они не могут предоставить данные о факторах, привлекающих интерес к экстремистским сайтам, об участии в этих вопросах социальных сетей, о причинах влияния контента, внешних и внутренних коррелирующих факторах, а также о путях, которые приводят молодежь к совершению насильственных действий. При этом некоторые данные также свидетельствуют о том, что Интернет и социальные сети могут играть роль в процессе насильственной радикализации, главным образом посредством распространения информации и пропаганды, а также усиления, идентификации и привлечения (само) отобранной аудитории, которая интересуется радикальными и жестокими сообщениями.

Раздел 8. В этом разделе представлен анализ влияния социальных сетей на насильственную радикализацию, который показывает, что имеющийся в настоящее время объем качественных данных по этому вопросу ограничен, в отличие от литературы о расширении прав и возможностей молодежи в области безопасного использования Интернета. В то время как доля «серой» литературы увеличивается, академическая сфера нуждается в дальнейшем изучении и теоретическом обосновании. Кроме того, в некоторых исследованиях отсутствуют важные методологические меры, такие как тематические исследования, небольшие наборы данных (ограниченный объем, ограниченное число наборов данных и кратковременный анализ). Точные роли и процессы, посредством которых Интернет и социальные сети способствуют процессу радикализации, еще предстоит изучить. Тем не менее, нет достаточных доказательств, чтобы сделать вывод, что существует причинно-следственная связь между экстремистской пропагандой или вербовкой в социальных сетях и насильственной радикализацией молодежи. Обобщение фактических данных показывает, в лучшем случае, что социальные сети - это среда,

которая способствует насильственной радикализации, а не осуществляет ее.

Раздел 9. В этом разделе предлагаются рекомендации, которые могут быть полезны для различных заинтересованных сторон. Насильственную радикализацию молодежи необходимо воспринимать как сложный процесс, в котором социальные сети не отделены от других коммуникационных платформ и различных офлайн-факторов. В то время как приемы онлайн-радикализации все еще недостаточно изучены, деятельность и использование социальных сетей террористами хорошо известны. Исследования подтверждают, что многие из этих приемов направлены на то, чтобы вызвать страх среди пользователей Интернета в целом, помимо этого, их цели включают также подстрекательство и вербовку людей, с целью их присоединения к движению, и привлечению к участию в насилии. Попытки бороться с интернет-аспектам насильственной радикализации молодежи не доказали свою эффективность, но, с другой стороны, очевидно, что они могут нанести ущерб свободам в Интернете, особенно свободе выражения мнений, свободе информации, конфиденциальности и праву на объединение. Существует потребность в более четко теоретически обоснованных и основанных на фактических данных результатах, касающихся как процессов радикализации в Интернете, так и результатов онлайн-профилактики и политических мер.

ВВЕДЕНИЕ

1.1 Предмет отчета

Интернет предлагает значительные возможности для поддержки выполнения Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года и продвижения всех прав человека, включая доступ к информации, свободу выражения мнений и конфиденциальность. Определенные формы использования Интернета и связанные с Интернетом последствия могут также привести и к нарушениям этих прав. В связи с этим ЮНЕСКО стремится повысить осведомленность среди всех заинтересованных сторон, стимулировать дискуссии и находить решения, направленные на смягчение неблагоприятных последствий и расширение самого широкого распространения существующих преимуществ и возможностей. В список таких усилий входит и проведение настоящего исследования под названием *«Молодежь и насильственный экстремизм в социальных сетях»*, призванного обеспечить глобальное сопоставление исследований предполагаемой роли, которую играют социальные сети в процессах радикализации во всех регионах мира.

Террористические акты во всем мире поставили под сомнение нашу способность понимать явление радикализации и, самое главное, генерировать знания, необходимые для осмысления таких действий и их предотвращения. Исследования стали надежным инструментом для понимания радикализации, построения коллективного интеллекта и принятия практических мер, позволяющих обмениваться опытом по этой теме. Одной из таких областей накопления знаний является исследование роли Интернета и, в частности, социальных сетей, в процессах насильственной радикализации и терроризма.

За последние 10 лет выдающиеся исследователи в области гуманитарных и социальных наук, таких как технологии, образование, политология, психология и социология, исследовали динамику цифровых социальных сетей и, в большей степени, цифровой вселенной (игры, видео, блоги, форумы). Несколько ученых специально изучали связь между социальными сетями и растущей ролью личной, политической, этнической, религиозной и насильственной радикализации молодежи в сектантских или политических группах.

Многие утверждают, что Интернет становится все более активным проводником насильственной радикализации, которая способствует распространению экстремистских идеологий в недорогих, быстрых, децентрализованных и глобально связанных сетях (Awan, 2012; Hawdon, 2012). Террористические группы в настоящее время широко распространены в Интернете и используют это киберпространство по-разному: от вербовки в Интернете до трансляции насильственного контента. Этот отчет посвящен обзору исследований, посвященных процессам цифровой радикализации, потенциальному влиянию социальных сетей на радикализацию молодежи, ведущую к насильственному экстремизму, а также роли альтернативной контрпропаганды в предотвращении

насильственного экстремизма.

В этом отчете термин «киберпространство» используется для обозначения Интернета как сети сетей и «социальных сетей» как социальной сети, которая может объединять различные интернет-платформы и приложения для обмена и публикации в Интернете. Рассматриваются все аспекты социальных сетей, то есть онлайн-производство радикальных (политических, социальных, религиозных) ресурсов или контента, присутствие террористических или радикализованных групп в социальных сетях и участие молодежи в радикальных разговорах. Основная цель состоит в том, чтобы обобщить данные о том, как социальные сети могут или не могут выступать в качестве проводников насильственных экстремистских обсуждений и могут или не могут образовывать более или менее контролируемые пространства для обмена, которые могут быть благоприятными для насильственных экстремистских форм взаимодействия. Основу анализа составляют научные статьи, охватывающие все аспекты киберпространства, относящиеся к социальным сетям и связанной с ними цифровой среде. В тех случаях, когда академические эмпирические исследования отсутствовали, использовалась серая литература и отчеты.

Цель настоящего этого отчета заключается в следующем:

- Провести систематический обзор исследований роли Интернета и социальных сетей в насильственной радикализации;

- Оценить текущее состояние научных исследований о прямом или косвенном влиянии социальных сетей на насильственную радикализацию;

- Провести обзор исследований результатов онлайн-инициатив по профилактике и вмешательству в связи с насильственной радикализацией;

- Сформулировать рекомендации для будущих исследований и предотвращения насильственной радикализации через Интернет и социальные сети;

За счет привлечения помощью междисциплинарной и многокультурной команды в отчете используется многоуровневый подход для определения сложности явления посредством:

- Принятия во внимание факторов уязвимости молодежи, таких как борьба за идентичность, поведенческие проблемы, преступность и стремление к значимости;

- Изучения роли Интернета и социальных сетей в отношении воздействия насилия и методов идеологической обработки, а также распространения информации;

- Изучения того, как экстремистские вербовщики используют доступные повествования и обсуждения для привлечения и установления связи с молодыми людьми.

В отчете применяется методология обзора, разработанная некоммерческой организацией «Campbell Collaboration» для проведения систематических обзоров

(подробное описание методологии поиска и синтеза см. в Приложении 1). Систематический обзор включает оценку количественных и качественных эмпирических данных о корреляции между многократным использованием социальных сетей и вовлечением в процесс насильственной радикализации. Также принимаются во внимание литература, которая связывает ненавистнические высказывания, «фальшивые новости» и обсуждения радикализации, и уровни влияния (прямого и косвенного взаимного влияния) этих обсуждений. Обобщение фактических данных сосредоточено на точках консенсуса и разногласий в отношении связей между процессами насильственной радикализации и социальными сетями, с целью лучше информировать международных политиков, научное сообщество и другие заинтересованные стороны.

1.2 Структура отчета

Настоящий обзор охватывает различные формы явлений насильственной радикализации, целью которых является использование насилия в качестве *способа продвижения* своих требований, стратегий связи и действий. Радикализация рассматривается как процесс раскола внутри общества. Приверженность идеям, ведущим к насильственному экстремизму, может затем привести людей к участию в актах насилия. Поскольку концепция насильственной радикализации еще далеко не единодушна, Раздел 2 настоящего отчета посвящен определению концепции, использовавшейся в ходе поисков материалов для систематического обзора. В Разделах 3, 4 и 5 обобщены данные о роли Интернета и социальных сетей в насильственной радикализации молодежи в четырех крупных географических регионах, где доступна научная литература, в частности в Северной Америке и Европе, Латинской Америке и Карибском бассейне, Азии, Африке, и арабском мире. Раздел 6 посвящен обобщению исследований инициатив по профилактике в Интернете, а именно программ по распространению медийной и информационной грамотности (МИГ). В Разделе 7 обобщаются основные выводы обзора, а в Разделах 8 и 9 рассматриваются основные выводы, ограничения и рекомендации по будущим исследованиям и профилактике. В Приложении 1 приводится подробное описание методов систематического обзора, а в Приложении 2 приводится исчерпывающее глобальное сопоставление исследовательских центров, в настоящее время работающих над ролью социальных сетей в процессах насильственной радикализации во всех регионах. В Приложении 3 представлена таблица исследовательских центров и учреждений, включенных в этот обзор. В Приложении 4 приведен Квебекский призыв к действию. Приложения с 5 по 9 (доступные только онлайн) включают списки использованной литературы.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Поскольку термины «радикализация», «терроризм» и «война с терроризмом» лежат в основе коммуникационной полемики как в основных средствах массовой информации, так и в социальных сетях, необходимо подумать об использовании этих терминов, рассмотрев связанные с ними предположения и смысловые оттенки (Rousseau et al., 2016). Указанные слова и их сопутствующая окраска связаны с социальной сферой, которую они представляют. На самом деле они свидетельствуют о мощных политических инструментах, которые оправдывают и мобилизуют действия. Следовательно, определения относятся к сильно политизированным семантическим полям, которые колеблются в зависимости от политических приоритетов.

В этом обзоре учитываются критические подходы социологии радикализации (Guibet & Lafaye, 2016), в которых освещаются политические, культурные и социальные противоречия самого понятия радикализма. Радикализм использовался ненадлежащим образом и взаимозаменяемо с такими понятиями, как фундаментализм (который обычно относится к религиозному подходу), воспитание (которое относится к процессу ментального контроля), джихад, экстремизм и терроризм. Поскольку термин «радикализация» используется слишком часто и попадает в различные риторические атрибуты, важно опираться на происхождение этого термина, которое связано со словом «корень», т.е. фундаментальным происхождением идеи или причиной. Таким образом, радикализация в своем эпистемологическом смысле означает привязку себя к своим знаниям, мнениям, ценностям и убеждениям для определения своего поведения. В этом значении слова революционные политические теории, такие как марксизм, или социальные движения, такие как суфражисты, или борьба Ганди против британской колонизации, и революционные научные теории, такие как теория относительности Эйнштейна, могут быть квалифицированы как радикальные идеи. Кроме того, любые социальные изменения, такие как радикальный феминизм, прекращение рабства или колонизации и т. п., основаны на радикальных позициях, которые формируют и поддерживают социальные преобразования. В этом смысле они являются «экстремистскими», если рассматривать их с точки зрения *существующего положения*. Многие из этих теорий и движений внесли значительный вклад в улучшение общества и индивидуальных свобод, и прав как с применением насилия, так и без него. Как показал Московичи (1976г.), такие движения иногда можно рассматривать как источник обновления и социальных изменений. Таким образом, важно отличать радикализацию идей от радикализации действий, а также отличать радикализацию в сторону экстремизма, насильственной радикализации (когда экстремизм становится насильственным) от актов

экстремистского насилия, включая терроризм (как особую форму и логику насилия).

Согласно отчетам и политикам, подобным тем, которые были разработаны в Европейском союзе и Организации Объединенных Наций, термин радикализация упоминается как процесс, который ведет к экстремизму и, возможно, терроризму (Комиссия парламента ЕС, 15 марта 2015 г.). Похоже, что насильственный экстремизм ликвидирует разрыв с терроризмом. Последнее, хотя и не определено ООН, в данном исследовании понимается как описание использования реального или символического насилия в отношении гражданских лиц в политических целях (Doucet, 2005). Он заключается в применении насилия для насаждения страха, дестабилизации и последующего разрушения существующего оспариваемого порядка (Отчет о террористической ситуации и тенденциях в Европейском союзе, 2016 г.).

В настоящее время нет единого определения радикализации. Авторы используют этот термин по-разному. В соответствии с его междисциплинарным и многоуровневым подходом, этот отчет основан на трех дополнительных определениях радикализации. Первое определение принадлежит Фархаду Хосрохавару (2014г.), который определяет концепцию «радикализации» на микроуровне с упором на отдельного человека. Насильственная радикализация анализируется как индивидуальное вовлечение и процесс обучения насильственным действиям с особым вниманием к эмоциональным и когнитивным процессам влияния. Согласно Хосрохавару, радикализация - это процесс, при котором индивид или группа людей приходят к использованию насильственных мер. Это напрямую связано с экстремистской идеологией, которая оспаривает установившийся порядок на политическом, социальном или культурном уровне. Определение Хосрохавара помогает изучить потенциальную силу аккумуляции Интернета, которая ведет к созданию личности *оппозиционного героя* среди уязвимых людей. Основное внимание Хосрохавар уделяет исламистской религиозной радикализации на Западе. Поэтому такой подход ограничен с точки зрения анализа других форм радикализации и в других контекстах. Он также предполагает, что радикализация по своей сути связана с насилием, тогда как радикализация может быть процессом, направленным на крайности, которые не охватывают и не катализируют акты насилия.

Второе определение взято у немецкого социолога Вильгельма Хейтмейера (1989; 2002), который исследовал процессы, порождающие правый экстремизм. Он разработал теорию социальной дезинтеграции с учетом различных уровней экосистемы человека и их взаимосвязи. Это относится к социально-психологическим аргументам Франкфуртской школы, согласно которым насильственная радикализация рассматривается как продукт сочетания личного опыта и социальных условий, порождающих социальные обиды. Согласно Хейтмейеру (1989г.), «праворадикальная экстремистская ориентация характеризуется элементами или альтернативами социальным моделям, определенным теоретически, но практически часто основывающимся на неосуществленных обещаниях политической демократии, индивидуальных возможностях свободы и равенства» (Heitmeyer, 1989, p. 164-76). Таким образом, на макроуровне крайне правая насильственная радикализация может рассматриваться как форма войны или партизанской войны, бросающая вызов давним отношениям власти и угрожающая гражданским свободам и безопасности. Этот подход

ограничен в отношении его предположения о том, что радикализация влечет за собой акты насилия.

Третье определение, основанное на экосистемной структуре, используется Шмидом (2013), который определяет радикализацию как индивидуальный или коллективный процесс. Радикализация возникает из трения межобщинных отношений и сопровождается ситуацией политической поляризации. По крайней мере, одна из сторон отказывается от практики диалога, компромисса и терпимости между разными игроками в пользу эскалации тактики конфронтации и насилия. Это определение также охватывает часто упускаемые из виду серьезные последствия прекращения демократического диалога и вовлечения граждан. Его преимущество заключается в том, что он описывает, как создаются идеологические, внушающие внимание коллективные обсуждения, когда «другие» изображаются как радикально отличные от «нас». Последние затем рассматриваются как оскорбляемые, подвергающиеся угрозам, жертвы, нуждающиеся в защите, в то время как «другие» дегуманизируются (например, представляются в виде зла; например, категория «кафир», используемая исламистской радикализацией, или «свиньи, животные», используемые правыми экстремистами применительно к разным группам). Следовательно, закон оправдывает исключение, преследование и возможное насилие. В то же время, этот подход рассматривает и указывает радикализацию как динамичный двусторонний процесс, а не как риторику «Мы против Них» или на одностороннее навешивание ярлыка одному из главных сторонников. Исследования показывают, что процессы, хорошо известные за пределами Интернета, также усиливают эффекты деиндивидуации и групповой поляризации и в сети (Spears & Postmes, 2015, Reicher et al., 1995): аффективная мобилизация (Ernst-Vintila & Macovei, 2016), групповая лояльность (Sageman, 2011/2016), основанные на мнении сообщества, придерживающиеся определенного мнения (McGarty et al., 2014) и предвзятость подтверждения. По этим причинам системное понимание Шмида является ценным для разработки эффективных и первичных профилактических инициатив. В этом исследовании такие инициативы упоминаются как «предотвращение насильственного экстремизма» (ПНЭ) и «противодействие насильственному экстремизму» (ПДНЭ).

Эти вышеупомянутые определения позволяют нам определить концепцию насильственной радикализации, как динамическое и взаимодополняющее сосуществование как минимум трех уровней, наблюдаемых как в реальном мире, так и в киберпространстве:

- ➔ Поиск индивидуумом фундаментального значения, происхождения и возврата к корневой идеологии;

- ➔ Индивидуум как часть принятия группой насильственной формы расширения корневых идеологий и связанных с ними оппозиционных целей;

- ➔ Поляризация социального пространства и коллективное конструирование находящегося под угрозой исчезновения идеала «мы» против «них», где другие дегуманизируются и делаются козлами отпущения.

Что касается конкретных характеристик социальных сетей, то эти уровни становятся еще более заметными благодаря различным аспектам радикализации в

средствах массовой информации, включая распространение пропаганды радикальными группами, представление насильственной идентичности в средствах массовой информации и социальных сетях, а также, взаимной поляризации и «отчуждения от себя» (гипотеза совместной радикализации, Pratt, 2015; Reicher & Haslam, 2016).

С точки зрения теоретической оценки литературы, в этом обзоре особое внимание уделяется предположениям о процессах радикализации посредством интернет-коммуникаций и других взаимодействиях и воздействий, получаемых в реальной жизни. В обзоре отмечается, что социология средств массовой информации указывает на то, что социальные сети все чаще становятся проводниками внутренних и внешних социальных и политических реалий, что они также способствуют репрезентации, основанной на различных повестках дня, которые различаются в пространстве и времени (Schmid, 2013). Две основные социологические школы занимаются теоретической оценкой восприятия интернета и социальных сетей. Школа, основанная на критических последствиях, утверждает, что Интернет и социальные сети стали очень мощным средством коммуникации, которое в настоящее время оказывает полный дезорганизационный эффект на все средства и процессы коммуникации. Социальные сети рассматриваются как активные рычаги ненавистнических высказываний, теорий заговора и роста экстремизма посредством десенсбилизации, которая ведет к принятию насилия. Школа, основанная на социально-психологическом использовании, ставит под сомнение структурирующие эффекты социальных сетей, эмпирически выявляя только косвенные и ограниченные эффекты. С этой точки зрения, роль социальных сетей в насильственной радикализации и экстремизме представляет собой трансляцию социальных разрывов, существующих в реальной жизни.

В этом отчете радикализация в литературе оценивается с точки зрения концептуального различия между процессом радикализации, процессом насильственной радикализации (узаконивание принятия насилия) и актами насилия, даже если иногда они объединяются в исследованиях, рассмотренных в настоящем отчете.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ, ВЕДУЩЕЙ К НАСИЛЬСТВЕННОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В ЕВРОПЕ, СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ, ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И СТРАНАХ КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

В следующем разделе обобщается текущее состояние исследований в Европе, Северной Америке, Латинской Америке и странах Карибского бассейна. Эти четыре географических региона были объединены вместе из-за общности и сходства, отмеченных в академической и серой литературе. Однако такая тенденция не должна затмевать особенности исторического, политического, экономического и социального контекста, которые порождают насильственную радикализацию или защищают от нее в каждом из конкретных обществ, входящих в эту группу.

Важно отметить, что следует очень четко помнить, что для *цифровых аборигенов*, Интернет является «естественным» продолжением реального общества, как его знают другие поколения. Действительно, «Postmes & Brunsting» (2002) привел ранние эмпирические доказательства того факта, что действия в сети часто считаются эквивалентной альтернативой действиям в реальной жизни (как активистами, так и не активистами), а также утверждал, что Интернет может способствовать формированию идентичности и помогать создавать сообщества.

Очень мало исследований касалось эффективной роли использования социальных сетей в насильственной радикализации. Хотя большое количество статей посвящено электронным стратегиям террористов и использованию Интернета и социальных сетей в Интернете для вербовки, существует очень мало эмпирических исследований, которые описывают и исследуют фактическое влияние этих стратегий на молодежь (Эрнст-Винтила, *в процессе подготовки*, 2017г.) и они редко изучают гендерные аспекты.

3.1 Область недавних исследований

Трудно распутать литературу, посвященную Интернету, веб-приложениям и социальным сетям до обновления социальных сетей 2005 года. Несмотря на более целенаправленные исследования к 2010 году, социальные медиа все еще

включались в метафору «сеть» (Goede, 2012), которая использовалась для охвата всего Интернета, включая веб-приложения и производные платформы. Метафора сети несет в себе определенное количество ценностей, таких как трансграничное соединение, и платформу, которая делает мир действенным и поддающимся вмешательству. Но это также все чаще признается технологическим риском, который несет в себе чувство опасности с быстрым распространением вирусов, слухов и ненависти. В то же время, в отношении радикализации, экстремизма и терроризма, сеть является не только частью проблемы, но и частью ее решения. Интернет сам по себе не является рычагом радикализации, насильственной или иной, но текущее использование социальных сетей и вопросы регулирования информации в Интернете заслуживают изучения того, насколько эффективно они используются в качестве проводника радикализации идей и развития насильственных экстремистских настроений и возможных действий, особенно среди молодых мужчин и молодых женщин.

Большинство исследований, проведенных в обсуждаемых здесь регионах в период между 2005 и 2011 годами, рассматривают положительный опыт использования молодежью Интернета и социальных сетей, в частности, в рамках программы ЕС «Безопасный Интернет» в 1999 году. Несколько исследований изучают негативное использование сети взрослыми (в основном это касается педофилии, порнографии, а также насилия или домогательств в киберпространстве, см. «Livingstone et al.», 2011г.). Основное внимание сфокусировано на индивидуальных, а не коллективных стратегиях, и только очень немногие исследования касаются экстремистского (политического или религиозного) использования киберпространства. В течение того более раннего периода террористические группы еще не были четко определены как политические группы, а рассматривались, скорее, как часть онлайн-субкультур. Это, возможно, и привело к недооценке скорости их преобразования и увеличения их влияния в сети.

Начиная с 2012 года, частично благодаря арабской весне 2011 года и способности к мобилизации ресурсов социальных сетей, некоторые исследования указывают, что сходство социальных сетей и террористических групп, действующих по принципу сети, заключается в том, что они децентрализованы, вездесущи и мобильны (Conway 2007; Schils & Laffineur, 2013). Благодаря Интернету и социальным сетям население трансформируется из пассивных агентов в активных агентов, которые «собирают информацию самостоятельно, а не ждут, пока новостные организации отфильтруют и затем предоставят ее» (Seib, 2006, p. 78). Социализация распространяется на создание и обмен информацией в таких онлайн-сетях. Особенности Интернета привели к трансформации тактики экстремистских групп. Эти группы адаптировались к дематериализованному потенциалу сети. Исследователи согласны с тем, что существуют некоторые ключевые особенности Интернета, которые отличают его от традиционных средств массовой информации. Интернет предлагает информацию в большем объеме и с более высокой скоростью, а также в различных форматах, таких как все виды видео для визуальной коммуникации и эмоций, интерактивная двусторонняя связь, горизонтальные ссылки и т.п. (Nag, 2011). Он также децентрализован и открыт для индивидуального контроля (Tsfati & Weimann, 2002; Weimann, 2006). Он дает возможность исследовать или публиковать информацию с сохранением анонимности и практически без надзора или контроля со стороны правительства,

особенно в тех случаях, где страны с высоким уровнем защиты свободы слова практически не подвергают цензуре интернет-контент. Кроме того, информация может быть размещена в локальных сетях, и при этом нацелена на глобальную аудиторию, в смысле времени и пространства, достигая ее, где угодно и когда угодно (Conway, 2007; Schils & Laffineur, 2013). Платформы социальных сетей, обладающие этими характеристиками, предлагают значительные преимущества экстремистским группам, которые в противном случае могли бы оставаться маргинальными с точки зрения средств коммуникации.

3.2 Изучение специфики социальных сетей

Недавние исследования направлены на расширение использования агрессивными экстремистами социальных сетей, таких как Facebook и Twitter, с дополнительным проникновением в YouTube - все они используются для пропаганды (Интернет как «театр террора», Weimann, 2008), вербовки (Weimann, 2006) и сбора средств. Литература по-прежнему в основном состоит из описательных отчетов серой литературы. Некоторые интересные материалы включают отчет под названием *#Greenbirds: «Оценка важности и влияния иностранных боевиков в сирийских сетях»*, в которых документально иллюстрируется использование социальных сетей для децентрализованной вербовки и ориентации на молодежную аудиторию (ICSR, 2013). Отчет, *«Тенденции джихада» (Trending Jihad)*, подготовленный «Quilliam Foundation» (2014г.) также представляет интерес, поскольку он разбирает каждую крупную социальную сеть и анализирует ее особенности, сравнивает и сопоставляет их в соответствующих ролях, а также сравнивает с веб-сайтами и чатами. Важно отметить, что вышеупомянутые доклады сосредоточены исключительно на насильственной радикализации исламистов и не рассматривают спектр всех других форм и групп насильственной радикализации. Таким образом, предоставляемая ими информация не обязательно подлежит обобщению для других групп.

В следующих подразделах представлена подборка описательной информации, доступной на основных платформах социальных сетей. Существует несколько других каналов, которые используются различными насильственными экстремистскими группами, но не было найдено ни одного исследования или отчета по этим платформам. Другим ограничением является то, что немногие из рассмотренных материалов основаны на обширных эмпирических исследованиях. Это означает, что нет четких доказательств прямой связи между особенностями социальных сетей и результатами насильственной радикализации молодежи в рассматриваемых здесь регионах.

3.2.1 Чаты

Чаты могут быть встроены в большинство носителей на основе Интернета. В отчетах, в которых рассматривались вопросы использования чатов воинствующими экстремистскими группировками, они описываются как пространство, где молодежь, относящаяся к группе риска, ранее не подвергавшаяся воздействию таких идей, может столкнуться с радикализацией через религиозную пропаганду (Quilliam, 2014; Shah, 2012). Это согласуется с подчеркиваемой Сагеманом (2004 г.) ролью чатов и форумов, которые в отличие от веб-сайтов, как пассивных

источников новостей, являются активными источниками взаимодействия. По словам Сагемана, дискуссионные форумы облегчают налаживание связей, потому что они развивают общение между последователями одних и тех же идей (опыта, идей и ценностей), укрепляют межличностные отношения и предоставляют информацию о действиях (тактика, цели, учебные пособия). В чатах также могут быть места, где экстремисты делятся информацией, такой как фотографии, видео, пособия и руководства (Sageman, 2008). Тем не менее, в литературе, рассмотренной в данном исследовании, роль такого фактора в фактическом планировании и координации атак не очевидна.

3.2.2 Facebook

Хотя многие экстремистские группы идеологически и стратегически настроены против Facebook, некоторые из них обеспечивают активное присутствие на этой платформе либо напрямую, либо через своих сторонников (Quilliam, 2013). Однако Facebook, похоже, не используется для прямой вербовки или планирования, возможно, потому что он имеет механизмы отслеживания и может связывать пользователей с реальными местами и определенным временем. Вместо этого Facebook, по крайней мере в прошлом, чаще использовался экстремистами не для прямой вербовки, а в качестве децентрализованного центра для распространения информации и видео или для поиска единомышленников и поддержки (Quilliam, 2014; Shah 2012). Это может быть связано с тем, что молодые сочувствующие могут обмениваться информацией и изображениями и создавать группы Facebook децентрализованным способом.

3.2.3 Twitter

Сайты микроблоггинга, такие как Twitter, предоставляют больше преимуществ для экстремистских групп, потому что проследить личность и источник твитов труднее, что увеличивает коммуникационный потенциал для вербовщиков (Crettiez, 2011; Quilliam, 2014; Menkhaus, 2014). Анализ каналов Twitter, созданных исламистскими воинствующими экстремистскими группами, показывает, что они в основном используются для взаимодействия с оппозицией и властями, что, по-видимому, представляет собой твит-столкновения, которые мобилизуют обе стороны, а также используются для провокации (Quilliam, 2014). Кроме того, через Twitter экстремисты могут легко публично комментировать международные события или личностей на нескольких языках, что позволяет сторонникам действовать активно и своевременно при проведении кампаний (Quilliam, 2014).

3.2.4 YouTube и другие видео платформы

YouTube остается популярной платформой для обмена видео, несмотря на возросшую конкуренцию со стороны других платформ, таких как Dailymotion, Vimeo и т. п. Его преимущество заключается в том, что сложно отследить личность людей, размещающих контент, и при этом дает пользователям возможность писать комментарии и обмениваться контентом (Quilliam, 2014). Тремя основными темами создания видеобращений исламистскими воинствующими экстремистами являются восхваление мучеников, пропаганда терактов-самоубийц и пропаганда экстремистской идеологии (Conway & McInerney 2008; Quilliam, 2014). Quilliam Report (2014) публикует всесторонний анализ содержания исламистских

насильственных экстремистских видео, опубликованных на YouTube. Он описывает, как контент нацелен на сочувствующую аудиторию, и фокусируется на просвещении и восхвалении мучеников, с менее очевидным насильственным содержанием, таким как взрывы смертников. Это может быть неявная стратегия, направленная на подавление экстремистской пропаганды, которая может привести к блокированию или цензуре со стороны правительства или побудить YouTube действовать упреждающе и удалять контент, который нарушает установленные в нем правила использования (Quilliam, 2014; Vergani & Zuev, 2015).

Несколько исследователей провели анализ контента экстремистских обсуждений и видеоконтента в YouTube и Facebook, чтобы определить наиболее часто используемые функции, включая их *методы работы* и предполагаемые эффекты (Salem, Reid & Chen, 2008; Tomomi, 2013). Исследования, сфокусированные на риторической стратегии экстремистских групп, показывают многостороннее использование интернет-ресурсов экстремистскими группами. То есть они производят «гипермедиа-соблазнение» с помощью визуальных фрагментов, которые знакомы молодым людям в Интернете (Ganor et al., 2007; Fighel, 2007; Raffaello, 2011; Vergani, 2014); и они предоставляют контент на нескольких языках, в основном на арабском, английском и французском, с использованием субтитров или аудиоперезаписи, для увеличения возможностей привлечения молодежи в разных странах (Weimann, 2010). Эти видеоролики предоставляют мультимедийные сообщения, которые сочетают невербальные сигналы и яркие образы событий, которые могут вызывать психологические и эмоциональные реакции, а также насильственные реакции (Salem, Reid & Chen, 2008). Террористы фиксируют свои атаки на видео и распространяют их через Интернет, передавая видео подтверждение их эффективности и успешности. Такие видео, в свою очередь, используются для мобилизации и вербовки участников и сочувствующих. Видеоматериалы также служат для аутентификации и архивирования, поскольку в них хранятся видеоматериалы о реальном ущербе и проверяются акты террористической деятельности.

YouTube отреагировал на опасения, создав технологию, которая «фокусируется на той части аудитории ИГИЛ, которая наиболее восприимчива к его сообщениям, и перенаправляет их на кураторские видео YouTube, разоблачающие ИГИЛ, которые их набирают». Этот инструмент был «разработан на основе интервью с перебежчиками из ИГИЛ, уважает конфиденциальность пользователей и может быть применен для решения других типов дискурса насильственной вербовки в Интернете». ⁷ Похоже, что до сих пор никаких академических исследований этой инициативы не проводилось.

3.2.5 Меры саморегулирования в социальных сетях

Очень небольшое исследование оценивает влияние мер саморегулирования со стороны социальных сетей против насильственных экстремистов (Совет Европы, 2012; Gagliardone et al., 2015). Фактически, потребность в этом исследовании возрастает из-за давления правительств, поскольку они требуют, чтобы социальные сети и интернет-провайдеры предпринимали необходимые шаги в отношении информации, связанной с предполагаемыми террористами. Все основные социальные медиа-платформы имеют свои собственные заявления о правах и

⁷ См. веб-сайт <https://redirectmethod.org/>

обязанностях или Условия предоставления услуг, в которых они четко излагают свою позицию в отношении «разжигания ненависти» (которое определяется по-разному) и необоснованного насилия, материалов дискриминационного и незаконного содержания. Они часто оставляют за собой право отозвать или отказаться распространять такой контент, обязуясь, при этом, не разглашать информацию о пользователях с целью соблюдения их конфиденциальности (за исключением случаев причинения вреда другим лицам или законных запросов властей). Со временем несколько провайдеров социальных сетей создали группы рецензентов, которые изучают каждую отправленную им жалобу. Анализ их ежегодных отчетов о прозрачности показывает увеличение запросов со стороны правительств, а не отдельных пользователей (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, 2013 г.).

В последнее время в этой области были введены новые разработки для обмена передовым опытом (на двусторонней основе и через такие организации, как Глобальная сетевая инициатива). Одно из них позволяет обмениваться дублированными цифровыми «отпечатками пальцев» (хэши), которые позволяют идентифицировать «образы насильственных террористов или видео или изображения насильственных действий террористов», чтобы можно было легко заблокировать повторный показ контента, удаленного из служб одной компании, по крайней мере, в четырех сотрудничающих компаниях: Facebook, Microsoft, Twitter и YouTube.⁸

3.2.6 Социальные медиа и виртуальная идентичность

Исследования насильственной радикализации в Европе, Северной и Латинской Америке и Карибском бассейне подчеркивают важность коллективной идентичности для групповой мобилизации (Hunt & Benford, 2004; Melucci, 1995; Taylor & Whittier, 1992). Это делает социальные сети привлекательной мишенью для распространения экстремистских рассказов и действий. Точнее, экстремистские группы нацелены на коллективные идентичности посредством реляционных и эмоциональных связей, чтобы добиться у них поддержки своих ценностей. Исследователи ссылаются на такие процессы, как «слияние идентичностей» (Swann & Buhrmester, 2015), когда индивидуальная личностная идентичность постепенно затмевается радикальной групповой идентичностью. Это приводит к полному одобрению идей, предложенных экстремистской группой. Процесс идет еще быстрее с теми молодыми людьми, которые являются «одинокими актерами», которые уже борются с потребностями в принадлежности (Gill et al., 2014; Malthaner & Lindekilde, 2015) и которые могут создать фантазию о принадлежности к террористическим группам.

Этот процесс слияния идентичностей также может быть объяснен онлайн с помощью эффекта социальной идентичности и деиндивидуации или модели SIDE (Spears & Lea, 2003; Reicher, Spears, & Postmes, 1995), посредством которой сосуществование в цифровом мире множественных виртуальных идентичностей может облегчить процесс деиндивидуации - понимаемый как отделение от индивидуированной идентичности - и принятия новой групповой идентичности. Этому процессу также способствует манипулирование потребностями молодых людей в «срочности» (виртуальные встречи, виртуальные знакомства) для развития

⁸ <https://newsroom.fb.com/news/2016/12/partnering-to-help-curb-spread-of-online-terrorist-content/>

новых социальных сетей и новых связей посредством доверительных виртуальных встреч и групповых обсуждений. Этот процесс идентификации включает в себя эмоциональный компонент. Действительно, исследователи выявили и даже измерили «чувство виртуального сообщества» (Blanchard & Markus, 2002; Blanchard, 2007) и «чувство присутствия», которое усиливается в эмоциональной среде (Riva et al., 2007) и которое имеет большее значение для людей, чем сама их «объективная» (реальная) социальная сеть (Bruchon-Schweitzer, 2014). Когда дело доходит до действия, этот сложный процесс оказывает существенное влияние: в Интернете влияние эмоциональной принадлежности к внутренней группе может быть даже более выраженным, чем в реальном мире (Postmes & Brunsting, 2002).

3.2.7 Другие области социальных сетей: видеоигры

Видеоигры могут быть отнесены к той же категории, что и социальные сети, поскольку они все чаще имеют свои собственные форумы, чаты и инструменты микроблогов. Видеоигры, широко используемые молодыми людьми, недостаточно изучены в отношении экстремизма и насильственной радикализации. В большинстве случаев имеются неподтвержденные свидетельства того, что сторонники ИГИЛ предложили модифицированные версии некоторых игр для распространения пропагандистских форматов (Grand Theft Auto 5), которые позволяют игрокам выступать в роли террористов, нападающих на западников (ARMA III), и предусматривают использование изображений и названий, таких как «чувство долга» для ссылки на понятие джихада.

«Selepack» (2010г.) использовал качественный анализ текстов видеоигр, основанных на ненависти, обнаруженных на веб-сайтах сторонников правых религиозных шовинистов, чтобы выяснить, в какой степени они пропагандируют идеи насилия. Результаты показывают, что большинство ксенофобских группировок были представлены в положительном свете, и что видеоигры способствовали крайнему насилию по отношению к людям, представленным как чернокожие или евреи. Игры часто представляли собой модифицированные версии классических видеоигр, в которых первоначальных врагов заменяли на религиозные, расовые и/или этнические меньшинства. Их главная цель состоит в том, чтобы внушить игрокам идеологию сторонников превосходства белых и позволить тем, кто уже придерживается расистских идеологий, практиковать агрессивные сценарии в отношении меньшинств в Интернете, которые впоследствии могут быть применены и в реальной жизни (Selepak, 2010). Следует отметить, что некоторые экспериментальные социальные психологи показывают, что кумулятивные насильственные видеоигры могут увеличить враждебные ожидания и агрессивное поведение (Hasan, Begue, Scharrow & Bushman, 2013).

3.2.8 Другие виды социальной коммуникации

Важно иметь в виду, что социальные сети с относительно открытыми общедоступными интерфейсами все чаще существуют наряду с социальными сообщениями о закрытых социальных группах, иногда также зашифрованными (по крайней мере, при передаче сообщений, даже если они не были зашифрованы в момент создания и момент потребления). Следовательно, было бы ошибкой принимать точку зрения, ориентированную на социальные медиа, и упускать из виду вероятность того, что различные аспекты радикализации могут происходить в

частных малых группах, а также при обмене сообщениями один на один или по электронной почте. При этом, эта область недостаточно освещена в литературе, проанализированной в этом исследовании.

3.3 Использование Интернета и социальных сетей экстремистскими группами для «религиозной» радикализации

В этом разделе описываются выводы о современных способах использования Интернета и социальных сетей различными экстремистскими группами, содержащиеся в литературных источниках. Хотя некоторые группы могут иметь специфический характер, между различными экстремистскими группами, похоже, существуют общие черты, которые могут оправдать объединение имеющихся свидетельств для подготовки более широких выводов.

До 2005-2006 годов большая часть исследований использования Интернета и социальных сетей была сосредоточена на распространении идей политического экстремизма, в основном на сторонниках превосходства белых в США, посредством использования их веб-сайтов в качестве предшественников социальных сетей (Adams & Roscigno, 2004). Их «оппозиционная культура» изучалась либо традиционными способами (способы вербовки, виды действий), либо с точки зрения охвата (с акцентом на родство, групповую идентичность). Интернет представлен как новая, дешевая и простая в интеграции среда, которая дополняет коммуникационные стратегии таких маргинальных групп. В последние годы фокус исследований в регионах, обсуждаемых здесь, переместился на насильственную радикализацию, требующую религиозных обоснований, особенно в свете сообщений, нацеленных на потенциальных новобранцев не только на Ближнем Востоке, но и на Западе, и в других регионах.

3.3.1 Виды использования Интернета и социальных сетей

В последнее время стало больше понимания многочисленных преимуществ Интернета и социальных сетей для экстремистских групп, использующих религию как часть стратегии радикализации. Большинство современных данных поступают из сообщений о радикализированных насильственных группах, которые в основном сосредоточены на интернет-стратегии ИГИЛ. Преимущества проистекают из самой природы Интернета и каналов социальных сетей, а также того, как они используются экстремистскими группировками. К ним относятся каналы связи, которые не связаны с национальными юрисдикциями и являются неформальными, широкоохватными, дешевыми, децентрализованными и анонимными (Hale, 2012; Neumann 2013). Это позволяет террористам объединяться через границы и обходить время и пространство (Weimann, 2015). В частности, из-за трансграничного характера Интернета, эти каналы предоставляют прекрасные возможности для сети вербовщиков, работающих горизонтально, во всех странах, на которые они ориентированы. Помимо особого толкования ислама эти каналы используются несколькими общими методами:

- ➔ Создание привлекательных, интерактивных, удобных для пользователя платформ для привлечения более молодой аудитории (Weimann, 2015);
- ➔ Предложение места, где группы могут поддерживать секретные, но в высшей степени демократичные способы общения, исходя из условия, что принимать участие в них может каждый (Weimann, 2010);

- ↪ Распространение экстремистского, насильственного и криминального контента, который не был бы хорошо принят в реальной жизни;

- ↪ Определение потенциальных участников и предоставление им информации о «причине» и группах, участвующих в ее защите (Busher, 2015);

- ↪ Обеспечение массовой рекламы актов насилия и усиление представления о силе (Wright, 2008);

- ↪ Предоставление несколько возможностей для участия в мероприятиях в Интернете и реальной жизни (Bowman-Grieve, 2009);

- ↪ Предоставление ложной информации, используя тот факт, что все виды информации в Интернете могут отображаться на равной основе, что может создать иллюзию доверия и легитимности экстремистской пропаганды (Bhui & Ibrahim, 2013);

- ↪ Содействие дальнейшему процессу радикализации после вербовки, через тактическое обучение, используя предвзятость подтверждений (которые подтверждают и усиливают предыдущие мнения людей), собирая данные и планируя атаки (Busher, 2015);

- ↪ Установление 24-часового доверительного общения, нацеленного на развитие отношений соучастия и дружбы, через такие сети, как Twitter, Facebook, Snapchat, которые активно используются террористами-вербовщиками;

- ↪ Развитие диалога один на один с молодыми людьми, чтобы изолировать молодого человека из группы риска и постепенно вводить его или ее в новое «братство» с насильственными экстремистскими идеями, создавая прочные межличностные связи (Busher, 2015);

- ↪ Разрыв социальных связей, существующих в реальной жизни, и замена их экстремистской группой в Интернете или новыми связями в реальной жизни для формирования концепций и подавления разотождествления (Busher, 2015).

3.3.2 Процессы использования интернета и социальных сетей

Несмотря на то, что пропагандистские материалы различных религиозных течений имеют свои отличия, в литературе, посвященной этому вопросу, были выявлены общие закономерности насильственной радикализации на религиозной почве. Вайнманн описывает использование экстремистскими группами интернета и социальных сетей в восьми стратегиях процесса: «Психологическая война, реклама и пропаганда, добыча данных, сбор средств, вербовка и мобилизация, создание сетей, обмен информацией, планирование и координация» (Weimann, 2004). Конвей определяет пять основных видов использования Интернета и социальных сетей террористами: «Предоставление информации, финансирование, создание сетей, вербовка и сбор информации». Наиболее важными для социальных сетей и радикализации молодежи являются информационные материалы, такие как профили лидеров, манифесты, реклама и пропаганда, а также вербовка (Conway, 2006). Некоторые исследования показывают, что социальные сети позволяют людям изолировать себя в идеологической нише, ища и потребляя только информацию, соответствующую их взглядам (т. е. предвзятость подтверждения)

(Mohamed, 2007; Warner, 2010), а также одновременно идентифицируя себя с географически отдаленными международными группировками, что, как следствие, создает чувство общности за пределами географических границ. Эта возможность общения позволяет продвигать членство и поиски идентичности быстрее и эффективнее, чем в «реальном» социальном мире.

В то время как вербовка является процессом, а не одномоментным актом, в литературе она рассматривается как фаза радикализации, выводящая процесс на новый уровень идентификации и возможных действий. Таким образом, идеологическая обработка после вербовки становится легче и часто происходит в конкретных виртуальных пространствах, где экстремистская риторика характеризуется четким различием между «ними» (описано негативно) и «нами» (описано позитивно), и где насильственные действия узаконены в соответствии с принципом «нет другого выбора» (Meddaugh & Kay, 2009; Vergani, 2014). Эти преимущества Интернета и социальных сетей открывают перспективы для экстремистских групп, облегчая то, что раньше называлось блок-вербовкой (Oberschall, 1973), и заменяя групповые решения индивидуальным процессом принятия решений (Busher, 2015).

3.3.3 Гендерные проблемы в религиозной насильственной радикализации

Несмотря на растущее присутствие радикализированных женщин в Интернете, количество статей, посвященных гендерной проблематике и радикализации в социальных сетях, очень мало (публикации на английском языке 1%, публикации на французском языке 2%). Одно из возможных объяснений может быть связано с тем, что многие женщины скрывают свою женскую идентичность в Интернете из-за предвзятости маскулинистов (Birmingham et al., 2009), что делает их идентификацию невозможной. Во-вторых, ученые-мужчины, по-видимому, доминируют в области эмпирических исследований, особенно в некоторых регионах. Их исследовательские интересы, по-видимому, связаны с проблемами геополитики и международных отношений и мало учитывают проблему пола или гендерных идентичностей.

Одной из выявленных тенденций является феминистская претензия женщин на то, чтобы занять свое место в боевых действиях, что совпадает со структурированным использованием коммуникационных процессов террористическими группами для их вербовки. Действительно, вербовщики, похоже, используют расцвет исламских феминисток, который предполагает чтение текстов, посвященных абсолютному равенству (аль-Мусава) между всеми людьми, как религиозного принципа, для вербовки женщин в Интернете. Существует очень мало исследований, предлагающих хороший обзор этой особой гендерной проблемы, к ним можно отнести: Анализ Пирсона (2016) по делу Рошонеры Чоудри; «Даеш: Внутри армии террора» (“Daesh: Inside the Army of Terror”, Weiss & Hassan, 2015); «Париж: война, которую хочет ДАЕШ» (“Paris: the war DAESH wants”, Atran & Hamid, 2015); «Невеста Даеш: Путь одной молодой женщины в доморожденном терроризме» (“Bride of Daesh: One Young Woman’s Path in Homegrown Terrorism”, Speckhard, 2015) и «Femmes de djihadistes» (Suc, 2016). В некоторых докладах также обсуждается случай присоединения европейских женщин к ИГИЛ, например, «Стать Муланом? Женщины западных мигрантов в Даеш» “Becoming Mulan? Female Western Migrants to Daesh”, (Hoyle, Bradford & Frenett, 2015).

Такое исследование, особенно когда речь идет о женщинах-исследователях, показывает, что, помимо романтизма или принесения в жертву, женщины являются серьезными кандидатами на насильственную радикализацию (= 30% выездов в зоны военных действий Сирии/Ирака) (Von Knor, 2007). Это явление изучается с точки зрения поиска эмансипации (мусульманских) женщин (Casutt, 2016), с гендерно-специфическими ожиданиями расширения прав и возможностей, которые не совпадают с западным пониманием эмансипации женщин (Boubekeur, 2005). В исследовании отмечается активная взаимная поддержка «новичков» через «сестринские отношения» (сообщество, чувство принадлежности) и продвижение особой женской чести (Asquith, 2015) в роли поддерживающих жен / матерей. Такая радикализация, по мнению одного автора, может в долгосрочной перспективе способствовать формированию нового поколения, прошедшего военную подготовку, которое будет нацелено на месть, такая тенденция привела в других регионах к непреодолимым конфликтам (Kneip, 2016).

Вербовка в сети на расстоянии работает по-разному и меняет роли как мужчин, так и женщин. Интернет позволяет женщинам выйти из относительной невидимости, не выходя за пределы, установленные их идеологией (Hussein, 2016). Например, джихадистские форумы часто разделены по половому признаку. Это может подтолкнуть женщин к участию в Интернете и управлять их (не) видимостью, в то же время демонстрируя их идентичность, часто с помощью квалификаторов джихадистов «Умм» (мать; например, Умм аль-Сумайя Мухаджирата, Умм Омар аль-Фирансия и т. д.). Женщина-джихадистка или фигура мухаджирата все больше ценится в социальных сетях, и женщины используют этот образ при вербовке, чтобы убедить других женщин. Это героическое и активное видение женщин активно присутствует в социальных сетях и направлено на снижение негативного восприятия идеологии и роли женщины в ИГИЛ у женщин Запада. Их интеграция в радикализованные идеологии (как создатели нового поколения, уважающие истинную веру и создателей Халифата), а также их участие в сфере политики морали превратили женщин в ключевую цель в создании «Исламского государства» и его жизнеспособности (Hoyle et al., 2015). Этот статус обеспечивает им более высокое положение в социальной иерархии «Халифата», превращая их в супермусульманских женщин (Hussein, 2016).

При этом, распределение задач может осуществляться по признаку пола (например, особенно там, где речь идет об участии в боевых действиях), но это различие не применяется, когда речь идет о принятии радикальной идеологии или легитимации насильственных нападений, как показано в исследовании, посвященном анализу джихадистского обсуждения роли женщины в рядах ИГИЛ. Эти отчеты показывают, что женщины признают одни и те же истины и соблюдают те же правила, установленные доктриной, что и их коллеги-мужчины (Hussein, 2016). Они ведут войну идей за традиции, такие как хиджаб (платок или вуаль), выступая с заявлениями, которые иногда могут быть фундаменталистскими и воинственными (Kung, 2004). Радикализованные женщины могут казаться более внушаемыми, чем мужчины, и более склонными к политическому насилию (Bermingham et al, 2009).

При том, что исследователи уделяют мало внимания радикализации женщин на религиозной основе, еще меньше внимания уделяется созданию образа мужественности в рамках тех же насильственных процессов радикализации.

3.4 Интернет, социальные сети и крайне правая, и левая политическая радикализация

Правый экстремизм - это старое явление, но оно вновь усиливается во многих частях Европы и Северной Америки. Существует целый ряд исследований крайне правых движений, которые учитывают различные национальные и культурные условия. Тем не менее, мало внимания уделено вопросам использования Интернета и социальных сетей, за исключением выдвижения гипотезы о том, что Интернет и социальные сети также присутствуют в насильственной радикализации в крайне правых группировках (Berger, 2015; 2016) или в так называемых «одиноких актерах» (Dickson, 2015; Mouras, 2015). Что касается левого крыла насильственного экстремизма, то оно связано с более низкой частотой насилия в Vunthytt и реальной жизни, и нам удалось найти только одно эмпирическое исследование в научных журналах (и ни одного отчета), посвященное роли левого экстремизма и радикализации в Интернете (Biddle, 2015).

Некоторые отчеты показывают, что крайне правые группировки пользуются преимуществами свободы слова, гарантированной законодательством многих стран (Dagnes, 2003), чтобы публиковать злобные комментарии, которые, однако, не представляют собой полноценные ненавистнические высказывания или незаконные действия (Barnett, 2005; Pollock, 2006). Кроме того, эти группы, похоже, мобилизуют усилия в Интернете и социальных сетях для создания более приемлемого общественного имиджа и привлечения новых членов, которые в противном случае были бы оскорблены откровенно расистским или ненавистническим обсуждением (Gerstenfeld, Grant & Chau-Pu, 2003; Schafer, Mullins & Vox, 2014; Schmitz, 2016; Simi & Futrell, 2006).

Например, дискурс, найденный на Stormfront (ранний веб-сайт сторонников превосходства, запущенный в 1995 году), заслуживает особого внимания, поскольку он ясно показывает переход к более «приемлемой» форме расистского дискурса (Meddaugh & Kay, 2009). Обсуждения кажутся менее агрессивными, даже осуждающими насилие и не прибегают к применению подстрекательской риторики. Вместо этого в публикуемых обсуждениях используются, на первый взгляд научные или интеллектуальные теории о расовых различиях в размытой версии расистского дискурса, основанной на на первый взгляд надежных источниках информации, привлекательных для широкой публики. В частности, расистские дискурсы, используемые Stormfront, опираются на риторику «мы» против «них», изображая их или «другого» пятью способами: а) тиран (подчиняет белых людей правилам и законам, которые ему служат, например, Евреи контролируют СМИ и экономику); б) манипулятор (использует обман для достижения целей, например, «промывание мозгов» детям при помощи программ, поддерживающих черных); в) геноцид (например, мультикультурализм и межрасовые браки рассматриваются как способы искоренения белой расы); г) хуже (например, меньше способностей, чем у белых людей); и д) ложный мученик (например, манипулирует историей, чтобы быть представленным как жертва) (Meddaugh & Kay, 2009).

В противовес теории фрагментации электронных медиа (в которой каждый человек заперт в медиа нише, соответствующей его/ее личным интересам), некоторые авторы утверждают, что киберпространство помогает создать сильную крайнюю

правую коллективную идентичность и чувство принадлежности в глобальном масштабе через процесс сетевого взаимодействия, обмена информацией (ценностями, символами и страхами, а не просто фактами), обсуждения, вербовки и организации мероприятий, аналогично религиозным экстремистским движениям (Alava, 2014; Bowman-Grieve) 2009; Caiani Parenti, 2011; Cheng, 2012; Giorgiou, 2010). Воздействие крайне правых дискурсов также, по-видимому, приводит к значительной радикализации настроений среди отдельных лиц из разных политических групп (случайное распределение участников в четырех экспериментальных группах) (Biddle, 2015). И наоборот, это не относится к экстремальным дискурсам левых или к средним и смешанным средам (контрольная группа), что обычно приводит к снижению экстремистских настроений (Biddle, 2015). Тем не менее, некоторые исследователи утверждают, что распространение послания на большую аудиторию и стимулирование насилия может облегчить вербовку, но нет никаких доказательств того, что это ведет к полному процессу насильственной радикализации или фактически совершаемым актам насилия (Levin, 2002).

Несколько отчетов показывают, что Интернет позволяет крайне правым группировкам во многих отношениях, в частности:

- Распространять ненавистнические высказывания и пропаганду (Gerstenfeld, Grant & Chau-Pu, 2003; Kaplan, Weinberg & Oleson, 2003; Schafer, Mullins & Box, 2014; Schmitz, 2016; Simi & Futrell, 2006);
- Выйти из рамки маргинализации и превратиться в мейнстрим через обращения к широкой общественности;
- Развивать чувство общности и сплочивайье так называемых «одиночек» (Gerstenfeld, Grant & Chau-Pu, 2003; Kaplan, Weinberg & Oleson, 2003; Schafer, Mullins & Box, 2014; Schmitz, 2016; Simi & Futrell, 2006);
- Привлекать ресурсы для нынешних членов и восхвалять насильственные методы (Kaplan, Weinberg & Oleson, 2003);
- Давать возможность небольшим рассеянным группам сторонников превосходства белых, занимающимся распространением расовой ненависти в Соединенных Штатах и Европе, объединяться и объединиться в глобальное движение (Parent & Ellis, 2016; Perry & Olsson, 2009; Koehler, 2015);
- Использовать Интернет, чтобы апеллировать к антиправительственным настроениям среди американской общественности и представлять себя патриотами и религиозниками в США (Dagnes, 2003);
- Применять маркетинговые стратегии для привлечения и вербовки молодых членов (детей и подростков). Изучение десяти крайне правых веб-сайтов показывает, что они используют мультфильмы (в среднем 18,7 случаев на каждом сайте), музыку (в среднем 21,7 случаев на каждом сайте) и видеоигры (четыре веб-сайта из десяти, в среднем 1,6 видеоигры на каждый из этих четырех сайтов) для передачи своих идей (Crabill, 2008);
- Использовать преимущества Twitter для координации атак боевиков (обновления, фотографии, украденные данные) (Weimann, 2010).

3.5 Принятие пользователями и влияние на молодежь

Количество исследований по вопросам принятия и влияния на молодежь очень ограничено. Большинство авторов сосредотачиваются на принятии идей самозваными пользователями из исламистских насильственных экстремистских группировок, и очень немногие действительно изучают влияние такой пропаганды на молодежь в целом.

Большая часть исследований по этой теме состоит из описательных документов по демографическому составу сторонников экстремистских группировок в Интернете, а методология страдает от ограничений, связанных с трудностями получения информации о возрасте, поле и местонахождении лиц. Обычная процедура заключается в том, чтобы просматривать чаты и видео на YouTube и отмечать профили пользователей и связанные с ними комментарии, классифицируя людей как «сторонники», «критики», «ни те, ни другие», ни «невозможно определить» (Conway, 2008). Эти исследования указывают на то, что целевой аудиторией являются молодые люди, что уже является установленным фактом, в возрасте, представленные несколькими возрастными группами, от молодых людей старше 13 лет (установленный возраст, позволяющий законно регистрироваться в некоторых социальных сетях, хотя хорошо известно, что там присутствует значительный процент детей), до подростков в возрасте от 13 до 18 лет, а также молодых людей в возрасте от 18 до 34 лет (Conway & McInerney, 2008).

Мы нашли два эмпирических исследования влияния Интернета на молодежь. Bouzar, Caupenne и Sulayman (2014) представляют результаты интервью с 160 французскими семьями с радикализированными (хоть и не насильственными) детьми в возрасте от 15 до 21 года. Подавляющее большинство молодых людей заявили, что их радикализировали через Интернет, и это имело место независимо от характеристик и показателей их семей. Подавляющее большинство семей (80%) не следовали каким-либо определенным религиозным убеждениям или обычаям, и только 16% принадлежали к рабочему классу (Bouzar, Caupenne & Sulayman, 2014). В то же время неясно, как такие широкие выводы соотносятся с виртуальными и реальными коммуникациями между сверстниками, которые опрошенные молодые люди, возможно, пытались скрыть. Роль социально-политических факторов, в отличие от влияния Интернета, также является проблемой, которая ставит под сомнение заявления опрошенной молодежи.

Wojcieszak (2010) проанализировал перекрестные и текстовые данные, полученные от респондентов на неонацистских онлайн-форумах. Автор обнаружил, что экстремизм усиливается с ростом онлайн-участия, вероятно, в результате информационных и нормативных влияний внутри онлайн-групп. Кроме того, воздействие различных сторон/взглядов в реальной жизни, которые отличаются от ценностей экстремистской группы, в некоторых случаях усиливало радикальные убеждения в Интернете (Wojcieszak, 2010).

Многие авторы выдвигают гипотезу о возможной причинной связи, связывая радикализацию в Интернете с внешними факторами. Часто цитируемые гипотезы ссылаются на описываемые в теоретической литературе общеизвестные внешние факторы, социальные обиды, а также внутренние психологические факторы, такие как: поиск идентичности и смысла, растущее неравенство в европейских и других обществах, безработица и меньше возможностей для развития, особенно для молодежи из числа меньшинств, исключение, дискриминация и неравенство,

которые широко используются в экстремистских дискурсах (например, отчет ATHENA, 2015; Schils, 2013; Umar & Mustapha, 2015). Но, опять же, никто не проверял предполагаемые связи на практике.

Серые литературные сообщения были нацелены на описание фаз радикализации в Интернете, в основном на основе тематических исследований. Эти фазы представляют собой многошаговый процесс. Шаг 1 часто называют «сетью», где целое население является целью воздействия экстремистского дискурса; Шаг 2 - это «воронка», на котором привлеченные участники из «сети» превращаются в преданных членов посредством социальных связей, дискуссий и разоблачений; затем они переходят к шагу 3, часто называемому «инфекцией», где выбранные цели направляются на саморадикализацию посредством воздействия радикального материала и руководства, в конечном итоге приводя их к шагу 4, «активации», когда молодой человек готов получать не прямые команды от вербовщиков (Weimann, 2015). И снова, практические данные, подтверждающие правильность многошаговой гипотезы, отсутствуют.

Этот взгляд на фазы следует принципу, который социальные психологи называют тактикой «нога в проеме двери» (Freedman & Fraser, 1966), когда молодые люди оказываются втянутыми в экстремистскую группировку, после выполнения первоначальных небольших и не дорогостоящих действий Шага 1, а затем их просят выполнить действия Шага 2, которые становятся все более важными и выполняя которые они «подтверждают» свою приверженность курсу действий («эскалация обязательств», Kiesler, 1971; Staw, 1976). Таким образом, первые контакты редко фокусируются на насилии и скорее нацелены на создание образа силы и гордости. Контакты также могут иметь вид приглашения для участия в группах чата, членство в которых предоставляется только избранным, что зачастую может оказаться эффективной стратегией, учитывая, что многие новобранцы проявляют сильное желание принадлежать к избранной группе. Присоединение к группе сопровождается определенными ритуалами, которые служат для закрепления вступления в ряды. Такие ритуалы как правило заключаются в том, что молодого человека просят выполнить определенные задания, чтобы доказать свою лояльность, к ним относятся: рассылка пропагандистских электронных писем друзьям, написание подстрекательских заявлений на дискуссионных форумах или участие в сборе средств в Интернете. В обмен новобранец получает доступ к веб-сайтам с конфиденциальной информацией (применение оружия, производство взрывчатых веществ и т. д.) (Alarid, 2016; Институт национальной безопасности, 2009; Scott & Podder, 2015; Weinmann, 2015). Указанные качественные исследования основаны на анализе путей радикализации молодых людей, которые боролись на стороне ИГИЛ. В то же время, обобщение результатов этого исследования для создания общих фазовых моделей было подвергнуто критике за чрезмерную линейность и создание модели без соблюдения надлежащего порядка действий (Malik, 2016).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В НАСИЛЬСТВЕННОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В АРАБСКОМ МИРЕ И В АФРИКЕ

4.1 Новое поле на подъеме

Исследования радикализации и социальных сетей в арабском мире начались недавно и в основном носят описательный характер (серая литература, статьи в прессе или полунануточные тексты) по нескольким причинам. С одной стороны, большинство работ по насильственной радикализации сосредоточены на историческом, политическом и религиозном происхождении идеологий насильственного джихада (Abu Haniyya, & Roummane, 2015; Chqayr, 2014; Al-Khatib, 2014; Hassan, 2015), социологическом профиле его приверженцев (Эль-Хадж Салем, 2014) и его пропаганды (El-Haj Salem, 2014) and its propaganda (Abdel-Fattah, 2014; Makram, 2015; Ben Ahmed Ar-Ramih, 2014). С другой стороны, широкое использование социальных сетей насильственными радикальными группами, в частности ИГИЛ, началось недавно, с 2010 года. Наконец, эти исследования остаются ограниченными, потому что большинство из них не основано на научном подходе, и им не хватает четкой теоретической основы, а также установленных методов исследования, которые применяются для анализа конкретных эмпирических ситуаций.

В последнее время было выдвинуто несколько инициатив, в частности, организация международной конференции на тему средств массовой информации и терроризма, организованная в ноябре 2016 года факультетом информационных и коммуникационных наук Университета имени короля Халеда в Саудовской Аравии. В сентябре 2016 года группа исследовательских центров, в том числе Центр стратегических исследований в Объединенных Арабских Эмиратах, Культурный центр Исса в Бахрейне и Королевский институт стратегических исследований в Рабате, создали «Tahallof Asifat al-Fikr» («Коалиция для мозгового штурма»). Эта коалиция нацелена на укрепление регионального сотрудничества в области исследований и борьбы с терроризмом и насилием, хотя пока не ясно, в какой степени это будет основано на эмпирических исследованиях и испытаниях. Одна из ее основных целей - разработка политики контрмер в СМИ.

4.2 Исследование насильственной радикализации в арабском мире, как новой геополитической проблемы

Анализ эволюции исследований насильственной радикализации в арабском мире и логики, лежащей в основе этого, следует геополитическим стратегиям основных политических сил в этом регионе. Развитие исследований по насильственной

радикализации в арабском мире способствовало росту числа экспертов и специалистов, особенно из стран Ближнего Востока. Исследования терроризма, экстремизма и насильственной радикализации связаны с продолжающимися конфликтами и политикой безопасности в этих странах и особенно усилились после событий 11 сентября. С 2001 года такие страны Персидского залива, как Саудовская Аравия, разрабатывают стратегию исследований и ряд мер по борьбе с терроризмом и насильственной радикализацией. В 2004 году Саудовская Аравия запустила свою первую цифровую кампанию по борьбе с терроризмом под названием «Аль-Сакина» (спокойствие). Эта инициатива в сотрудничестве с Соединенными Штатами является частью одной из самых дорогих и продолжительных международных программ борьбы с радикализацией в мире. В этом контексте Саудовская Аравия, исследовательские центры, интеллектуальные силы и/или религиозные деятели все чаще принимают участие в расширяющейся исследовательской деятельности. С 2004 года Центракороля Фейсала по исламским исследованиям (основан в 1983 году) и Университет короля Сауда опубликовали три доклада, касающихся радикализации и социальных сетей («Видение концепции терроризма и позиции ислама» Абдеррахмана бин Сулайман Аль -Матруди; «Террористическая пропаганда: СМИ, принадлежащие Даеш, и стратегии действий» Мухаммеда Эль Араби; «Невидимые силы Даеша в новых медиа» Абдеррахмана аль-Кахтани и Абдеррахмана аль-Абиси). Отчеты основаны на горизонтальном анализе медиа-стратегии ИГИЛ и ее использовании социальных сетей для привлечения саудовской молодежи, а также для финансирования террористических актов. Результаты показывают, как ИГИЛ использует компьютерных техников для взлома адресов электронной почты, чтобы осуществлять шпионскую деятельность в террористических целях, а также как среди прочего группировка использует социальные сети для распространения своей идеологии, привлечения новых сторонников и координации задач и миссий каждого участника террористической организации с использованием закодированного языка.

Между тем, Катарский центр исследований «Аль-Джазира» - исследовательское подразделение, созданное в 2006 году и зависящее от сети СМИ «Аль-Джазира» - все чаще публикует сообщения о насильственной радикализации после сирийского кризиса. В период с 2014 по 2016 год центр опубликовал десятки исследований и отчетов. Эти исследования и отчеты посвящены главным образом темам происхождения ИГИЛ, его структуре (Abu Haniyya, 2014; Abou Roummane, 2014), его идеологии (Shams, 2016), его военному потенциалу (Achour, 2016) и социологическим профилям его сторонников (Эль-Амин, 2014). Центр также имеет связи с арабговорящими исследователями, в частности из Магриба, занимающимися феноменом насильственной радикализации, включая Бениссу аль-Демни и Махмуда Абдель-Вахида.

В июле 2015 года египетский аль-Азхар запустил «Центр наблюдения аль-Азхар на иностранных языках» (<http://www.azhar.eg/>) as в качестве одной из крупнейших баз данных об исламе и мусульманах в мире и о насильственных радикальных идеологиях. Центр наблюдения публикует отчеты и статьи на восьми языках: На арабском, французском, английском, немецком, урду, суахили, персидском и китайском языках и заинтересован в разработке контрпропаганды о насильственной радикализации. Эта база состоит из сотен ежедневных, еженедельных и ежемесячных отчетов. Центр наблюдения Аль-Азхар включает

команду из нескольких междисциплинарных исследователей, позволяющих изучать явление насильственной радикализации с помощью горизонтальных подходов, особенно в отношении СМИ. В декабре 2015 года Центр наблюдения опубликовал доклад «Использование социальных сетей Даеш», в котором содержится анализ изображений и текстов медиа-пропаганды ИГИЛ. Отчет показывает центральную роль социальных сетей в стратегии вербовки ИГИЛ. Усама Набил, глава французской секции и директор Центра наблюдения, опубликовал много других отчетов о вовлечении девочек-подростков в ИГИЛ, его стратегии в Ливии и стратегии подготовки новых поколений боевиков.

Растет число экспертов в Иордании, Ливане и Ираке (например, Хасан Абу Хания и Мохаммед Абу Руммане из Иордании; Абдель-Гани Имад и Хазем эль-Амин из Ливана; Хишам аль-Хашими из Ирака). Аль-Хашими, Аль-Амин, Абу Хания и Абу Руммане стали лидерами этой новой области в арабском мире, часто появляясь на спутниковых каналах, чтобы обнародовать информацию и опыт по насильственному джихадизму. Несмотря на важность их роли в понимании радикализации в арабском мире, эти работы содержат ограниченное число материалов, основанных на эмпирических исследованиях радикализации в Интернете.

Среди стран Магриба Алжир выпускает литературу по терроризму с 2000 года - после усиления насильственного экстремизма в стране в начале 1990-х. Однако эти инициативы не привели к разработке национальной исследовательской стратегии или развитию исследовательских сетей. Тем не менее, некоторые специалисты в исламистских движениях, такие как марокканский социолог Абдалла аль-Рами, тунисский Абделлатиф Ханначи (историк) и Абдель-Саттар аль-Айди (исследователь и журналист) и алжирский Фаузи Хавамди, активно участвуют в публичных дебатах о насильственной радикализации, в частности, через интервью для прессы или в национальных аудиовизуальных СМИ.

В то время как среди исследователей по прежнему доминируют мужчины, мы выделили группу женщин-исследователей, работающих над этой темой, таких как египтянки Амаль Мохтар и Рания Макрам (Центр политических и стратегических исследований Аль-Ахрам), Мариам Вахид (Арабский центр исследований), Рихам аль-Аббаси (Арабский центр демократических и экономических исследований и стратегической политики) и Нура Бендари Абдель Хамид Файед (Демократический арабский центр стратегических, политических и экономических исследований). Они особенно заинтересованы в изучении взаимосвязи между насильственной радикализацией и социальными сетями посредством анализа радикальных рассуждений и роли новых средств массовой информации в вербовке молодежи. Некоторые группы женщин-исследователей, заинтересованных в изучении роли женщин, растут, особенно в Египте, в Центре политических стратегий Аль-Ахрам и в Демократическом Арабском Центре стратегических, политических и экономических исследований. Они анализируют радикальный дискурс и роль новых медиа в вербовке молодых людей (Mokhtar, 2015; Wahid, 2015; Makram 2015; Al Abbasi, 2016). Более подробная информация о результатах составления карт и обзора исследований, проведенных в арабском мире и мусульманском мире, в частности, представлена в Приложении 2. Отчеты, опубликованные этими исследователями, показывают, что социальные сети в Интернете, включая Facebook, YouTube и Twitter, стали орудием войны в военной стратегии ИГИЛ, и

используются не только для привлечения новых сторонников, но и для расширения связанной с ним сети. Наконец, исследователи подчеркивают наличие медиа-стратегии, разработанной ИГИЛ.

Эти результаты исследований способствуют пониманию радикализации в Интернете, но страдают от серьезной методологической слабости, потому что они, по большей части, являются результатом личного размышления над предметом и включают мало эмпирической работы. Тем не менее следует упомянуть исследование Самаха Абдель-Сабур об использовании социальных сетей вооруженными группами (2014 год). В исследовании утверждается, что интенсивное использование социальных сетей вооруженными группами требует от служб безопасности пересмотра своей политики в отношении этих новых угроз национальной безопасности. В целом, несмотря на количество отчетов, опубликованных арабскими исследовательскими центрами, ни один из них эмпирически не оценивает вопрос о реальном влиянии онлайн-стратегий ИГИЛ на реальную насильственную радикализацию молодежи.

4.3 Насильственная радикализация или терроризм: кто что говорит в арабском мире?

Анализ профилей исследователей и публикаций по насильственной радикализации из арабского мира показывает значительную роль специалистов по исламистским движениям. Чаще всего это исследователи в области гуманитарных и социальных наук, а некоторые - специалисты в области средств массовой информации и общественного мнения, международных отношений или даже в сфере безопасности. Еще одной особенностью исследований насильственной радикализации в арабоязычном регионе является привлечение религиозных исследователей в этой области в основном из стран Персидского залива. Основная цель этого вклада является частью государственной стратегии противодействия верованиям, которые пропагандируют насильственные радикальные группировки. Здесь в отношении этих группировок слова «радикализация» или «джихадизм» заменяются термином «террорист». В других регионах эксперты используют такие термины, как «джихадистский салафизм», «джихадизм» или «насильственная радикализация». У большинства исследователей, говорящих на арабском языке, существует явная тенденция избегать использования слова «Ислам» и его семантического поля для обозначения насильственных радикальных групп. Именно поэтому исследователи из этого региона предпочитают использовать арабское сокращение «Даеш» или «Государственная организация» вместо «Исламское государство».

Большинство исследований, опубликованных в арабском мире, не фокусируются на связи между насильственной радикализацией и Интернетом или социальными сетями, а также не оценивают влияние инициатив по предотвращению или вмешательству в киберпространстве. Однако вклад арабских исследователей является уникальным и поднимает вопросы определения и концептуализации явления насильственной радикализации, а также информирует о его восприятии среди населения региона. Кроме того, в отличие от Северной Америки и Европы, арабские исследования насильственной радикализации в целом характеризуются тем, что они избегают парадигмы психологических манипуляций или

идеологической обработки. Исследования в арабском мире основаны на историко-политическом и социальном подходе к пониманию происхождения насильственной радикализации. Большинство арабских исследователей используют перспективу макроуровня для изучения и концептуализации насильственной радикализации в результате политических социально-экономических кризисов по всему региону, включая вторжение США в Ирак и межрелигиозные конфликты в Ираке и Сирии, а также «арабскую весну», и политику Западных и других стран в отношении этих кризисов.

Значительное количество исследований из арабского мира сосредоточено на изучении профилей и индивидуальных изменений теоретиков и лидеров определенной версии джихада, а также сочувствующих и сторонников радикальных идеологий. Эти работы основаны на структуре выбора или иностранного влияния, а не на идеологической обработке отдельных лиц.

4.4 Активность арабской молодежи против насильственной радикализации через социальные сети

Арабская молодежь является основным потребителем социальных сетей и особенно Facebook, который входит в десятку самых популярных сайтов арабских интернет-пользователей, и эта тенденция быстро нашла свое отражение в арабской политической сфере (Gonzalez-Quijano, 2012). Согласно исследованию, проведенному Мохамедом ибн Рашидом по вопросам управления в Объединенных Арабских Эмиратах, число пользователей Facebook в 22 арабских странах увеличилось с 54,5 млн в 2013 году до 81,3 млн в 2014 году, причем большинство составляют молодые люди. Изучение литературы, опубликованной в регионе, показывает роль социальных сетей, особенно Facebook и Twitter, в качестве платформы для коллективного самовыражения арабской молодежи по актуальным вопросам, конфликтам и войнам (например, ситуации в Газе в частности) (Salem, Mourtada & Alshaer, 2014).

Например, в начале военных действий в Ираке молодые интернет-пользователи и блогеры начали несколько кампаний в Facebook и Twitter с целью освободить крупные города, оккупированные ИГИЛ (Фаллуджа и Мосул). В Марокко были запущены другие инициативы с той же целью, такие как Хамза аль-Забади в Facebook (مغاربة ضد داعش #; Марокканцы против Даеш), которая состояла из обмена всеми видами контента (изображения, тексты и т. д.), опровергающего и оспаривающего пропаганду ИГИЛ. Участие представителей гражданского общества в сети в борьбе с терроризмом и насильственной радикализацией в арабском регионе остается скромным по многим причинам, включая отсутствие политики в отношении средств массовой информации, посвященной этой борьбе. Исследуемая литература не вникает в вопросы влияния контра-контента.

4.5 Исследования, появляющиеся в Африке

В Африке к югу от Сахары число современных исследований о радикализации в Интернете ограничено. И это, несмотря на то, что с 2002 года в сердце Африки действует мощная экстремистская группировка: «Боко харам», настоящее название которой Джамаата Ахлу-Сунна валь Джихад Аддава Ли («Группа людей сунны за проповедь и джихад»), а недавно она заявила о своей верности Даешу.

Ресурсы и финансирование группировки, конечно менее значительны по сравнению с Даеш, но, похоже, она вступила в новую эру общения благодаря использованию социальных сетей, особенно после заявления о своей приверженности Даеш (Ould el-Amir, 2015). Для распространения своих принципов, эта террористическая группировка использует Интернет, а также адаптирует коммуникационные стратегии Даеш к условиям, характерным для африканских государств, расположенных к югу от Сахары, чтобы усилить свою пропаганду (также на французском и английском языках) с помощью более сложных видеороликов.

Начав активно действовать в наиболее часто используемых цифровых сетях (Twitter, Instagram) «Боко харам» разрывает отношения с традиционными в регионе формами общения, такими как пропагандистские видеоролики, отправляемые в агентства на флэш-накопителях или компакт-дисках (Olivier, 2015). Анализ видеоконтента также показал значительный переход от длинных монологов от лидера Абубакара Шекау, который был плохо отредактирован и переведен, к более качественным сообщениям и видео, которые повысили его привлекательность среди молодежи к югу от Сахары. Сегодня Боко-Харам владеет реальным коммуникационным агентством под названием «Аль-Урва Укта» (буквально «самый надежный», «самый надежный путь»).

Кроме того, группа умножает свою деятельность в Twitter, особенно через свои смартфоны, а также через новостные каналы YouTube. Большинство твитов и комментариев сторонников группы осуждают нигерийское правительство и призывают поддержать движение «Боко харам». Твиты сначала пишутся на арабском языке, а затем переводятся и передаются на английском и французском языках, что отражает желание группы вставить себя в контекст того, что она считает глобальным джихадом. В недавнем исследовании, проведенном в 2015 году, исследователи показали, что твиты, связанные с «Боко харам», включают в себя отказ от движения со стороны не членов организации (Varin, 2015).

РОЛЬ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА В НАСИЛЬСТВЕННОЙ РАДИКАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В АЗИИ

С быстрым ростом Интернета и социальных сетей в киберпространстве, онлайн-радикализация стала всемирной проблемой, особенно в Азии.

Онлайн-радикализация в Азии может быть проанализирована по четырем географическим областям, а именно: Центральная Азия, Южная Азия, Юго-Восточная Азия и Восточная Азия. Центральная Азия включает Узбекистан, Туркменистан, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Южная Азия представлена Пакистаном, Индией и Бангладеш. Юго-Восточная Азия в основном включает Индонезию, Филиппины, Таиланд, Малайзию и Вьетнам, в то время как Китай, Япония и Южная Корея представляют Восточную Азию. В этом разделе мы сосредоточимся на странах, которые соответствуют следующим критериям: а) входят в десятку крупнейших пользователей Интернета в Азии с явными проблемами в Интернете, б) занимают первое место в списке стран, пострадавших от терроризма или насильственного экстремизма (НСТС, 2015 г.).

5.1 Различные формы насильственной радикализации и их проявления в Азии

В Азии расположено пять из десяти стран, наиболее пострадавших от терроризма в мире. Афганистан, Пакистан и Индия входят в первую пятерку: к 2015 году в них было совершено 1708, 1009 и 791 атака соответственно. Атака в ноябре 2008 года в Мумбаи послужила толчком для начала изучения терроризма в этом регионе (Smith, 2013).

В исследованиях по радикализации в Азии четко проводится различие между радикализацией, терроризмом и мусульманской верой (Tadjbakhsh, 2015; Heathershaw & Montgomery, 2014). В литературе из Азии различаются три типа радикализации в зависимости от мотивов и причин. Не смотря на то что причины и мотивы разнообразны и характеризуются наличием определенных общих черт, исследование указывает на присутствие характерных отличий, в зависимости от страны и ситуации (Khalid & Leghari, 2014; Tadjbakhsh, 2015), которые описаны ниже.

5.1.1 Политическая радикализация

В определенной группе азиатских стран присутствует радикализация с политической целью. Например, в Центральной Азии и Китае радикализация как явление связана с тем, что риторически называют «теорией трех зол» (Wu, 2002; Yang, 2014; Li & Zhao, 2015). Это терроризм, сепаратизм и экстремизм («Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», 2001 год, подписанная шестью руководителями стран-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), таких как Китай, Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Таджикистан и Узбекистан). Сепаратизм рассматривается как форма радикализации в этом регионе в связи с тем, что некоторые политические группы предъявляют сепаратистские требования, многие из которых связаны с исламом (Tadjbakhs, 2015 г.) (например, суннитские сепаратистские группировки в Иране, Восточно-Туркестанское исламское движение ВТИД и их предполагаемое влияние на уйгурское население, проживающее в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в Китае, и чеченские группировки на Северном Кавказе в России).

В азиатских странах политическая радикализация зависит от региона. Она локализована и является внутренней, несмотря на ее прямые или косвенные связи с внешними и трансграничными группами. Например, в Китае ВТИД считается террористической организацией. В автономном регионе в провинции Мусульман Минданао различные группы выступают за политическую независимость, которая на Филиппинах определяется как мусульманский сепаратизм (Lidasan, 2015).

5.1.2 Религиозная радикализация

В Центральной и Южной Азии этот процесс стал более внимательно изучаться с 1990-х годов после распада Советского Союза. Более 80 процентов всего населения пяти стран Центральной Азии являются мусульманами, а преобладающей религией в Центральной Азии, включая Пакистан и Афганистан, является ислам (Институт социальных наук Пу Ши, 2015). Хотя существуют другие формы религиозной радикализации в отношении индуистского или буддистского экстремизма в регионе, большинство исследований насильственной радикализации в Центральной Азии и Южной Азии посвящены насильственному экстремизму, связанному с исламом, в том числе и в регионе Синьцзян в Китае (Karmon, 2009; Солнце, 2010; Ли, Чжао, 2015). Однако в реальности этот феномен проявляется по-разному. Например, в Индии, где проживает большое количество мусульман (140 миллионов), едва ли наблюдается насильственный экстремизм по религиозным мотивам, и хотя были случаи организованной террористической деятельности джихада, доля Индии, как источника иностранных боевиков ИГИЛ была очень незначительна. (Krishnamurthy, 2015). Кроме того, религиозная радикализация в Южной Азии с такими исламскими республиками, как Афганистан и Пакистан, не представляет явных региональных различий по сравнению с радикализацией в других «светских» или многоконфессиональных странах региона, таких как Индия или Филиппины.

5.1.3 Психосоциальная и социально-экономическая радикализация

Исследователи в Азии выработали комплексное понимание радикализации как тесно связанной с психосоциальными и экономическими обидами, такими как бедность и безработица (Khalid & Leghari 2014; Tadjbakhsh, 2015), маргинализация из-за неграмотности и недостатка образования (Tadjbakhsh, 2015), а также восхищение харизматическими лидерами, стремление к социальной приемлемости и психологическая травма. Авторы считают, что эти факторы способствуют ориентированной на радикализацию вербовке, особенно среди молодых людей, которые более уязвимы и проводят больше времени в Интернете.

5.2 Радикализация и социальные медиа в Азии

А Отчет «Мы в соцсетях» в 2016 году показывает, что Восточная Азия и Юго-Восточная Азия являются первым и вторым рынком социальных сетей в мире, а Северная Америка занимает третье место. Согласно тому же отчету, Facebook и Facebook Messenger являются преобладающими социальными и коммуникационными инструментами, за которыми следуют Twitter, Line и Skype. Китай является заметным исключением, так как китайские инструменты социальных сетей намного опережают Facebook Messenger

Мы не нашли никакой научной литературы в Интернете и социальных сетях в связи с насильственной радикализацией в азиатских странах (и написанной на английском, французском, арабском, испанском или китайском языках), за исключением Китая и Индонезии.

Основные социальные сети и средства онлайн коммуникации Китая значительно отличаются от других стран. Американские платформы, такие как Google, Yahoo! Facebook, Twitter и YouTube имеют очень небольшое проникновение из-за государственных ограничений и сильной монополии доморощенных поисковых систем и интернет-платформ на китайском языке. Baidu является доминирующей поисковой системой с функциями, аналогичными Google. Sina Weibo (что в переводе с китайского означает «микроблог»), QQ и Weixin (так называемый Wechat для зарубежных пользователей) - самые популярные платформы социальных сетей и онлайн-коммуникационные инструменты. Эти платформы социальных сетей включают в себя функции, аналогичные Facebook и Twitter. Китайцы активно пользуются платформами социальных сетей: 282 миллиона ежемесячных активных пользователей (MAU) Sina Weibo, 250 миллионов - MAU QQ, а объединенные MAU Weixin и WeChat - 846 миллионов.

Среди китайских исследователей растет интерес к изучению диалектической связи между социальными сетями и насильственной радикализацией (Tang, 2013). Большинство публикаций китайских ученых на китайском языке с китайскими специфическими терминами, поэтому существует ограниченная доступность для международного сообщества читателей, ученых или исследователей, не владеющих китайским языком. Наиболее известные исследовательские центры: Научно-исследовательские центры Китайской академии общественных наук (CASS) по вопросам России; Восточной Европы и Центральной Азии; Институт

мировых религий CASS; Национальный институт международной стратегии CASS.

Исследования насильственной радикализации или терроризма в Китае в основном сводятся к радикализации в Синьцзяне. Это может быть связано с тем фактом, что большинство недавних террористических актов в Китае совершались не местными жителями, а сторонними воинствующими экстремистскими организациями, которые стремятся отделить район Синьцзяна от Китая (Feng, 2009; Li & Zhao; 2015; Zhang, 2013). Террористические организации распространяют свои сообщения через телевидение, радио и Интернет (Wo, 2016). Не смотря на отсутствие эмпирических данных, связывающих радикализацию молодежи и социальные сети, и Интернет, анонимность и трансграничные возможности таких медиа рассматриваются как содействующие организованной террористической пропаганде (Du, 2016; Long, 2016; Sun, 2014).

Китайское правительство реагирует на террористические атаки, закрывая сайты, блокируя и фильтруя контент. В свою очередь, правительство Китая также использует социальные сети для обмена сообщениями о борьбе с терроризмом (Liu, 2016).

По оценкам, в Индонезии насчитывается 76 миллионов индонезийцев, которые регулярно подключаются к Facebook, что делает страну четвертым по величине пользователем в мире после Индии, США и Бразилии. Индонезия также является пятым по величине пользователем Twitter после США, Бразилии, Японии и Великобритании.

Институт анализа политики конфликтов (IPAC) изучает, как индонезийские экстремисты используют Facebook, Twitter и различные приложения для мобильных телефонов, такие как WhatsApp и Telegram. В ходе недавнего исследования «Lefevre» (2014) было установлено, что использование социальных сетей экстремистами в Индонезии прогрессирует. Они используют социальные сети, такие как Facebook и Twitter, для общения с молодыми людьми, обучения и сбора средств в Интернете. Вербовка осуществляется через онлайн-игры, пропагандистские видеоролики на YouTube и призывы к покупке оружия. Распространение пропаганды ИГИЛ через отдельные учетные записи в Twitter вызвало обеспокоенность по поводу возможности атак «одиночек». При этом в докладе указывается, что такие нападения в Индонезии крайне редки.

ИНИЦИАТИВЫ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ В ИНТЕРНЕТЕ: КОНТР/АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПРОПАГАНДА И МЕДИЙНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ГРАМОТНОСТЬ

Несмотря на отсутствие доказательств прямой причинной связи результаты обзора литературы показывают, что социальные сети являются частью взаимосвязанных факторов, которые в сочетании с другими социальными и психологическими факторами могут способствовать процессу радикализации. Существует несколько инициатив по профилактике в Интернете, которые делятся на две основные категории:

- (a) Альтернативная / контрпропаганда и
- (b) Медийная и информационная грамотность (МИГ). В литературе отсутствует информация о влиянии такого использования социальных сетей, и исследования в основном посвящены проблемам Северного полушария, что свидетельствует об относительном отсутствии инициатив и связанных с ними исследований в большинстве регионов мира.

6.1 Альтернативная пропаганда

Некоторые авторы предполагают, что наиболее многообещающим способом вмешательства является противостояние экстремистской риторике при помощи альтернативной пропаганды, которая бросает вызов экстремистским высказываниям. Однако в литературе практически нет единого мнения или доказательств эффективности таких мер в борьбе с насильственной радикализацией. Тем не менее, некоторые недавние исследования показывают, что контр/альтернативная пропаганда может оказаться многообещающей стратегией по профилактике радикализации (Van Eerten, Doosje, Konijn, De Graaf и De Goede, в печати, 2017). Кроме этого отсутствует единое мнение или свидетельства по поводу того, какие именно формы альтернативной пропаганды будут самыми эффективными. По мнению одних, например, наиболее эффективной будет альтернативная пропаганда, утверждающая, что жестокие действия джихадистских группировок в основном приносят вред самим мусульманам (Archetti, 2012; Cornish, Lindley-French & York, 2011; Corman, 2011; Stevens & Neumann, 2009).

Нам не удалось обнаружить исследования, которые бы исследовали степень, в которой заслуживающие доверия новостные сообщения либо разрушают, либо содействуют пропаганде насильственного экстремизма.

Не смотря на предпринимаемые многочисленные инициативы по альтернативной или контрпропаганде, в настоящее время нет эмпирических исследований относительно того, являются ли они эффективными мерами профилактики в отношении насильственной радикализации в Интернете. Действительно, использование контрпропаганды в настоящее время отвергается как потенциально контрпродуктивное, хотя и по этому вопросу систематические исследования отсутствуют (Harris-Hogan, 2016).

В течение последнего десятилетия правительство США создало две онлайн-программы против радикализации, направленные на противодействие антиамериканской пропаганде и дезинформации со стороны «Аль-Каиды» или исламского государства. Эти программы стремятся выиграть «войну идей», противодействуя самозваной риторике джихадистов. Исследования показывают, что эти программы, как в США, так и в других странах, имеют серьезный кризис доверия (Archetti, 2012; Cornish, Lindley-French & York, 2011; Corman, 2011; Stevens & Neumann, 2009). Участие Запада в войнах и бомбардировках мирных жителей, произвольных задержаниях, пытках и т. д. используется ИГИЛ и другими группировками для создания образа лицемерия, двуличия и политической рекламы, которые могут свести на нет эффективность контр-заявлений и усугубить негодование в мусульманском мире по отношению к США или другим западным странам.

Кроме того, все еще существует необходимость изучения контр-инициатив частного сектора, которые являются менее пропагандистскими по своему характеру. Среди таких инициатив - проект «YouTube Creators for Change» («Создатели YouTube за изменения») с молодыми «послами», которым поручено «повышать осведомленность и способствовать продуктивному диалогу по социальным вопросам посредством создания контента и участия в выступлениях».⁹ Другим примером является пилотная инициатива «redirectmethod.org» по использованию поисковых запросов, чтобы направлять уязвимую молодежь на онлайн-видео с свидетельствами граждан, репортажами с мест и религиозными дебатами, которые опровергают заявления, используемые для насильственной вербовки. Инициатива избегает «контента, созданного государством, и новых или специально созданных материалов, используя только существующий и убедительный контент YouTube».¹⁰

Как следствие, некоторые правительства предпочитают вкладывать средства в первичную профилактику посредством просвещения населения в целом и молодежи, в частности, с помощью различных «прививочных» тактик, которые можно сгруппировать под общим названием «Медийная и информационная грамотность» (MIL). Основанная на знаниях об использовании МИГ в других областях, эта инициатива может рассматриваться, в частности, как долгосрочная комплексная превентивная стратегия по снижению привлекательности насильственной радикализации (Earnhardt, 2014; Frau-Meigs, 2011). Это особенно актуально для стран, где цензура неприемлема, так как считается, что такие меры

⁹ <https://www.youtube.com/yt/creators-for-change/>

¹⁰ <https://redirectmethod.org/>

могут оказать пугающее воздействие на свободу выражения, участие и конфиденциальность в Интернете. Значение МИГ также велико для стран, в которых действуют строгие ограничения на контент, учитывая, что любая концепция «протекционистского» и «прозаического» решения опускается, если она не решает проблему подготовки молодых людей к общению с множеством коммуникаций внутри и за пределами сети, которые стремятся мобилизовать их для политических, гендерных, идеологических или религиозных целей.

6.2 Медийная и информационная грамотность и критическое мышление

МИГ имеет давнюю традицию борьбы с вредоносным контентом и насильственными материалами, включая пропаганду насилия (Gerbner, 1998). На ранних этапах МИГ в основном использовалась для борьбы с дезинформацией (особенно в рекламе) путем развития навыков критической работы со СМИ. К 1980-м годам МИГ также стала включать культурные и творческие навыки, позволяющие более эффективно использовать средства массовой информации, а также активно использовать педагогику (Hobbs & Jensen, 2009; Potter, 2013). Начиная с 2000 года, МИГ расширил определение средств массовой информации, включив в него Интернет и социальные сети, добавив проблемы, связанные с этическим использованием сетевых средств массовой информации, к традиционным дискуссиям о вредном контенте и вредном поведении, и приведя их в большее соответствие с перспективами, которые рассматривают проблемы удовлетворения медиа пользователей.

ЮНЕСКО сопровождает этот процесс с 1980-х годов. Гранвальдская декларация 1982 года является первым документом, в котором медиаобразование прямо включено в повестку дня ЮНЕСКО, подчеркивающим необходимость того, чтобы государства способствовали критическому восприятию СМИ среди своих граждан. Декларация Fez 2011 года является еще одной вехой, формализующей переход от медийного образования к медийной и информационной грамотности (МИГ). Парижская декларация 2014 года «Медийная и информационная грамотность в цифровую эпоху» признала цифровой сдвиг и призвала все заинтересованные стороны признать, что задачи МИГ являются частью цифровой повестки дня с учетом этических аспектов прав человека. Создание Глобального альянса по партнерству в МИГ (GAPMIL) еще больше укрепило мировую осведомленность по этому вопросу. С 2007 года ЮНЕСКО объединила свои усилия с Альянсом цивилизаций ООН (UNAoC), чтобы связать МИГ с межкультурным диалогом (включая религиозные и межконфессиональные обмены) и работать с мигрантами, беженцами и молодежью в зонах конфликтов. ЮНЕСКО постоянно развивает свою программу МИГ, которая включает множество аспектов, включая разработку Руководства по политике и стратегии в области МИГ, предназначенного для использования правительствами и другими заинтересованными сторонами; учебную программу по медийной и информационной грамотности для учителей, которая была разработана в международном контексте на основе всеобъемлющего, непредписательного подхода и с учетом адаптации к местным условиям; и Глобальную структуру оценки МИГ, которая предлагает странам методологическое руководство и практические инструменты посредством анализа готовности стран и компетенции разных уровней общества.

Рост террористических атак привлек внимание к необходимости более критических подходов к СМИ через МИГ и добавил проблему радикализации в повестку дня МИГ. Пришло время поместить МИГ в центр обучения на всех уровнях официального образования, а также его необходимо продвигать во внешкольных и неформальных образовательных учреждениях. МИГ может эффективно содействовать укреплению межкультурного диалога, взаимопонимания и мира, продвижению прав человека, свободы выражения мнений и борьбе с ненавистью, радикализацией и насильственным экстремизмом. Фактически, МИГ является фундаментом для создания основы знаний для критического мышления, демократического гражданства, независимого обучения и хорошего управления. В этой связи ЮНЕСКО оперативно выпустила Ежегодник на 2016 год по медийной и информационной грамотности и межкультурному диалогу (МИГМД), озаглавленный «Укрепление прав человека, противодействие радикализации и экстремизму».

Нападения террористов на журналистов и такие СМИ, как «*Jyllands-Posten*» в Дании и «*Charlie Hebdo*» во Франции, ускорили этот процесс. После «Иезуиса Чарли» (“*Jesuis Charlie*”) в европейском регионе было выпущено три документа, отражающих изменение государственной политики в отношении МИГ. В марте 2015 года министры образования ЕС выпустили Парижскую декларацию «О продвижении гражданства и общих ценностей свободы, терпимости и недискриминации через образование». В ней делается упор на предотвращение воздействия радикализации и пропаганды и содержится призыв к сотрудничеству на уровне ЕС, а также на национальном и местном уровнях. В мае 2016 года Совет Европейского Союза сделал выводы «о развитии медийной грамотности и критического мышления посредством образования и обучения», которые связывают МИГ и цифровую сферу. Она «включает в себя уверенное, творческое и критическое использование ИКТ», которое позиционируется как «важнейший компонент медийной грамотности». Пересмотренная Директива об аудиовизуальных медиа-услугах (принятая в 2017 году) содержит статью о МИГ и ее значении для развития меньшинств и гражданства. Генеральный директорат Европейской комиссии по коммуникационным сетям, контенту и технологиям (DG Connect), куда входит и МИГ, обратился с призывом провести исследования по МИГ и радикализации. Программа H2020 также заявила о проблеме радикализации (с упоминанием социальных сетей и их роли). Северная Америка и другие страны мира также призвали к углубленному изучению связи между социальными сетями и радикализацией молодежи в Интернете, но в менее программной версии, чем в Европейском союзе (Drotner et al., 2017).

Молодые люди как целенаправленно, так и случайно сталкиваются пропагандой ненависти и насилия со стороны экстремистского контента в Интернете (Grizzle & Perez Tornero, 2016). Социальные медиа являются доминирующим пространством такого воздействия, наряду с традиционными пространствами, такими как школа, тюрьмы, места поклонения и работа. С другой стороны, многие молодые люди признают, что МИГ может помочь им защитить себя, а также противостоять ненавистническому, радикальному и экстремистскому контенту в Интернете (там же).

В этом свете МИГ также описывается как стратегия «снижения спроса на экстремистский контент как средство повышения осведомленности о демократии,

плюрализме и мирных идеях для продвижения» (Neumann, 2013). Многие специалисты в Европе и во всем мире выступают за многосторонний подход к МИГ, чтобы он применялся в школах и вне школ, включая семьи, и в отношении самих СМИ, призывая к социальной ответственности СМИ и интернет-платформы (Frau-Meigs & Torrent, 2009; Frau-Meigs & Hibbard, 2016). МИГ обеспечивает часто отсутствующую связь с семьями, педагогами и различными секторами правительства, которые зачастую стремятся работать в изоляции.

На этом этапе своей эволюции МИГ выступает в качестве составного понятия, которое превратилось из педагогической практики в социальное право и политический проект. Объединенное понятие МИГ также подчеркивает важность понимания МИГ как основополагающего фактора для выработки знаний для демократического глобального гражданства, обучения и эффективного управления (Singh, 2016). Как политический проект, МИГ направлена на содействие защите молодых людей от пропаганды и вредоносного контента, а также на расширение их участия, выступая в качестве средства максимального использования преимуществ свободы выражения мнений и информации. Как педагогическая практика, МИГ предоставляет набор умений, которые направлены на развитие гражданственности, креативности и критического мышления. Неотъемлемой частью МИГ является цифровая грамотность. Как социальное право, МИГ является частью универсальных прав человека, таких как свобода выражения мнений, участия, неприкосновенности частной жизни, безопасности и культурного разнообразия (Frau-Meigs, 2017).

За последние три десятилетия было выпущено значительное количество литературы, рассматривающей МИГ с точки зрения определенного набора критических знаний и умений (Feilitzen & Carlsson, 2004; Hobbs & Jensen, 2009; Frau-Meigs, 2011; Wilson et al., 2011), с точки зрения рефлексивной практики социальных сетей в информационную эпоху (Buckingham, 2008; Hoeschsmann & Poynitz, 2012; Livingstone et al., 2012; Serres, 2012) и с точки зрения государственной политики в эпоху конвергенции (Frau-Meigs & Torrent, 2009; Grizzle et al., 2013; UNESCO, 2013; Celot, 2014; Frau-Meigs et al., 2017). Небольшая подгруппа исследований подчеркивает важность обучения учителей и родителей МИГ и информирования их о роли социальных сетей и видеоигр. Тем не менее, большинство исследований, основанных на наблюдениях за молодыми людьми (EU kids on line; Jenkins et al., 2009; Livingstone, 2012; Ito et al., 2009), склонны игнорировать проблему насильственной радикализации. В центре внимания также были основные социальные сети, такие как YouTube или Facebook, в то время как более новые социальные сети, такие как Line или Periscope, привлекают меньше внимания.

6.3 Инициативы МИГ по радикализации, молодежи и социальным медиа

По всему миру было реализовано несколько официальных и неофициальных инициатив по обеспечению МИГ, в которых МИГ использовалась в качестве педагогической практики по развитию особого набора навыков, позволяющих адекватно реагировать на пропаганду гнева и мести и/или самореализации через насильственный экстремизм. Эти инициативы также направлены на создание цифровых контраргументов, отражающих представления молодежи о себе и

других, особенно с точки зрения противодействия несправедливости, дискриминации, коррупции и злоупотреблениям со стороны сил безопасности (Mercy Corps, 2015). В связи с этим ЮНЕСКО и другие организации провели мероприятия, посвященные молодежи, и с участием молодежи и журналистов, с целью обсудить, как лучше бороться с экстремизмом и радикализацией (2015 г.).¹¹ Стали очевидными необходимость информирования молодых людей о свободе в Интернете, а также необходимость подготовки журналистов по вопросам МИГ и освещения террора и экстремизма, для их ознакомления с важнейшими функциями их репортажа.¹²

Государственный департамент США организовал несколько онлайн-семинаров для сомалийских блоггеров, базирующихся в Канаде, Африке и Европе, «чтобы научить друг друга тому, как улучшить функциональность и внешний вид своих веб-сайтов, а также охватить более широкую аудиторию» (Neumann, 2013).

Другие программы ориентированы непосредственно на молодежь, исходя из того, что МИГ может положительно расширить возможности участия молодежи в маргинализации экстремизма, если не в его сдерживании (Cohen, 2015). UNAOC недавно сосредоточил внимание на молодежи в странах Ближнего Востока и Северной Африки, продвигая инициативы МИГ в Иордании и в Турции.¹³ Они также поддерживают действия через попкультуру молодых людей, чтобы связаться с ними в таких местах, как Иордания и Кения.¹⁴ ПРООН организовала международный конкурс под названием «PEACEapp» для продвижения игр и приложений в качестве места для культурного обмена, управления конфликтами и предотвращения насилия. ЮНЕСКО запустила много инициатив и проектов, связанных с МИГ, с акцентом на молодежь или с учетом молодежи, включая CLICKS - инновацию МИГ¹⁵ в социальных сетях, наращивание потенциала МИГ для молодежных организаций, Глобальная неделя МИГ¹⁶, проект МИГ в Иордании¹⁷, проект NETMED¹⁸ на Среднем Востоке, который, помимо прочего, дает молодым людям знания и умения МИГ для самовыражения посредством создания продуктов СМИ и участия в социальных и политических преобразованиях. Организация также оказала поддержку научным исследованиям, которые привели к созданию ресурса «Возможности для МИГ» на Ближнем Востоке и в Северной Африке¹⁹, а также к использованию МИГ как инструмента для диалога и терпимости посредством Массовых открытых онлайн-курсов по МИГ (МООС) на английском²⁰ и арабском языках²¹.

Литературные источники указывают, что в официальных учебных заведениях онлайн-ресурсы, предназначенные для учителей в классных комнатах, имеют тенденцию фокусироваться на развенчании теории заговора и радикальной пропаганды в социальных сетях. Они раскрывают слухи и фальшивые новости и

11 <http://en.unesco.org/youth-and-intemet-fighting-radicalization-and-extremism>

12 Книга ЮНЕСКО 2017 года «Терроризм и СМИ. Пособие для журналистов», написанное Жаном-Полем Мартозом.

13 <http://www.unaoc.org/event/media-and-information-literacy-initiatives-jordan-and-mena-region/>; <http://www.unaoc.org/event/the-role-of-youth-preventing-violent-extremism/>

14 <http://www.unaoc.org/2016/08/unaoc-supports-workshop-of-digital-games-development-for-young-urban-refugees-in-kenya/>

15 <https://en.unesco.org/milclicks>

16 <http://en.unesco.org/global-mil-week-2017>

17 <http://www.med-media.eu/project/jordan-media-institute-unesco-launch-media-information-literacy-project/>

18 <http://fr.unesco.org/netmedyouth>

19 <http://www.nordicom.gu.se/en/publikationer/opportunities-media-and-information-literacy-middle-east-and-north-africa>

20 <https://elab.lms.athabasca.ca/login/index.php>

21 <http://milmooc.aub.edu.lb/>

поощряют проверку фактов в Интернете. Они не рассматривают насильственную радикализацию *как таковую*, но они обращаются к средствам обнаружения экстремистского медиа-контента. Самостоятельный просмотр СМИ всегда было частью медийного образования, которое работает с использованием «подлинных» источников. Статьи о «*Inspire*», цифровом журнале «Аль-Каиды», могут помочь показать, как дизайн и контент ориентированы на идеологическую обработку и служат для целей пропаганды (Sivek, 2013; White, 2012). Учителя и молодые люди получают ресурсы, в которых указаны всевозможные способы искажения с разных точек зрения. Они помогают познакомиться со стратегиями охвата СМИ экстремистскими группами и защитить себя. Другие инициативы используют культуру участия социальных сетей для ознакомления молодежи с Интернетом и его проблемами. Медиа лаборатория в университете Род-Айленда в 2016 году подготовила проект под названием «Mind over Media» («Победа разума над СМИ»), чтобы научить молодежь распознавать пропаганду и разоблачать ее.²² Проект под эгидой Рене Хоббс поощряет учителей и студентов делиться своим опытом и комментариями.

Существуют определенные свидетельства расширения обучения МИГ через курсы МООС. Хотя курсы МООС еще не полностью посвящены насильственной радикализации в Интернете, некоторые существующие курсы МООС по МИГ рассматривают ее в своих сессиях и модулях. Это касается финансируемого Европейским Союзом проекта ОЭС, целью которого является обучение качеству и рентабельности в европейской цифровой повестке дня.²³ Курс МООС «DIY MIL», созданный на портале ОЭС на французском и английском языках, предлагает сессию по обучению ценностям и правам человека, посвященную проблемам радикализации (Frau-Meigs & Blondeau, 2014-15). Основанный на ERASMUS + МИГ проект ECFOLI предлагает курс МООС для обучения учителей и молодых людей разрешению конфликтов и межкультурному диалогу с помощью медийной грамотности, игр и рассказа историй (Frau-Meigs & Blondeau, цитируется в Osuna et al., 2015).²⁴ За пределами Европы ЮНЕСКО в партнерстве с кафедрой Университета Атабаски по открытым образовательным ресурсам (Канада) и в сотрудничестве с Сетью по медийной и информационной грамотности и межкультурному диалогу (MILID) в 2015 году запустила курс МООС на тему «Медийная и информационная грамотность для молодежи».²⁵

Поскольку тема радикализации молодежи в отношении социальных сетей является относительно новой в МИГ, проведенные исследования пока не дали существенных результатов. Тем не менее, недавно было начато несколько проектов, и результаты анализа на местах могут появиться уже в следующем году. Можно выделить три основные направления исследований, основанные на долгосрочных проблемах МИГ. Первое направление связано с рисками, связанными с потенциальным вредным воздействием сетевых изданий, анализируемыми в рамках крупных инициатив, таких как европейская программа - «Безопасный Интернет». Второе направление заключается в поиске путей предотвращения радикализации, которые может обеспечить МИГ, таких как выявление поддельных новостей, слухов и пропаганды. Третье и наиболее новое направление связано с оценкой специфики

22 <http://propaganda.mediaeducationlab.com/>

23 <https://www.eclearning.eu>

24 <http://ecfoli.eu>

25 <http://elab.lms.athabasca.ca/>

социальных сетей, которые способствуют процессу насильственной радикализации и облегчают вербовку, таких как т.н. «фильтр-пузырь» («filter bubble») (Pariser, 2011) и комбинированное действие алгоритмов отслеживания и определенных типов совместного использования и просмотра, которые могут соблазнить молодежь на поиск более радикального контента (Cardon and Granjon, 2014).

Однако исследователи, заинтересованные в изучении эффективности МИГ как превентивной меры в отношении насильственной радикализации в классе или за ее пределами (например, в обществе, в семье), сталкиваются с многочисленными методологическими проблемами. Продольные конструкции трудно реализовать из-за сложности создания достоверных индикаторов и того факта, что радикализованная молодежь редко является частью наблюдаемых выборок. Появление передового опыта в области МИГ по этой теме указывает на важность скоординированных действий среди различных типов заинтересованных сторон (Costa et al., 2017; Cappello & Chapman, 2016). Кроме того, нет проверенных инструментов для сравнений между странами и надежных сопутствующих методологических приемов. Эти пробелы указывают на необходимость проведения исследований, с целью обеспечить междисциплинарные перспективы для преодоления существующих пробелов в знаниях об эффективном вкладе МИГ в знания, оценку и обучение

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Количество доказательств связи между Интернетом, социальными сетями и насильственной радикализацией, имеющихся на сегодняшний день, очень ограничено и до сих пор они не обладают достаточной убедительностью, особенно в области информационных и коммуникационных наук по сравнению с другими дисциплинами (история, социология, психология). Большинство из просмотренных академических исследований и исследований серой литературы и отчетов специализированных учреждений, которые изучают роль Интернета и социальных сетей, остаются преимущественно описательными. Большинство исследований по получению эмпирических данных имеют низкое методологическое качество, имеют небольшие масштабы и основаны на ограниченных наборах данных. В результате они не могут предоставить данные о факторах, привлекающих интерес к экстремистским сайтам, об участии в этих вопросах социальных сетей, о причинах влияния контента, внешних и внутренних коррелирующих факторах, а также о путях, которые приводят молодежь к совершению насильственных действий.

При этом можно сделать вывод, что Интернет и социальные сети могут играть активную роль в процессе насильственной радикализации, главным образом посредством распространения информации и пропаганды, а также усиления, идентификации и привлечения (само) отобранной аудитории, которая интересуется радикальными и жестокими сообщениями (Brachman & Levine, 2011; RAND Europe, 2013; Sageman, 2008; Von Behr, Reding, Edwards, & Gribbon, 2013; Weimann, 2004).

В этом смысле, не являясь инициатором или причиной насильственного поведения, Интернет (и в особенности социальные сети) может способствовать радикализации. Согласно литературным источникам, роль Интернета, таким образом, заключается скорее в формировании решений, а не в иницировании принятия решений, и он действует через создание среды для единомышленников, настроенных против «Других». Фактическая насильственная радикализация включает использование нескольких сложных процессов, в том числе более сложных социально-психологических процессов и общения между людьми в сочетании с другими факторами, действующими в реальной жизни. Причинные связи между радикализацией в сторону экстремизма, насильственной радикализацией и фактическим совершением актов крайнего насилия еще далеко не установлены, несмотря на соответствующие намерения и цели соответствующих субъектов, использующих социальные сети для достижения некоторых из этих результатов. В следующих подразделах представлены конкретные ключевые выводы по отдельным тематическим областям.

7.1 Отдельные платформы социальных сетей

Основываясь на описательных доказательствах, можно высказать предположение, что чаты могут действовать как ускорители трансформации, когда их члены присоединяются к ним самостоятельно и предрасположены к положительному восприятию экстремистской идеологии. Тем не менее, исследователи не смогли найти ни эмпирических доказательств, позволяющих предположить, что это действительно так, ни каких-либо доказательств, противоречащих этому.

Не было найдено никаких эмпирических доказательств того, что Facebook, Twitter и другие платформы оказывают причинное влияние на результаты насильственной радикализации среди молодежи, и нет никаких доказательств, противоречащих этому. Возможно, Facebook - это пространство первого подхода к радикализации в Интернете и пространство, где распространяются экстремистские идеи, не обязательно переходящие к насильственным убеждениям или насильственным действиям со стороны получателей такого контента.

В настоящее время, похоже, нет исследований, связывающих видеоигры с насильственными радикализированными действиями в реальном мире, но существует одна правдоподобная гипотеза - видеоигры ведут к ослаблению восприятия виртуального насилия.

Основываясь на результатах изучения текущих исследованиях, можно сказать, что на сегодняшний день нет эмпирических данных, позволяющих предположить, что меры саморегулирования в социальных сетях способствуют снижению результатов насильственной радикализации среди молодежи, хотя и нет никаких доказательств, противоречащих этой возможности.

Большинство фактических данных о типах и процессах использования Интернета и социальных сетей ограничено ретроспективными разовыми тематическими исследованиями или анализом файлов людей, подвергшихся насильственной радикализации, связанной с религией. Хотя эти исследования носят информативный характер, они, как правило, характеризуются низким методологическим качеством и не указывают на то, какой вид использования Интернета и социальных сетей мог привести к реальной насильственной радикализации, а также не разъясняют, как она переходит (или нет) в насильственное поведение.

7.2 Пол и радикализация

Существующие исследования по гендерным вопросам, социальным сетям и радикализации носят весьма исследовательский и описательный характер, и ни одно из изученных исследований/отчетов не дает полного обзора гендерной проблемы в социальных сетях.

Роль женщин в радикализации в Интернете по-прежнему недостаточно изучена и недооценена.

Имеющиеся исследования были сфокусированы непропорциональным образом на ИГИЛ, а число междисциплинарных/межкультурных исследований об участии крайне правых, левых или радикальных феминисток в Интернете и социальных сетях невелико. В итоге мы имеем лишь частичное понимание роли женщин в

насильственной радикализации в Интернете.

Парадигма виктимизации женщин, вовлеченных в насильственную радикализацию, явно ограничена и не обеспечивает всестороннего понимания их роли в радикализации в Интернете (и в реальной жизни). Экстремистские и воинствующие движения все больше основываются на участии женщин, и стереотип терроризма, в котором преобладают мужчины, меняется.

Отсутствуют исследования сочетания создания образа мужественности и идей женственности, когда речь идет о половой принадлежности, социальных сетях и радикализации.

Существует также пробел в исследованиях того, как стратегии ПНЭ/ПНДЭ и дерадикализации затрагивают каждый пол, с учетом как взаимосвязанных, так и отдельных дискурсов.

Во всем мире ощущается потребность в увеличении числа женщин-исследователей, в том числе молодых исследователей (цифровых аборигенов). Их жизненный опыт может помочь улучшить понимание гендерных и молодежных аспектов (насильственной) радикализации и роли социальных сетей в этом процессе.

7.3 Крайнее правое и левое крыло

На сегодняшний день нет эмпирических данных, которые бы связывали использование Интернета и социальных сетей крайне правыми группировками с реальной насильственной радикализацией среди молодежи.

В одном исследовании приводятся доказательства того, что некоторые молодые люди являются уязвимыми для экстремистских высказываний, отчасти из-за предвзятости, используемых в них подтверждений и процессов рационального объяснения, а также потому, что у них нет чувства перспективы для оценки надежности источников информации и их использования (Biddle, 2015). Другие предполагают, что причиной для прослушивания (радикальных) голосов является то, что они придают смысл пережитому опыту (Blackwood, Hopkins & Reicher, 2015). Такие исследования следовало бы проводить в более широком масштабе.

7.4 Медийная и информационная грамотность

Несмотря на многообещающие результаты, оценка успешности и/или эффективности общих программ МИГ по предотвращению насильственной радикализации не проводилась.

Несмотря на то, что программы по МИГ становятся все более распространенными, в литературе наблюдается перекоп в сторону Северного полушария, и нам не удалось выявить ни одной программы, которая бы конкретно затрагивала проблемы насильственной радикализации. Не было найдено ни одного эмпирического исследования по вопросу эффективности этих программ в отношении проблем принятия, касающихся предотвращения насильственной радикализации в Интернете.

7.5 Арабский мир и Африка

В настоящее время в арабском мире имеется мало научных исследований по радикализации и социальным медиа. Исследования показывают активное присутствие террористических групп в социальных сетях, но они ограничиваются скорее описанием, чем анализом. Эта работа объясняет риски распространения экстремистских идей и предупреждает о возможном «смущении», которое такая информация может вызывать у потребителей.

Не было найдено ни опубликованных исследований, ни серых отчетов, касающихся влияния социальных сетей на насильственную радикализацию арабской молодежи, а также эффективности инициатив и политики по профилактике в арабском мире.

Тот же пробел в исследованиях относится и к изучению влияния контроля, осуществляемого Интернет-цензурой и медийными институтами, что является распространенным явлением в регионе. Некоторые считают, что это препятствует появлению надежных, независимых альтернатив экстремистскому контенту (Radsch, 2016).

Исследования, относящиеся к Африке, только появляются и указывают на важность рассмотрения мобильных платформ в качестве средств намеренной радикализации в направлении насильственного экстремизма.

7.6 Азия

Из-за отсутствия эмпирических исследований трудно предоставить конкретные тенденции и выводы в отношении социальных сетей и радикализации в Азии.

Пока еще нет региональных экспертных центров, что означает отсутствие сетей и исследовательских центров, которые могли бы сосредоточиться на насильственной радикализации и ее специфических проблемах в киберпространстве.

ВЫВОДЫ

Учитывая важность молодежи как граждан и потенциальных послов мира, следует тщательно изучить исследования причин и объяснений насильственной радикализации части молодежи в Интернете. Это должно быть скоординировано с обязательством государств защищать и поощрять безопасность и свободу молодежи, особенно в том, что касается свободы выражения мнений и участия, а также неприкосновенности частной жизни, даже в процессе сокращения ксенофобских подстрекательских высказываний в Интернете.

Число исследований проблемы радикализации молодых людей в Интернете еще недостаточно велико, чтобы выводы и рекомендации, сделанные в этих исследованиях, заслуживали доверия. В настоящее время ощущается нехватка количественных качественных данных по этой теме, в отличие от литературы о расширении прав и возможностей молодежи в области безопасного использования Интернета. В то время как серая литература (например, отчеты, обзоры, подробные журналистские расследования) о насильственной радикализации и терроризме увеличилась за последние несколько лет (начиная с 2012 года), с научной точки зрения эта проблема остается в значительной степени недостаточно изученной и теоретически обоснованной. Кроме того, некоторые исследования страдают от существенных методологических ограничений, таких как несистематический анализ проблемы (основанный на единичных тематических исследованиях), небольшие и нерепрезентативные выборки или наборы данных (малочисленные собрания документов, одномоментные анализы). Кроме того, существует асимметрия между количеством исследований, проводимых в западных странах, и исследованиями в остальном мире, особенно в странах Ближнего Востока и Северной Африки, что может привести к неустранимому смещению в построении и достоверности теоретических моделей и в интерпретации результатов.

В настоящее время существуют некоторые свидетельства корреляции между воздействием экстремистской пропаганды и вербовки и выражением экстремистских настроений, и повышенным риском насильственной радикализации среди молодежи, особенно в случае крайне правых группировок (Bridle, 2015). Однако, точные роли и процессы, посредством которых Интернет и социальные сети способствуют процессу радикализации, еще предстоит изучить. Тем не менее, нет достаточных доказательств, чтобы сделать вывод, что существует причинно-следственная связь между экстремистской пропагандой или вербовкой в социальных медиа и насильственной радикализацией молодежи.

Обобщение фактов показывает, что в лучшем случае социальные сети представляют собой благоприятную среду, а не движущую силу насильственной радикализации или фактического совершения насилия. Таким образом, нет четких доказательств того, что влияние социальных сетей может действовать независимо от других факторов, действующих вне сети, несмотря на то, что грань между виртуальной реальностью и реальной жизнью становится все более прозрачной. В

этом смысле Интернет и социальные сети могут выступать в качестве наполнителя, поскольку молодые экстремисты могут активно искать и находить в социальных сетях материалы для удовлетворения своих интересов и, тем самым, становиться объектами для вовлечения в насильственные действия.

Некоторые стратегии профилактики, разработанные для служб безопасности, также использовались и для учителей (Kovacich & Jones, 2002). Профессионалы разных видов проходили тренинги по тактике ведения боевых действий террористическими группами. В некоторых странах, таких как Франция и Великобритания, учителей и других педагогов обучают распознавать ранние признаки саморадикализации через Интернет среди своих учеников, чтобы сообщать о них и пробовать применять профилактические меры.

Исследования, которые бы глубоко исследовали эффективность этих методов, найдены не были. С другой стороны, имеются многочисленные журналистские, неофициальные и серые литературные сообщения, которые указывают на высокий уровень ложных результатов, опасности обнаружения и принятия профилактических мер школьным персоналом, а также на негативные последствия для молодежи, семей и сообществ.

В литературе раскрывается развивающаяся тенденция по выработке мер противодействия в Интернете, которые реагируют на конкретный контекст и противостоят экстремистским материалам, заявлениям и ненавистническим высказываниям. Проактивные стратегии имеют тенденцию принимать две основные формы: противодействие пропаганде в Интернете и массовые антипропагандистские инициативы, как в виртуальные, так и реальные. Они характеризуются ограниченностью по объему и страдают от недостатка финансирования, что мешает им поддерживать свое присутствие в Интернете и влиять на молодежь в процессе радикализации. Это также препятствует оценке эффективности таких программ. Кроме того, некоторые авторы (например, Ferguson, 2016) в настоящее время ставят под сомнение эффективность контрпропаганды и указывают на их потенциальные контрпродуктивные эффекты. Предположение, что они могут противостоять пропаганде насильственного экстремизма или реальной угрозе насильственного экстремизма, «остается недоказанным» (Ferguson, 216).

В целом, была проведена оценка эффективности только нескольких инициатив по МИГ. Исследования в этой области чаще всего используют отдельные упоминания об онлайн-ресурсах, предназначенных для учителей в классных комнатах. Разнообразные инициативы, которые были реализованы в нескольких странах, как правило, представляются как улучшение критически важных знаний и умений молодежи в области онлайн-навигации, но нет никаких доказательств их эффективности в снижении риска насильственной радикализации в Интернете.

Также можно сделать ряд выводов об ограничениях проведенного исследования.

Одно важное предостережение в литературе связано с тем, что многие исследовательские рамки превратились в мифы, модные слова и интернет-мемы, которые могут нанести ущерб имиджу молодых людей и имиджу Интернета в целом, такие как: метафора сети, эхо-камера, одинокий волк, зеленая птица. Эти ярлыки парадоксальным образом подпитывают коммуникационные стратегии многих экстремистских группировок, предоставляя им власть определять повестку

дня и повествования и помогая им монополизировать внимание к своим проблемам в ущерб другим реальностям (таким, как бедственное положение женщин). Например, образ внедренного, саморадикализованного «одиночки» используется в рассказах о хаотических, произвольных актах насилия, которые способны достигать широкой публики в любое время, в любом месте, выступает в них в качестве внутреннего врага. Образ часто используется для прямой радикализации в Интернете через социальные сети, и часто считается, что он связан с неэффективной работой полиции или ее неспособностью обеспечить безопасность. Тем не менее, нет никаких эмпирических доказательств того, что люди существуют изолированно от или сталкиваются с радикализацией контента в Интернете случайно. В действительности было выдвинуто убедительное опровержение этих предположений (The Guardian, 2017).

В литературе теория и история пропаганды, идеологической обработки и воздействия СМИ представлена слабо, и различные авторы рисуют различные парадигмы. Они варьируются от теории использования и удовлетворения, которая приписывает влияние того, что пользователь делает из потребляемых сообщений, до поведенческого стимула-ответа, где воздействие *само по себе* приводит к краткосрочным аффективным результатам (будь то подкрепленным или ориентированным на изменения). Ощущается недостаток более целостных моделей, которые учитывают различные способы работы различных коммуникаций (таких как средства массовой информации, социальные сети и индустрия развлечений) на уровне знаний, отношения и практики. Теории косвенных эффектов через диффузию, многоступенчатые потоки и пересечения между различными типами носителей упоминаются редко (такие типы, как общедоступные средства массовой информации, социальные сети, закрытые форумы, такие как группы Whatsapp, и инструменты для обмена межличностными сообщениями один на один). Кроме того, в теории мало внимания уделяется роли установления повестки дня, формирования рамок и идеологических воздействий в отношении развития индивидуальной и групповой идентичности и действий.

Также мало внимания уделено анализу политических стратегий с теоретической точки зрения, который бы более глубоко изучил эти стратегии с точки зрения политической экономии и институциональной практики.

Кроме того, данные исследований очень ограничены или отсутствуют по ряду других важных тем, таких как: а) взаимосвязь между участием в экстремистских группах в Интернете и насильственной радикализацией и действиями в реальной жизни; б) эффективность обучения в Интернете (без «реального» опыта, такого как тренировочные лагеря); в) возможности и ограничения онлайн «систем управления» (отслеживание, блокировка); г) влияние скрытых веб-сайтов (на которые трудно попасть, за исключением лиц с высокой мотивацией); е) сравнение людей, активно ищущих экстремистский контент, и пассивных и случайных встреч и их последствий.

Положительным моментом является то, что нехватка эмпирических исследований предлагает многочисленные возможности для будущих исследований с точки зрения тем и методологии. Однако методологии исследования нуждаются в обновлении. Использование анализа социальных сетей, особенно сочетающего лексический анализ и эмоциональный анализ, весьма перспективно. При этом существующие исследования с использованием технологий и алгоритмов

проводились на очень маленьких выборках. Использование стандартных инструментов, в которых отсутствует учет специфических особенностей радикализации (географические информационные системы, анализ социальных сетей), недостаточно надежно для выявления ошибок. Будущие исследования с использованием этих технологий могут выиграть от включения более разнообразных и более широких выборок, позволяющих глубже изучить влияние визуальной или текстовой пропаганды на процесс радикализации. Необходимо проводить больше количественных и качественных исследований, изучающих последствия онлайн-экстремизма для реальной жизни.

Исследователи сталкиваются с серьезными эмпирическими, методологическими и этическими проблемами, которые могут частично объяснить текущее состояние соответствующей литературы. Проведение исследования, связывающего социальные сети с насильственной радикальной радикализацией, требует возможности проникновения, чтобы получить доступ к зашифрованным и закрытым пространствам или прокси-сайтам (особенно скрытым сайтам). Кроме того, несмотря на то, что экстремистские группировки не доверяют крупномасштабным коммерческим сетям, большинство исследований на удивление фокусируются именно на этих сетях, пропуская скрытые веб-сайты и другие места, где можно было бы получить больше информации о симпатизирующих лицах, относящихся к группе риска, их личности, их социальных кругах и их действиях. Это и возможный молодой возраст участников вместе создают серьезные этические проблемы с точки зрения прав на неприкосновенность частной жизни и защиты наиболее уязвимых, а также с точки зрения потенциального использования и неправомерного использования такой информации после сбора.

Еще одним важным моментом, который следует учитывать, являются различные информационные и коммуникационные контексты, в которых необходимо изучать усилия по радикализации в Интернете. Существует большой вопрос относительно того, имеют ли результаты исследований в либеральной среде какой-либо резонанс в более закрытых сообществах, и наоборот. Это может объяснить некоторые региональные различия, отмеченные в данном отчете, а также необходимо уделять больше внимания важности более широкого понимания свободы выражения мнений и права на информацию в каждом конкретном случае исследования.

Отчасти по этой причине также можно поставить под сомнение возможность окончательного завершения поиска общих причинно-следственных явлений в этой области. Важно отметить, что отсутствие доказательств прямой причинно-следственной связи само по себе является ценным, поскольку оно предостерегает от любых политических мер, которые принимают такую связь как должное и которые - на этой основе - могут ограничивать права на выражение мнений, неприкосновенность частной жизни и права на объединение без существенного обоснования

РЕКОМЕНДАЦИИ

Результаты анализа литературы, проведенного в рамках настоящего исследования, позволяют сделать следующие замечания и рекомендации:

Общие замечания

- Процесс онлайн-радикализации молодежи - это глобальное и многогранное явление, в рамках которого социальные сети используются в качестве стратегического инструмента для подстрекательства к насильственному поведению.
- Роль таких социальных сетей не следует рассматривать изолировано, а только в контексте как других коммуникационных платформ, так и важных социальных факторов, таких как политические, социальные, культурные, экономические и психологические причины.
- Существует нехватка исследований, в которых эффективно рассматривается роль коммуникаций в усилении или противодействии подстрекательству к радикализации в направлении насильственного экстремизма.
- При этом, имеющиеся исследования подтверждают, что многие виды использования социальных сетей террористами направлены как на разжигание чувства страха среди пользователей Интернета в целом, так и на поляризацию общества. Помимо этого, их цели включают также подстрекательство и вербовку людей, с целью их присоединения к движению, и привлечению к участию в насилии. В то же время фактическое восприятие и влияние усилий по радикализации в Интернете требует гораздо большего изучения.
- Попытки бороться с интернет-аспектами насильственной радикализации молодежи не доказали свою эффективность, но очевидно, что они могут нанести ущерб свободам, существующим в Интернете, особенно свободе выражения мнений, свободе информации, неприкосновенности частной жизни и праву на объединение.
- Международные стандарты законности, необходимости, соразмерности и законной цели имеют существенное значение при рассмотрении любых ограничений средств массовой информации, включая социальные сети.
- Необходимо дополнительно исследовать и изучать возможности и пути использования как виртуальных, так и реальных платформ с целью привлечения молодежи к пропаганде мира, содействию продвижению идей интеграции, равенства и межкультурного диалога.
- Необходимо подчеркнуть важность надежной информации, такой как профессиональная и независимая журналистика, как фактора противодействия подстрекательским заявлениям, которые используют ложь для достижения своих целей.

РЕКОМЕНДАЦИИ:

Государства могли бы рассмотреть возможность:

- Укреплять сотрудничество с международным сообществом и всеми соответствующими участниками в целях объединения усилий по предотвращению радикализации молодежи и борьбе с насильственным экстремизмом во всех его формах.

- Разработать и внедрить комплексные эффективные меры по предотвращению радикализации, которая ведет к насилию, и разработать национальную политику и/или планы действий для достижения этой цели.

- Усилить глобальный диалог о соразмерных позитивных действиях по противодействию радикализации и включить его в сферу действия принципов ЮНЕСКО по универсальности Интернета (права, открытость, доступность и участие многих заинтересованных сторон), которые продвигают правозащитный подход и сохраняют взгляд на огромные преимущества Интернета при одновременном сокращении случаев нарушения правил использования.

- Усилить общую реакцию сектора образования на насильственный экстремизм, в том числе с помощью основанных на правах человека программ Глобального гражданского образования (GCED), а также тренингов для учителей и других молодежных посредников.

- Продвигать и оценивать стратегии МИГ, признавая, что новые технологии также являются инструментом, который можно использовать для: предотвращения насильственного экстремизма; поощрения встречных и альтернативных повествований; продвижения образования граждан; и развития критического мышления. Таким образом, МИГ позволяет поддержать права человека, диалог, взаимопонимание и терпимость, и предоставляет молодым людям возможность стать хозяевами своей собственной идентичности и выявлять, и противостоять усилиям по радикализации в Интернете.

- Принимать во внимание и поощрять участие молодежи в процессах принятия решений в соответствии с Резолюцией 2250 Генеральной Ассамблеи ООН и давать им возможность руководить новыми цифровыми проектами в интересах мира, терпимости и взаимопонимания.

- Признать изменяющийся статус женщин, являющихся как участниками, так и целями радикализации в Интернете, и поддерживать более широкую представленность женщин (и молодых людей) в соответствующих исследовательских проектах.

- Углубить взаимодействие с организациями гражданского общества, соответствующими местными общинами и неправительственными субъектами, признавая их роль в содействии эффективности осуществления национальных планов и стратегий по борьбе с терроризмом.

- Поддерживать исследовательские институты и ученых в изучении насильственной радикализации в Интернете, в более широком контексте других измерений, в более широком масштабе и качественно, а также через региональные и глобальные сети.

Представители частного сектора, СМИ и Интернета могли бы рассмотреть возможность:

- ↳ Обеспечить профессиональное журналистское освещение конфликтов предоставляя проверенную информацию и информированное мнение, а также распознавать язык и материалы, которые могут способствовать разделению, ненависти и насильственной радикализации.

 - ↳ Повышать осведомленность о новостях в Интернете и офлайн, чтобы избежать паник, стереотипов, предвзятости, фальшивых новостей и «медийной паники», а также подтверждать важность медийной этики перед лицом угрозы радикализации молодежи в интересах насильственного экстремизма.

 - ↳ Изменить Условия предоставления услуг в социальных сетях на консультативной основе, чтобы обеспечить правовую и соразмерную основу для действий, особенно в связи с давлением со стороны правительств или других третьих сторон, направленных на отслеживание, раскрытие или распространение информации о молодых пользователях, а также на удаление контента, нацеленного на подстрекательство к радикализации в интересах насильственного экстремизма.

 - ↳ Определять и управлять проявлениями ненависти, не ставя под угрозу право на свободу выражения мнений, опираясь на принципы, изложенные в Рабатском плане действий Высшей комиссии ООН по правам человека.
-

Гражданское общество и пользователи Интернета могли бы рассмотреть возможность:

- ↳ Активизировать усилия организаций гражданского общества по использованию социальных сетей для разработки и распространения мирных материалов, альтернативной и контрпропаганды, которые бросают вызов террористической пропаганде и разжиганию ненависти.

 - ↳ Продвигать организации гражданского общества в качестве сторонников расширения возможностей противодействия пропаганде и построения сообществ вокруг мирных ценностей.

 - ↳ Поддерживать как семейные сети в Интернете и реальной жизни, так и влияние родителей, инвестировать в социальную структуру, которая может смягчить чувство отчуждения среди молодежи.

 - ↳ Содействовать распространению грамотности, способствующей ненасильственному разрешению конфликтов и мирных ценностей.

 - ↳ Информировать пользователей Интернета об этичном поведении в Интернете, проблемах конфиденциальности и рисках, связанных с раскрытием персональных данных и другой потенциально конфиденциальной информации (через социальные сети), а также о том, как распознавать и маркировать нелегальный контент/действия и использование социальных сетей в террористических целях.
-

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Методология и стратегия систематического поиска

Приложение 2. Сопоставление авторов и литературы по радикализации и социальным медиа

Приложение 3. Центры или учреждения, изученные в настоящем исследовании: разбивка по странам

Приложение 4. Квебекский призыв к действиям

Следующие документы найдены только в Интернете:

Приложение 5. Библиография избранных работ, опубликованных на английском языке

Приложение 6. Библиография избранных работ, опубликованных на французском языке

Приложение 7. Библиография избранных работ, опубликованных на арабском языке

Приложение 8. Библиография избранных работ, опубликованных на китайском языке

Приложение 9. Общая библиография документов на разных языках

<http://en.unesco.org/preventing-violent-extremism> <http://en.unesco.org/themes/fostering-freedom-expression>

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

МЕТОДОЛОГИЯ И СТРАТЕГИЯ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО ПОИСКА

Для достижения целей этого обзора мы адаптировали очень надежную методологию обзора, разработанную некоммерческой организацией «Содружество Кэмпбелла» (Voguch, 2004). Мы уточнили детали каждого шага в соответствии со спецификой и целями нашего обзора. Метод Кэмпбелла также лежит в основе основных методологий систематического обзора, используемых ведущими организациями, такими как Кокрейн, а также руководящих принципов PRISMA (<https://www.campbellcollaboration.org>). Ниже представлено более подробное описание каждого шага обзора вместе с результатами поиска. Эти шаги являются взаимосвязанными ключевыми шагами, выполняемыми в ходе непрерывного итеративного процесса (Bernard et al., 2014).

1.1 Общие шаги исследования

ШАГ 1. Формулировка вопроса для обзора и отбор определений. Мы начали с формулировки вопроса для обзора, который определял цели и методы систематического поиска: «Какова роль социальных сетей в процессе насильственной радикализации и в какой степени инициативы по профилактике/вмешательству выполняют эту роль?»

Вопрос для обзора определил структуру проведения обзора: определение целевой группы населения (например, молодежь), используемых определений и ожидаемых результатов, и поиск подтверждения связи между различными интересующими концепциями. В этом обзоре мы использовали следующие определения для основных конструкций/переменных:

Насильственная радикализация: мы использовали элементы, взятые из трех определений, представленных в основной части этого отчета. **Профилактика:** для целей данного обзора профилактика включает любую стратегию или программу, связанную с Интернетом и социальными сетями, нацеленную на снижение риска насильственной радикализации среди молодежи. **Вмешательство:** относится к любой стратегии или программе, связанной с Интернетом и социальными сетями, которая конкретно нацелена на молодежь, которая стала придерживаться идеологии насильственного радикализма, и направлена на снижение предполагаемого или текущего насильственного поведения. Сюда относятся программы по де-радикализации (программы, которые предназначены для изменения отношения и убеждений отдельных лиц, которые оправдывают насильственный экстремизм). **Медиа/Интернет:** включены все коммуникационные платформы на основе технологии Web 2.0.

Наша работа не рассматривает структурированные формы партизанской войны или гражданской войны, революционных деятелей с их формами насилия, а также виды насилия, созданные незаконными организациями (мафией, бандами). Наша работа также не рассматривает радикальные формы мышления (антисистемность, популизм, заговор), когда они опровергают насильственные или террористические акты.

ШАГ 2. Определение критериев включения/исключения. Критерии, которые мы использовали для определения допустимых доказательств, основаны на стандартах целевой группы профилактических служб США и целевой группы канадских профилактических служб. Руководящий принцип заключается в отборе доказательств, «наиболее важных для выработки рекомендаций». Поскольку исследование связи между Интернетом и насильственной радикализацией является относительно новым направлением, выработка стратегии поиска, которая является весьма специфической, позволила бы значительно сократить количество соответствующих исследований. Мы решили остановить выбор на критерии повышенной чувствительности, используя подход «Наилучшее имеющееся доказательство», используемый «Petticrew and Roberts» (2006). Одна из проблем этого подхода заключается в том, что его применение в библиографических поисках он позволяет получать в итоге большое количество статей с различными методологиями. Однако чистым преимуществом является то, что это увеличивает вероятность включения соответствующих исследований, в которых используется другая концептуальная основа (например, исследования по терроризму), но которые включают оперативные меры и результаты, относящиеся к нашему обзору. Это, в свою очередь, позволило улучшить обобщаемость, последовательность и триангуляцию доказательств, а также снизить риск случайных результатов. Следующие критерии включения, в соответствии с вопросом для обзора, определяют правила для отбора доказательств, которые мы считаем приемлемыми для целей данного обзора:

- ➔ Составлен на английском, французском, испанском, арабском или китайском (языки, на которых говорит исследовательская группа).
- ➔ Нет ограничений в отношении типа или метода составления документа.

При этом любой из этих документов должен был включать:

- ➔ Насильственную радикализацию или терроризм И Интернет/социальные сети.

ШАГ 3. Поиск литературы.

ШАГ 3.1. Поиск литературы Северной Америки, Латинской Америки и Карибского бассейна, и Европы. Для каждой группы стран была разработана стратегия поиска, наиболее адаптированную к ее научным базам данных и базам серой литературы (публицистические или аналитические статьи, доступные ученым). Каждая группа проконсультировалась с экспертом в области библиотечного дела и отобрала наиболее подходящие ключевые слова и разработала диверсифицированную стратегию поиска, которая включает в себя поиск в библиографических справочных базах данных, «серых» литературных ресурсах. Веб-группы также использовали личные контакты для выявления

экспертов или консорциумов, работающих над вопросами, относящимися к радикализации. Сначала мы запустили поиск в базах данных (в Таблице 1 показаны примеры поиска в базах данных и примера поиска, по ключевым словам, и стратегии для PsycINFO). Чтобы уменьшить «ошибку при отборе публикаций» (Bernard et al., 2014), мы провели тщательный поиск «серой» литературы. Мы искали в Интернете исследования и отчеты основных исследовательских организаций и исследовательских / аналитических центров по вопросам безопасности (например, TSAS, TERRA, институты внутренней безопасности, правительственные министерства, см. Freedman, 2010), а также изучали местные журналы и публикации, материалы конференций, диссертации и рефераты, и т. д. Мы завершили поиск, проведя ручной поиск бумажных журналов и списков литературы из соответствующих обзорных работ и связавшись с ключевыми экспертами в этой области.

Таблица 1 Пример поисковых ключевых слов и поисковых баз данных на английском языке

Ключевые слова		
<p>(«Радикальный Ислам*» ИЛИ «Исламский Экстрем*» ИЛИ «Радикал * ИЛИ «Доморощенный Террор*» ИЛИ «Внутренняя угроза*» ИЛИ «Насильственный экстрем*» ИЛИ «Джихад*» ИЛИ «внушен*» ИЛИ «Террори» ИЛИ «Белое превосх*» ИЛИ «Неонаци*» ИЛИ «Правый экстрем*» ИЛИ «Левый экстрем*» ИЛИ «Религиозный экстрем*» ИЛИ «фундаментал*» ИЛИ «Антисемит*» ИЛИ «Шовин*» ИЛИ «Исламофоб*» ИЛИ «Эко-террор*» ИЛИ «Вдохновленный Аль-Каидой» ИЛИ «Вдохновленный Даеш-ИГИЛ» ИЛИ «Антикапиталис*»)</p>	<p>А ТАКЖЕ</p>	<p>(«Онлайн социальные сети» ИЛИ «Киберзапугивание» ИЛИ «Интернет-сообщество» ИЛИ «Коммуникационные медиа» ИЛИ «Компьютерные коммуникации» ИЛИ «Социальные медиа» ИЛИ «Телекоммуникационные медиа» ИЛИ «Веб-сайты» ИЛИ «Информационные системы» ИЛИ «Интернет» ИЛИ «коммуникационные системы» ИЛИ «Электронные коммуникации») ИЛИ («социальные медиа» ИЛИ онлайн ИЛИ bebo, или facebook, или flickr, ИЛИ foursquare, ИЛИ friendster, ИЛИ hulu, ИЛИ instagram, ИЛИ linkedin, ИЛИ meetup, ИЛИ pinterest, ИЛИ Reddit, ИЛИ Snapchat, ИЛИ Tumblr, ИЛИ xing, ИЛИ twitter ИЛИ yelp ИЛИ YouTube)</p>
<p>Ограничения</p>	<p>Год публикации: 2001-2016 Язык: Английский</p>	
<p>Примеры просмотренных баз данных</p>	<p>ABI/Inform Global, Academic Search Complete, ATLA Religion Database, Canadian Public Policy Collection, Canadian Research Index, CBCA Complete, Communication Abstracts, Education Source, ERIC, FRANCIS, International Political Science Abstracts (IPSA), Medline, OpenGrey, PAIS International, Political Science Complete, ProQuest Dissertations and Theses, PsycINFO, SocINDEX, Sociological Abstracts et finalement, Web of Knowledge</p>	
<p>Пример поиска серой литературы</p>	<p>Список из 100 организаций и аналитических центров в области радикализации, экстремизма и терроризма и всех ссылок на другие ресурсы с этих сайтов, в общей сложности 628 посещенных сайтов.</p>	

ШАГ 3.2. Поиск литературы арабских стран. Дополнительные поиски арабской литературы: в дополнение к методу систематического обзора, первое исследование публикаций на арабском языке или работ, связанных с арабским миром, в которых упоминается феномен радикализации, позволило нам выявить значительное количество публикаций (книги, исследования, доклады, научные статьи, полуакадемические и журналистские статьи) и конференций (встречи, конференции и исследовательские семинары), посвященных этому явлению.

Для этого мы использовали такие ключевые слова, как «радикализация» (tatarrof), «терроризм (irhab), «исламское государство» (addawla al-islamiyya), «даеш», «джихад» (jihad) или джихадисты (moudjahidin), с которыми мы связали другие, такие как: «пропаганда джихада» (di'aya jihadiyya), «социальные медиа» (i'lam ijtimai'i) или «медиа-стратегия» (istratijiyya i'ilamiyya). Наше исследование проводилось в основном с фильтрами языка, страны и региона (Магриб, Машрек, регион Персидского залива). Мы также изучали сайты основных исследовательских центров по гуманитарным и социальным наукам в арабском мире, чтобы понять роль исследований по насильственной радикализации в этом регионе.

ШАГ 3.3. Поиск литературы Китая, стран Южной и Юго-Восточной Азии.

Все поиски в основном основаны на трех крупнейших и наиболее часто используемых научных онлайн-библиотеках, и базах данных в Китае, а именно CNKI (Китайская национальная инфраструктура знаний), Wanfang и Vip. Чтобы включить публикации китайских ученых на английском языке или публикации о радикализации в Китае, мы также включили в наш поиск три базы данных на английском языке, Springer link, Science direct, и онлайн-библиотеку Wiley.

Мы использовали перекрестные ссылки на китайские ключевые слова, такие как «радикализация» (激进化), «радикализм» (激进主义), «экстремизм» (极端主义), «терроризм» (恐怖主义), «фундаментализм» (原教旨主义), «исламизм» (伊斯兰主义), «Аль-Каида» (基地组织) с ключевыми словами «социальные медиа», «новые медиа», «онлайн», «киберпространство», «молодежь» и «Китай». Результаты поиска показывают, что есть несколько публикаций о новых медиа, социальных сетях и радикализации, соответственно, и отдельно, и очень мало публикаций о «молодежной радикализации в Интернете». Кроме того, большинство публикаций на эту тему посвящено этому феномену в западных странах. Важно отметить, что существовала проблема семантики, потому что мы не нашли результатов при объединении социальных сетей, радикализации молодежи и Китая. Это связано с тем, что китайские ученые склонны использовать слова «экстремизм», «терроризм», «религиозность», «фундаментализм», «исламизм» и «Аль-Каида» для обсуждения насильственной радикализации в китайских публикациях. И наконец, в китайских публикациях практически не встречаются такие ключевые слова, как «Даеш» и «ИГИЛ».

После первых трех этапов исследования, включая поиск на других языках, мы продолжили систематический обзор на последующих пяти этапах, с целью извлечь и обобщить данные и информацию из отобранных исследований.

ШАГ 4. Отбор исследований для включения в обзор. Во-первых, члены исследовательской группы каждой страны проверяли тезисы, чтобы исключить явно неприемлемые исследования. Во-вторых, они рассматривали полнотекстовые документы для окончательной проверки приемлемости, используя шкалу от 1 (определенное исключение) до 5 (определенное включение). Разногласия обсуждались, и решения принимались на основе консенсуса. В качестве шаблона для записи результатов поиска по литературе в блок-схему мы использовали платформу «Предпочтительные элементы отчетности для систематических обзоров и метаанализов» (PRISMA) (доступна по адресу <http://www.prisma-statement.org/statement.htm>). Блок-схема на рисунке 2 ниже также отображает

причины не включения.

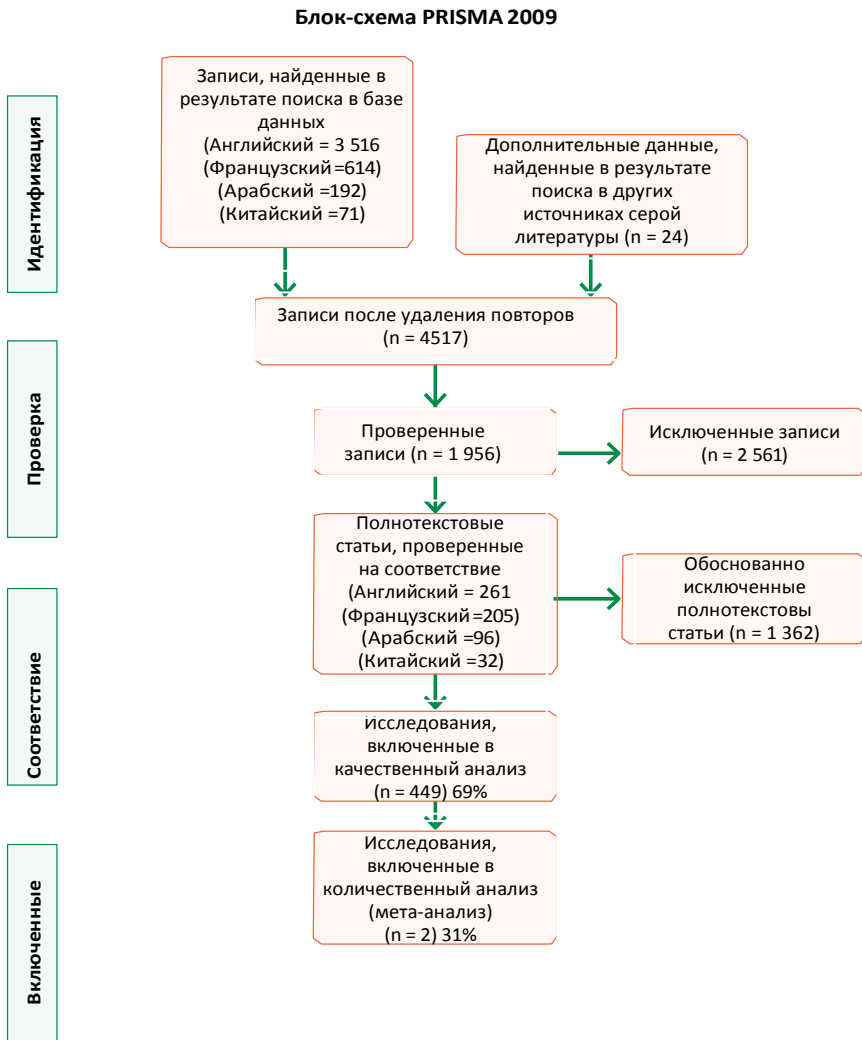
ШАГ 5. Сбор информации из исследований. Данные и информация из каждого отобранного исследования проходили первоначальную проверку (с использованием таблиц проверки данных, полученных от «Cooreg», 2010г.). Информация и данные затем извлекались с использованием бланков для кодирования для извлечения данных. Бланки для кодирования содержали информацию о следующих категориях: автор, год, место проведения исследования, план исследования, цели, выборки участников, меры, программы профилактики/вмешательства (когда это применимо), итоги, результаты, основные выводы и т. д.

ШАГ 6. Анализ и интегрирование результатов исследований. Среди прочего мы провели несколько параллельных агрегаций доказательств в соответствии с: а) различными концепциями, возникающими в процессе обзора; б) типом исследования; в) географическим регионом исследования; и d) исследованиями, направленными на профилактику или вмешательство. Этот метод агрегирования имеет чистое преимущество, поскольку позволяет организовать очень разнородные наборы данных/доказательств в значимые целые. Члены исследовательской группы провели извлечение и обобщение данных.

ШАГ 7. Интерпретация доказательств. На этом этапе мы обобщали накопленные данные конкретно по: (а) различным темам, которые возникли из литературы; (b) степени доверия к каждому выводу (с точки зрения имеющейся информации и надежности исследований и отчетов); (с) обобщаемости и применимости выводов; (d) ограниченности существующих знаний и будущих рекомендаций.

ШАГ 8. Составление ключевых рекомендаций и завершение отчета: Команда обзора составляла ключевые рекомендации с акцентом на ограничения и будущие цели. Мы используем метод нарративного синтеза для интеграции результатов в отчет, который структурирован в соответствии с руководящими принципами по написанию отчетов группы PRISMA (Mhoer et al., 2008).

Рисунок 1. Блок-схема стратегии поиска

1.2. Общие результаты поиска (по темам и континентам)

Ниже мы представляем результаты шагов 5 и 6 обзора, которые иллюстрируют результаты процесса агрегирования. В таблице 2 представлены результаты на трех основных языках, разбитые по структуре исследования, научной области и общей теме. В следующей таблице мы хотели провести обзорный анализ статей. Сначала мы изучили следующие три рабочих языка (английский, французский, арабский), чтобы определиться с выбором методов и дисциплин.

Затем мы задали этим ресурсам ключевые слова для определения ориентации контента. Иногда было сложно выбрать одно ключевое слово, поэтому впоследствии мы включили наиболее ключевые слова с наиболее широким диапазоном значения. Например, подход в тексте может быть ориентирован на терроризм, но также может включать в себя насильственные аспекты. После этого мы отдавали предпочтение наиболее часто цитируемым словам. В итоге (подробности на рисунках 3-7) становится ясно, что:

- Качественные и социологические подходы наиболее часто встречаются в документах на английском языке. С другой стороны, в документах на французском языке более часто встречаются подходы с точки зрения политических наук.

- В то время как частота использования количественных и качественных подходов в документах на английском и арабском языках практически одинаковая, количественные методы очень редки в документах на французском языке.

- Темы, относящиеся к терроризму и насильственным нападениям, обычно преобладают на всех трех языках, но понятие радикализации мало присутствует в документах на арабском и в еще меньшей степени в английском языке.

- Ссылки на ислам не очень часто присутствуют в документах на английском, и тем более на французском и арабском языках

Таблица 2 Результаты, разделенные по дизайну исследования, научной области и общей теме

	Содержание	Английский	%	Французский	%	Арабский	%
Выбор дисциплины или метода	Качественный анализ	143	25.5%	74	24.8%	34	18.1%
	Количественный анализ	72	12.9%	12	4.0%	26	13.8%
	Теоретический анализ	65	11.6%	32	10.7%	12	6.4%
	Социологические подходы	135	24.1%	62	20.8%	34	18.1%
	Политическая наука	100	17.9%	80	26.8%	45	23.9%
	Социологические подходы	35	6.3%	32	10.7%	12	6.4%
	История	10	1.9%	6	2.0%	25	13.3%
Тема	Насильственные нападения	137	24.5%	73	24.5%	33	17.6%
	Терроризм	125	22.3%	44	14.8%	54	28.7%
	Кибертерроризм ¹	117	20.9%	42	14.1%	16	8.5%
	Социальные сети	87	15.5%	11	3.7%	21	11.2%

	Конспирологическая теория	55	9.8%	12	4.0%	26	13.8%
	Радикализация	22	3.9%	54	18.1%	8	4.3%
	Ислам	11	2.0%	56	18.8%	24	12.8%
	Пол²	6	1.1%	6	2.0%	6	3.2%
	Отобранные события	560		298		188	
Количество	Количество соответствующих документов³	260		196		96	

- 1 В исследовании кибертерроризм понимается как использование Интернета для организации насильственных действий, которые приводят к гибели людей или значительным телесным повреждениям или угроз, с тем чтобы добиться политических выгод путем запугивания.
- 2 Методы насильственной радикализации, по-видимому, различаются в зависимости от пола. Поэтому мы искали исследование, в котором представлены характеристики таких отличий в зависимости от пола.
- 3 Научные статьи, найденные с использованием критериев «социальные медиа» и «радикализация», имеют серьезную методологическую основу.

Чтобы идентифицировать содержание изучаемых документов, мы проиндексировали каждую работу в соответствующей области. Мы усовершенствовали этот подход путем индексации ключевых слов, используемых либо в заголовке, либо в аннотации для каждого из трех языков.

Рисунки с 3 по 5 ниже показывают, что политология и социология являются наиболее распространенными источниками литературы по социальным сетям и радикализации. Социологические исследования являются более распространенными на английском языке, в то время как результаты исследований на арабском и французском языках в основном основаны на политических науках

Рисунок 3. Количественное распределение дисциплин в ссылках на английском языке

Рисунок 4. Количественное распределение дисциплин в ссылках на французском языке

Рисунок 5. Количественное распределение дисциплин в ссылках на арабском языке

На рисунках 6–8 ниже показано, что общие темы по языкам распределялись примерно одинаково с явным преобладанием тем, связанных с терроризмом и насильственными или драматическими последствиями (46% на английском языке, 39% на французском языке, 43% на арабском языке).

Рисунок 6. Количественное распределение тем в ссылках на английском языке

Рисунок 7. Количественное распределение тем в ссылках на французском языке

Рисунок 8. Количественное распределение тем в ссылках на арабском языке

Агрегации второго уровня показывают некоторые различия между языками. Например, в английской и арабской литературе больше внимания уделяется социальным сетям и терроризму, а также влиянию террористической политики в социальных сетях (16% на английском языке, 4% на французском языке, 21% на арабском языке) по сравнению с французской литературой (47% на английском языке, 22% на французском языке, 43% на арабском языке). Проблема кибертерроризма и методов борьбы с террористической коммуникацией (цензура, анализ обсуждений, контр-обсуждения) одинаково изучается в публикациях на всех трех языках (21% на английском языке, 14% на французском языке, 15% на арабском языке). Очень немногие выявленные французские и арабские исследования фокусируются на процессах идеологической обработки и радикализации (4% на английском языке, 18% на французском языке, 5% на арабском языке) или на таких темах, как ислам, исламизм, салафизм (2% на английском языке, 19% на французском языке, 9% на арабском языке). Мы видим, что во франкоязычных журналах больше внимания уделяется изучению религиозной радикализации, и они воспринимают радикализацию как процедуру ментального контроля над молодыми людьми. Вопрос о гендерной принадлежности изучается на всех трех языках (1% на английском языке, 2% на французском языке, 1% на арабском языке).

1.3. Сопоставление

Рисунки 9 и 10 показывают, что английский является доминирующим языком публикаций: более 50% литературы о радикализации и 51% публикаций о радикализации и социальных сетях (18% на французском языке и 10% на немецком языке). Мы отмечаем, что Россия публикует 10% исследований в области терроризма, но только 2% на тему радикализации и социальных сетей. Преобладание публикаций на английском языке также связано с тем, что среди других стран, португалоязычные и азиатские страны, публикуют работы преимущественно на английском языке.

Рисунок 9. Карта публикаций по языкам (темы: радикализация и терроризм)

Рисунок 10. Карта публикаций по языкам (темы: радикализация и социальные сети)

По результатам сопоставления доступной литературы можно сделать следующие выводы:

- ➔ Количественные исследования все еще редки (17,3% на английском языке, 6,1% на французском языке, 13,8% на арабском языке).

- ➔ Большая часть эмпирических исследований основана на качественных исследованиях, которые в большинстве случаев представляют собой анализ случаев или интервью с радикализованными лицами (38,5% на английском языке, 33,2% на французском языке, 18,1% на арабском языке).

- ➔ Исторические подходы встречаются очень редко (1,9% на английском языке, 3,1% на французском языке, 13,3% на арабском языке). Мы отмечаем важную роль таких исследований в арабском мире и в ведущих университетах по изучению терроризма.

- ➔ Исследования психологических подходов (13,5% на английском языке, 16,3% на французском языке, 6,4% на арабском языке) сосредоточены на воздействии терроризма на жертвы, психологическом воздействии вербовки на теории заговора и практики дерадикализации или гражданской интеграции людей, выходящих из терроризма.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

СОПОСТАВЛЕНИЕ АВТОРОВ И ЛИТЕРАТУРЫ ПО РАДИКАЛИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫМ МЕДИА

2.1 Сопоставление исследователей

Мы определяли страну работы исследователей на основе их принадлежности к университету или исследовательскому центру. В нашей базе 679 авторов. Их распределение по географическим регионам показано на рисунке 11 и в таблице 3:

Рисунок 11. Сопоставление по континентам

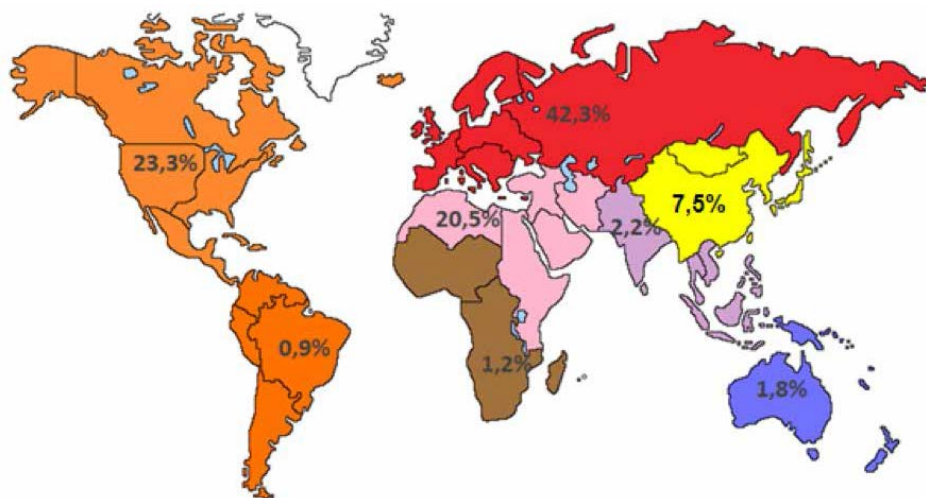

Таблица 3 Географический регион исследователя

Северная Америка	158
Центральная и Латинская Америка	6
Азия	69
Европа	287
Арабский мир	139
Африка	8
Австралия	12
	779

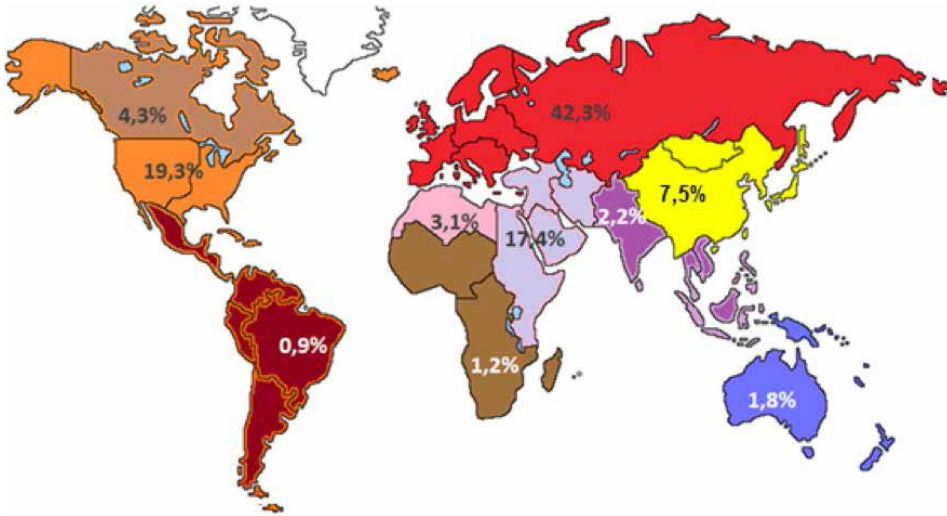
Таблица 4 ниже показывает, что больше всего центров исследований в Европе расположены во Франции и Великобритании.

Таблица 4 Европейские страны

Европейские страны	
Германия	14
Бельгия	12
Дания	1
Франция	112
Ирландия	8
Италия	14
Норвегия	5
Нидерланды	5
Польша	6
Португалия	3
Румыния	2
Великобритания	80
Россия	4
Испания	4
Швеция	4
Швейцария	10

Распределение как в Северной, так и в Южной Европе выглядит одинаково (151 и 135), а наибольшее число авторов (179) связано с организациями, расположенными в средиземноморских странах Европы.

Рисунок 12. Сопоставление по географическим регионам

Северную Африку и Ближний Восток представляют 20,5% авторов работ по радикализации. Можно отметить, что авторы, связанные с учреждениями в арабском мире, публикуются в основном на английском или французском, а не на арабском языке.

2.2 Исследовательские центры и организации

Наш обзор включал многочисленные аналитические и научно-исследовательские центры и организации, публикации, посвященные радикализации и социальным сетям, которых были найдены в ходе поиска для целей данного обзора. Этот список не является исчерпывающим, но позволяет читателю визуально представить местонахождение многих из центров, университетов и учреждений, действующих в этой области. Полный список 364 центров можно найти в Приложении 3.

Таблица 5 Распределение центров по регионам

	Количество	%
Северная Америка	128	35,2
Латинская Америка	4	1,1
Азия	35	9,6
Европа	150	41,2
Арабский мир	36	9,9
Африка	3	0,8
Австралия	8	2,2
Total	364	

Из 364 исследовательских центров, в которых проводились консультации, 41,2% находятся в Европе, за которой следует Северная Америка (США - 28,3% и Канада - 6,9%). Арабский мир следует на третьей позиции с 9,9% исследовательских

структур. Таблица 6 показывает, что в настоящее время центры изучения радикализации и терроризма и социальных сетей имеются в более 42 странах мира.

Таблица 6 Исследовательские центры по странам

Страна	Количество	%
США	103	28,3
Франция	54	14,8
Великобритания	48	13,2
Канада	25	6,9
Китай	18	4,9
Германия	9	2,5
Австралия	8	2,2
Индия	7	1,9
Израиль	7	1,9
Италия	7	1,9
Бельгия	5	1,4
Ирландия	5	1,4
Алжир	4	1,1
Египет	4	1,1
Норвегия	4	1,1
Тунис	4	1,1
Объединенные Арабские Эмираты	4	1,1
Иордания	3	0,8
Нидерланды	3	0,8
Польша	3	0,8
Испания	3	0,8
Катар	3	0,8
Сингапур	3	0,8
Швеция	3	0,8
Швейцария	3	0,8
Турция	3	0,8
Бразилия	2	0,5
Ливан	2	0,5
Южная Африка	2	0,5
Пакистан	2	0,5
Португалия	2	0,5
Австрия	1	0,3
Чили	1	0,3
Колумбия	1	0,3
Дания	1	0,3
Ирак	1	0,3
Иран	1	0,3
Япония	1	0,3
Малайзия	1	0,3
Мексика	1	0,3
Нигерия	1	0,3
Шри Ланка	1	0,3
Итого	364	

ПРИЛОЖЕНИЕ 3.

ЦЕНТРЫ ИЛИ УЧРЕЖДЕНИЯ, ИССЛЕДОВАННЫЕ В ЭТОМ ИССЛЕДОВАНИИ: РАЗБИВКА ПО СТРАНАМ

Алжир	Африканский центр изучения и исследований терроризма, ACRST
	Национальная школа управления, Алжир
	Университет Оран
Австралия	Институт Альфреда Дикина
	ARC Центр передового опыта в области охраны правопорядка и безопасности
	Центр исследований международной безопасности, Университет Сиднея
	MIT Media Lab/Data61 - запросы в CSIRO
	Университет Аделаиды
	Университет Южной Австралии
	Университет Мельбурна
	Университет Даэкин
Университет Квинсленда	
Австрия	Университет Граца
	Австрийский институт международных отношений
Бельгия	Кафедра уголовного права и криминологии, Гентский университет
	ESISC (Европейский центр стратегической разведки и безопасности)
	Факультет экономики, социальных и политических наук Католического университета Лувена
	Политология и международные отношения Свободного университета Брюсселя
Университет Льежа	
Бразилия	Федеральный университет Пернамбуку
	Университет Сан-Паулу
Канада	Канадское правительство
	Центр по предотвращению радикализации, ведущей к насилию
	Центр военных, безопасности и стратегических исследований, Калгари
	Межвузовский исследовательский центр связи, информации и общества
	Департамент политических наук, Университет Виндзора
	Факультет криминологии, юстиции и политических исследований, Университет Онтарио
	Международный центр по предупреждению преступности
	Межвузовский исследовательский центр по международным отношениям Канады и Квебека
	Международный центр сравнительной криминологии (CICC) Университета Монреаля
	Международный институт исследований по радикализации и безопасности / Мозговой центр Лаваль
	Национальный институт научных исследований-INRS / Центр урбанизации культуры общества
	PLURIRADICAL, Университет Монреаля
	Королевский университет, Кингстон, Онтария
	Рауль Дандуранд, кафедра стратегических и дипломатических исследований, UQAM
	Школа криминологии, Университет Монреаля
SERENE-RISC, Университет Монреаля	
SHERPA-RAPS / CIUSSS-Центр запада острова Монреаль	

	Школа вычислительной техники, Университет Саймона Фрейзера UQAM, факультет гуманитарных наук, кафедра социологии UQAM, международные отношения Университет Лаваль, кафедра политологии Университет Калгари Университет Торонто 45thNorth.ca/ Независимый информационный сайт
Чили	Институт гуманитарных исследований Хуан Игнасио Молина, Университет Тальки
Китай	Академия уголовного права, Пекинский педагогический университет CASS - Институт мировых религий CASS - Национальный институт международной стратегии CASS - Институт стран Западной Азии и Африки Китайский университет политических наук и права Мусульмане Китая Китайская академия общественных наук (CASS) - Научные центры России, Восточной Европы и Центральной Азии Колледж марксизма, Университет Синьцзян / Объединенный университет Хэйбэй Институт южноазиатских исследований (ISAS), Университет Сычуань, Китай Институт изучения Ближнего Востока, Шанхайский университет международных исследований Юридический институт, Академия общественных наук Тяньцзиня Университет Ланьчжоу - Институт исследований Центральной Азии Университет общественной безопасности Китая Институт общественных наук Пу Ши Народный университет общественной безопасности Китая Пекинский университет - Институт международных отношений Университет Жэньминь, Китайская школа права Педагогический университет Шэньси Школа международных отношений Сэма Нанна Шанхайский университет международных исследований - Институт изучения Ближнего Востока Школа государственного управления, Университет Чжэнчжоу Школа международных отношений и связей с общественностью, Университет Фудань Университет Чжэцзян Университет Сунь Ятсена Университет политических наук и права Восточного Китая Университет Ланьчжоу Университет Цзилинь Юньнаньский полицейский колледж Университет Янь Шань Университет Ухань - Школа права Синьцзянская академия общественных наук - Институт религиоведения Синьцзянский педагогический университет Университет Синьцзян
Колумбия	Военный университет Новой Гранады
Дания	Лаборатория по борьбе с терроризмом, Университет Южной Дании, Оденсе
Египет	Арабский центр исследований, Каир Центр наблюдения за исламизацией Аль Азар, Центр по контролю экстремизма Института по фетвам, Дар аль-Ифта, Каир Равабет Центр - научно-исследовательский центр
Европа	Группа экспертов Европейской комиссии по насильственной радикализации
Франция	Альянс Афина Экспертизы, Бузар СИЕМ/ ЕСССР/ Европейская ассоциация исследований и образования в области коммуникации Кафедра современной истории арабского мира, College de France Центр изучения социальных движений Школы повышения квалификации по общественным наукам Центр Международных Исследований и Исследований, Наука, По Центр исследований безопасности в Ифри Центр междисциплинарных исследований религиозных фактов (CEIFR)

	(EHESS)
	Центр исследований терроризма
	Центр изучения Индии и Южной Азии (CEIAS) EHESS
	Центр политических исследований Сорбонны
	CREM, Университет Поля Верлена-Метца
	CEVIPOLE - Министерство внутренних дел
	CEIS Strategic Intelligence - аналитический центр
	Руководящий комитет Совета Европы по правам человека
	Центр междисциплинарных исследований религиозных фактов (Национальный центр научных исследований, Париж)
	Группа социологии религий и атеизма (GSRL) в Париже
	GREMMO Лион
	GERRICO
	Юридический факультет Гренобля
	Французский еврейский союз за мир - мозговой центр
	Французский институт Ближнего Востока
	Французский институт геополитики (VIII Парижский университет)
	Французский институт геополитики, VIII Парижский университет, кафедра электронной стратегии, Касте
	Французский институт международных отношений
	Французский институт Ближнего Востока (IFPO) в Аммане
	Междисциплинарная лаборатория культур и обществ, Ницца
	Международная обсерватория геополитики
	Институт междисциплинарных исследований в области социальных наук (IRISSO, UMR CNRS 7170)
	Институт исламских исследований и обществ мусульманского мира
	Институт исследований развития (IRD)
	Судебная защита молодежи (Министерство юстиции)
	Медиапарт
	Национальный институт перспективных исследований в области безопасности и юстиции
	Национальный институт восточных языков и цивилизаций
	Национальный институт высших исследований безопасности и юстиции
	Национальное собрание
	Национальный институт восточных языков и цивилизаций
	Политологический институт политических исследований Страсбурга
	Центр наблюдения за радикализацией (FMSH-EHESS)
	Фонд Res Publica - научно-исследовательский центр
	Научно-исследовательский институт современной Юго-Восточной Азии
	Университет Париж III Новая Сорбонна
	Институт политических наук, г. Лион
	Инженерная школа Telecom SudParis
	Университет Париж VII им. Дидро
	Университет Версаль-Сен-Кантен-ан-Ивелин, CESDIP
	Университет Париж VIII
	Университет Париж I Пантеон-Сорбонна
	Университет Париж IV Сорбонна
	Университет Ниццы София-Антиполис
	Амьенский университет
	Университет Париж-Декарт
	Университет Сержи-Понтуаз
	Университет Гренобль II
	Университет Тулуза - Жан Жорес
Германия	Центр технологий и общества Технического университета Берлинского университета Мюнхена
	Агентство Дата Тревел - научно-исследовательский центр
	Кафедра международной политики Университета Вооруженных Сил Германии в Мюнхене
	Федеральный суд Германии
	Институт Медиа и Коммуникационных Наук, Университет Ильменау
	Лейбницкий институт медиа знаний
	Научно-исследовательский форум по общественной безопасности, Свободный университет Берлина

Индия	Фонд Александра фон Гумбольдта
	Кафедра информатики, Национальный технологический институт Маулана Азад, Бхопал
	Факультет инженерных систем управления, Инженерно-технологический Колледж Маффхаам Джа, Банжара Хилл, Хайдарабад
	Факультет информационных и коммуникационных технологий, Манипал университет, Манипал
	Институт изучения мира и конфликтов (МПХБ)
	Индрапрастха институт информационных технологий, Дели
	Софи Бионаука
	Исследовательский комитет по экономике и политике Индийского социологического общества
Индонезия	Государственный Исламский Университет Сяриф Хидаятулла
Ирак	Центр стратегических исследований Аль-Нахрейн
Ирландия	Центр сенсорных веб-технологий и Школа права и правительства
	Дублинский городской университет
	Институт международных и европейских отношений, Дублин / Мегазим
	Международная Ирландская школа права и правительства, Дублинский городской университет
	Уотерфордский технологический институт
Израиль	Университет Бар-Илан
	Факультет связи в университете Хайфы
	Международный институт по борьбе с терроризмом
	Еврейский институт по делам национальной безопасности
	Информационная школа при Университете Вашингтона и Междисциплинарный центр Герцлия
	Тель-Авивский университет.
	Университет Хайфы
Италия	Факультет по возникающим преступлениям, ЮНИКРИ
	Факультет политики и истории Болонского университета
	Философский факультет Туринского университета
	Факультет психологии, Университет Бари
	Университет Падуи
	Университет Турина
	Европейский университетский институт Флоренции
Япония	Фонд Макартуров
	Институт изучения японских исламских отношений в Китакоюсю
	Университет Васэда - Школа международных гуманитарных наук
Иордания	Центр по предотвращению радикализации: Де Вер Наар
	Фридрих Эберт Стифтунг
Ливан	Центр Карнеги на Ближнем Востоке
	Центр цивилизации для развития исламской мысли
Малайзия	Сообщество Smart Digital Research Alliance UTM
	Институт стратегических и международных исследований
Мексика	Университет Гвадалахара
Нидерланды	Центр Терроризма и Контртерроризма, Лейденский Университет
	Свободный университет Амстердама
	Ризбо, Роттердам
Нигерия	Географический факультет, Университет Ибадана, Ибадан
Норвегия	Норвежский центр детских исследований
	Норвежское оборонное научно-исследовательское учреждение
	Оборона Норвегии
	Школа Религии, Образования и Межкультурных Исследований NLA в Бергене
	Центр по изучению терроризма - Норвежское оборонное научно-исследовательское учреждение (FFI)
Пакистан	Университет Пенджаба, Лахор
	Азиатский центр в Институте мира США
Филиппины	Университет Атенео де Давао - Институт исламской идентичности и диалога в Юго-Восточной Азии
Португалия	Университет Лиссабона
	Гуманитарно-технологический Университет, Лиссабон
Катар	Центр исследований Аль-Джазира
	Форум арабских и международных отношений
	Форум арабских и международных отношений

Сингапур	Центр передового опыта национальной безопасности / Технологический университет Наньян
	Международный центр исследований политического насилия и терроризма
	Конференция по технологиям для национальной безопасности IEЕЕ
Южная Африка	Факультет информатики Университета Южной Африки
	Совет по научным и промышленным исследованиям
Испания	Кафедра арабских и исламских исследований Автономного университета Мадрида
	Факультет психологии, Университет Гранады
	Международная школа связи, IE университет
	Университет Наварры
Шри Ланка	Школа международных исследований им. С. Раджаратнама
Швеция	Стокгольмский университет
	Университет Карлстада, Карлстад, Швеция
	Шведское агентство оборонных исследований (FOI), Стокгольм, Швеция
Швейцария	Женевский университет
	Швейцарская академия технических наук (SATW)
	Аспирантура Института международных исследований и развития
Тунис	Научно-исследовательский институт современного Магриба
	Национальный центр исследований и общественного мнения
	Тунисский центр стратегических исследований
Турция	Гражданская оборона Турецкой Республики Северного Кипра
	Центр передового опыта защиты от терроризма - НАТО
Великобритания	Центр исследований и доказательств угроз безопасности Центр политических исследований
	Центр международного образования и исследований - Университет Бирмингема
	Центр изучения Персидского залива в Университете Эксетера
	Центр стратегических и дипломатических исследований
	Центр исследований в области уголовного правосудия
	Проект КОПИНЕ, Университет Эдинбурга
	Университет Крэнфилда
	Научно-исследовательский институт киберпреступности
	Исследования в области преступности и безопасности, Университет Восточной Англии
	Факультет СМИ и коммуникаций - Лондонская школа экономики
	Исторические факультеты в Роял Холлоуэй, Лондонский университет
	Эдинбургский университет Нейпир
	Центр изучения терроризма и политического насилия в Ханде
	Институт стратегического диалога
	Институт арабских и исламских исследований
	Программа международной безопасности, Готэм Хаус
	Международный центр по изучению радикализации при Королевском колледже Лондона
	Международный центр изучения радикализации, Королевский колледж Лондон
	Институт ближневосточных исследований
	Международный институт стратегических исследований (IIS)
	Королевский колледж лондонского института легатов, Ланкастерский университет, PRP
	Плимутский университет - Школа права, криминологии и правительства
	Лондонский университет королевы Марии
	Мусульманский Совет Британии
	Национальный центр по анализу насильственных преступлений
	Университет Ньюкасла, факультет политики
	Школа бизнеса и менеджмента
	Университет Шеффилда Халлама / Университет Ноттингема Трента
	Информационная сеть радикализации (RAN)
	Колледж Святого Антония, Оксфордский университет, Фонд Тони Блэра Фэйта
	Университетский колледж Лондона
	Университет Роберта Гордона, (Великобритания) Факультет прикладных социальных исследований
	Университет Глазго
	Университет Сент-Эндрюс
	Лондонский университет
	Фонд Квиллиам

	Программа по борьбе с насилием и экстремизмом, Демос Всемирная ассоциация культурной психиатрии / Консультационная служба по культуре при колледже Куин Мэли, Лондонского университета	
Объединенные Арабские Эмираты	Университет короля Сауда, Эр-Рияд Центр исследований и исследований Аль Месбар Центр перспективных исследований и исследований будущего Хедая и Международный центр по борьбе с терроризмом	
	США	Центр стратегических исследований Африки (ACSS) Международный Университет Альянс Американская академия политических и социальных наук - научно-исследовательский центр Американский военный университет, Западная Вирджиния Американское общество криминологии - научно-исследовательский центр Школа связи Анненберга, Университет Пенсильвании Университет штата Аризона Лаборатория искусственного интеллекта, Университет Аризоны, Тусон Ассоциация интернет-исследователей - научно-исследовательский центр Университет Блумсбурга, Пенсильвания Государственный Университет Боулинг Грин Калифорнийский государственный университет, Сан-Бернардино Калифорнийский государственный университет, Станислав Университет Карнеги Меллон Центр международной стратегии, Школа международных отношений Сэма Нанна Центр изучения ненависти и экстремизма, Калифорнийский государственный университет, Сан-Бернардино Колледж информатики и технологии, Университет Дрексел, Филадельфия Центр по борьбе с терроризмом, Вестпойнт Совет по международным отношениям - научно-исследовательский центр Колледж Дэвидсона, Кэролайн дю Норд Факультет политических наук, Университет Шиппенсбурга Факультет Библиотекосведения, Университет Clarion Факультет систем управления и связи, Университет Аризоны Факультет информационных систем управления, Университет Аризоны Факультет психологии, Университет штата Алабама Факультет социологии Южного университета Илинойса Дики Центр международного взаимопонимания - Дартмутский колледж Школа Дугласа Уайлдера по правительству и связям с общественностью - Университет Ричмонда Институт экономической преступности и кибербезопасности Ютиксского колледжа Международный центр журналистики и новых СМИ Эстлоу при Университете Денвера Институт внешней политики - научно-исследовательский центр Университет Джорджа Вашингтона Джорджтаунский университет Джорджтаунский университет Институт Гувера, Стэнфордский университет Комитет по национальной безопасности Палаты представителей - Палата представителей США Колледж Хантер Индианский университет Пенсильвании Международное общество политической психологии - научно-исследовательский центр Кеньон-колледж, факультет социологии Ближневосточный форум - научно-исследовательский центр Институт Ближнего Востока в Вашингтоне, округ Колумбия Университет штата Монтана Национальный разведывательный совет (GERP) - Правительство США Военно-морская аспирантура Нью-Йоркский университет – Школа профессиональной подготовки Никсон Центр - научно-исследовательский центр Северный центральный университет Северо-западный университет, Эванстон

Управление военно-морских исследований правительства США
Университет штата Огайо
Университет штата Пенсильвания
Юридическая школа Пеппердинского университета / Журнал международного права
Ассоциация по проведению политических исследований (PRA) - научно-исследовательский центр
Колледж искусств и наук Прескотта
Корпорация РАНД - научно-исследовательский центр
Университет Рузвельта
Корпорация автоматизации индустрии ценных бумаг – головной офис
Санфордская школа государственной политики
Центр Симона Визенталя - научно-исследовательский центр
Общество научного изучения религии
Университет Южного Иллинойса
Университет Южного Иллинойса, Карбондейл
Стэнфордская лаборатория искусственного интеллекта
Стэнфордский Университет
Отделение по обобщению тактической информации, исследовательской лаборатории армии США Лаборатория, Абердинский испытательный полигон, Мэриленд
Техасский технический университет Лаббок, Техас
Американское общество криминологии
Международный центр по изучению насильственного экстремизма (ICSVE) - научно-исследовательский центр
Техасский университет в Эль-Пасо
Вашингтонский институт
Научно-исследовательский центр стратегий мышления
Национальный разведывательный совет- научно-исследовательский центр
Военно-морской колледж США, Центр изучения киберконфликтов (C3S)
Университет Арканзаса
Калифорнийский университет Гастингса, юридический колледж
Университет Клейтона
Университет Денвера и Школа Теологии Илиффа
Университет Флориды
Университет штата Мэриленд, округ Балтимор, Балтимор, Мэриленд
Университет Мэриленда Юридическая школа Фрэнсиса Кинга Кэри
Университет Массачусетса Лоуэлл, Центр исследований терроризма и безопасности
Мичиганский университет и Колледж уголовного правосудия имени Джона Джея
Университет Миссури
Университет Небраски - Линкольн
Университет Северной Дакоты Гранд Форкс, Северная Дакота
Университет Оклахомы
Пенсильванский университет
Университет Южной Флориды
Техасский университет
Техасский университет в Остине
Университет Висконсина - Мэдисон
Министерство национальной безопасности США
Центр общественной демократии USC - научно-исследовательский центр
Университет Уолден
Вашингтонский институт ближневосточной политики - аналитический центр
Уотерфордский технологический институт
Университет Западного Вашингтона

ПРИЛОЖЕНИЕ 4.

КВЕБЕКСКИЙ ПРИЗЫВ К ДЕЙСТВИЯМ

«Квебекский призыв к действиям»²⁶ был опубликован в конце конференции «Квебек-ЮНЕСКО» под названием «Интернет и радикализация молодежи: предотвращение, действия и жизнь вместе». Этот важный документ был составлен на основе обсуждений 500 участников Конференции из более чем 70 стран и настоятельно призывает граждан и международное сообщество принять меры для борьбы с радикализацией и ее предотвращения.

Будучи обеспокоены проявлениями нетерпимости и насильственного экстремизма, угрожающими усилиям, предпринимаемым в национальном и международном масштабе в интересах мира, безопасности, защиты и поощрения прав человека, верховенства права и устойчивого развития;

Учитывать, что радикализация, ведущая к насилию, является развивающимся, многогранным глобальным явлением, которое не связано ни с одной религией, идеологией или людьми;

Подчеркивать, что предотвращение радикализации, ведущей к насилию, является общей обязанностью в отношении принципов и ценностей, закрепленных в многочисленных международных документах по правам человека.

Отвечать на призыв Генерального секретаря Организации Объединенных Наций и его План действий по предупреждению насильственного экстремизма и демонстрировать приверженность его осуществлению;

Постоянно подтверждать важность многопланового подхода к анализу и предотвращению коренных причин радикализации, ведущей к насилию;

Заниматься вопросами распространения насильственных экстремистских идей с использованием новых средств связи, которые используются в целях экстремистской пропаганды, вербовки радикальными группами и подстрекательства к совершению насильственных действий, мотивированных ненавистью и нетерпимостью;

Подчеркивать, что новые технологии также являются инструментом предотвращения радикализации, ведущей к насилию, особенно благодаря возможности предложить в Интернете контрнаступление для поощрения образования граждан и критического мышления в поддержку прав человека, диалога, взаимопонимания и терпимости;

Постоянно подтверждать актуальность работы по полному достижению целей в

²⁶ Согласовано с международной конференцией «Интернет и радикализация молодежи: предотвращение, действия и жизнь вместе, Декабрь 2016 года, организованный Квебеком и ЮНЕСКО/ИФАП <https://www.agora-inscription.ca/UNESCO-QUEBEC/en/qThcall>

области устойчивого развития, принятых под эгидой Организации Объединенных Наций в рамках Повестки дня на период до 2030 года.

Призывать международное сообщество сотрудничать и наращивать усилия по предотвращению радикализации молодежи и борьбе с насильственным экстремизмом во всех его формах;

Призвать все правительства принять меры по предотвращению радикализации, ведущей к насилию, и разработать национальную политику или планы действий, предназначенные для выполнения этой цели;

Рекомендовать подвергнуть сомнению те призывы и идеи, на которых основаны экстремистские группы, путем разработки последовательных контрнаступлений и инклюзивного образования в области информационных и коммуникационных технологий, в котором особое внимание уделяется развитию критического мышления, терпимости и уважения прав человека;

Призывать все заинтересованные стороны содействовать доступу и использованию Интернета и новых коммуникационных и информационных технологий в качестве инструментов и платформ, которые помогают предотвратить радикализацию и насильственный экстремизм, осудить насилие и разжигание ненависти, а также содействовать интеграции, равенству и межкультурному диалогу;

Предлагать правительствам привлекать молодежь и давать ей возможность руководить новыми цифровыми проектами в интересах мира, терпимости и взаимопонимания и распространять информацию повсюду.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5.

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗБРАННЫХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- Adams, J., & Roscigno, V-J. (2005). White Supremacists, Oppositional Culture and the World Wide Web. *Social Forces*, 84(2), 759-778.
- Adams, Josh, & Roscigno, Vincent. (2004/08/14/2004 Annual Meeting, San Francisco). White Supremacists, Oppositional Culture, and the World Wide Web.
- Agarwal, S., & Sureka, A. (2015). Topic-Specific YouTube Crawling to Detect Online Radicalization Databases in Networked Information Systems, *Lecture notes in computer sciences*, 8999, pp. 133-151.
- Agarwal, S., & Sureka, A. (2015). Using KNN and SVM Based One-Class Classifier for Detecting Online Radicalization on Twitter Distributed Computing and Internet Technology, *Lecture notes in computer sciences*, 8956, pp. 431-442.
- Aistrop, T. (2016). Social media and counterterrorism strategy. *Australian Journal of International Affairs*, 70(2), 121-138.
- Akinwumi, A- E. (2006). The Banality of the ImMEDIate Spectacle: Globalization, Terrorism, Radical Cultural Denigration, and the Condition of Hollowity, *International journal of Baurbrillard Studies*, 3: Bishop's University.
- Alarid, M. (2016). Recruitment and Radicalization: The Role of Social Media and New Technology. *Center for Complex Operations*, Washington, USA.
- Alghamdi, H-M., & Selamat, A. (2012, November). Topic Detections in Arabic Dark Websites Using Improved Vector Space Model. 4th Conference on Data Mining and Optimization (Dmo), Langkawi, Malaysia.
- Ali, M-M., Mohammed, K- M., & Rajamani, L. (2014). Framework for Surveillance of Instant Messages in Instant messengers and Social networking sites using Data Mining and Ontology, *Ieee Students' Technology Symposium*, pp. 297-302.
- Al-Rawi, Ahmed. (2016). Digital Media Literacy and its Role in Countering Division and Enhancing National Identity in the Arab World, *Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 291-297.
- Al-Rowaily, K., Abulaish, M., Haldar, N. Al-H., & Al-Rubaian, M. (2015). BiSAL – A bilingual sentiment analysis lexicon to analyze Dark Web forums for cyber security. *Digital Investigation*, 14, 53-62.
- Amble, John Curtis. (2012). Combating terrorism in the new media environment. *Studies in Conflict & Terrorism*, 35(5), 339-353.

- Ammerman, F. W. (2012). A Case Study Exploration of Islamic Radicalization in America: Interpretations for Corporate Risk Management. (3519947 Ph.D.), Northcentral University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1030973387?accountid=10246>
- Andre, V. (2012). Patani Militant Propaganda Dissemination and Radicalization. *Asian Security*, 8(1), 27-53. doi: 10.1080/14799855.2012.669207
- Andre, Virginie. (2014). The Janus Face of New Media Propaganda: The Case of Patani Neojihadist YouTube Warfare and Its Islamophobic Effect on Cyber-Actors. *Islam & Christian-Muslim Relations*, 25(3), 335-356.
- Argomaniz, Javier. (2015). European Union responses to terrorist use of the Internet. *Cooperation & Conflict*, 50(2), 250-268.
- Atran, Scott, & Sageman, Marc. Connecting the dots. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 62(4), 68-68.
- Awan, Akin N. (2007). Virtual jihadist media. *European Journal of Cultural Studies*, 10(3), 389-408.
- Baines, Paul R., O'Shaughnessy, Nicholas J., Moloney, Kevin, Richards, Barry, Butler, Sara, & Gill, Mark. (2010). The darkside of political marketing Islamist propaganda, Reversal Theory and British Muslims. *European Journal of Marketing*, 44(3-4), 478-495.
- Baker, Vicky. (2015). Social disturbance: From digital jihadis to hoaxes and propaganda, a look at how user-generated content lost its innocence. *Index on Censorship*, 44(1), 143-145.
- Bardos, Gordon N. (2014). Jihad in the Balkans. *World Affairs*, 177(3), 73-79.
- Barnett, Brett Aaron. (2005). Untangling the web of hate: Are online "Hate Sites" deserving of First Amendment protection? (3193670 Ph.D.), Bowling Green State University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/305028910?accountid=10246>
- Barzilai-Nahon, Karine, & Barzilai, Gad. (2005). Cultured Technology: The Internet and Religious Fundamentalism. *Information Society*, 21(1), 25-40.
- Bates, Rodger, & Mooney, Mara. (2014). Distance Learning and Jihad: The Dark Side of the Force. *Online Journal of Distance Learning Administration*, 17(3).
- Benson, David C. (2014). Why the Internet Is Not Increasing Terrorism. *Security Studies*, 23(2), 293-328.
- Bermingham, Adam, Conway, Maura, McNerney, Lisa, O'Hare, Neil, & Smeaton, Alan F. (2009). Combining Social Network Analysis and Sentiment Analysis to Explore the Potential for Online Radicalization 2009 International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (pp. 231-236).
- Bhui, Kamaldeep, & Ibrahim, Yasmin. (2013). Marketing the 'radical': Symbolic communication and persuasive technologies in jihadist websites. *Transcultural Psychiatry*, 50(2), 216-234.
- Biddle, S. (2015, March 13). Reddit Is So Racist White Supremacists Are Using it to Recruit. Retrieved May 18, 2015, from <http://gawker.com/reddit-is-so-racist-white-supremacists-are-using-it-to-1691162974>
- Bloom, Richard W. (2016). A bull market but whose bull is being gored? *PsycCRITIQUES*, 61(15).

- Blumenfeld, Teri. (2012). Are Jihadists Crazy? *Middle East Quarterly*, 19(2), 3-13.
- Bogomolov, T., & Chiera, B. (2013). A first approach to resolving ambiguity in hidden terrorist group detection in communications networks. 20th International Congress on Modelling and Simulation (Modsim2013), 120-126.
- Boruch, R al. (2004). The Campbell Collaboration. *Brief Treatment and Crisis Intervention* Vol. 4 No. 3
- Bosco, Francesca. (2013). Terrorist Use of the Internet Capacity Building in the Fight against Terrorism (Vol. 112, pp. 39-46).
- Bowman-Grieve, Lorraine. (2009). Exploring „Stormfront“: A Virtual Community of the Radical Right. *Studies in Conflict & Terrorism*, 32(11), 989-1007.
- Bräuchler, Birgit. (2004). Islamic Radicalism Online: The Moluccan Mission of the Laskar Jihad in Cyberspace. *Australian Journal of Anthropology*, 15(3), 267-285.
- Bräuchler, Birgit. (2004). Islamic radicalism online: The Moluccan mission of the Laskar Jihad in cyberspace (English). *The Australian journal of anthropology*, 15(3), 267-285.
- Bräuchler, Birgit. (2007). Religious Conflicts in Cyberage. *Citizenship Studies*, 11(4), 329-347
- Brachman, Jarret M. (2006). High-Tech Terror: Al-Qaeda's Use of New Technology. *Fletcher Forum of World Affairs*, 30(2), 149-164.
- Brachman, Jarret M., & Levine, Alix N. (2011). You Too Can Be Awlaki! *Fletcher Forum of World Affairs*, 35(1), 25-46.
- Braddock, Kurt H. (2012). Fighting words: The persuasive effect of online extremist narratives on the radicalization process. (3534650 Ph.D.), The Pennsylvania State University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1275924546?accountid=10246>
- Bradforrs A., Frenett R. (2015). *Becoming Mulan?: Female Western Migrants to DAESH*. Institute for Strategic Dialogue
- Brown, Ian, & Korff, Douwe. (2009). Terrorism and the proportionality of Internet surveillance. *European Journal of Criminology*, 6(2), 119-134.
- Bruce, Gregor. (2013). Intrinsic and External Factors and Influences on the Motivation of Suicide Attackers. *Journal of Military & Veterans' Health*, 21(3), 27-33.
- Buckingham, D. (2008). Defining Digital Literacy. What do Young People Need to Know About Digital Media? C. Lankshear and M. Knobel (eds). *Digital Literacies: Concepts, Policies, and Practices*. Oxford: Peter Lang, 73-91
- Burstow, Bonnie. (2003). Surviving and Thriving by Becoming More 'Groupuscular': The Case of the Heritage Front. *Patterns of Prejudice*, 37(4), 415-428.
- Caiani, Manuela, & Parenti, Linda. (2011). The Spanish extreme right and the Internet. A extrema-direita espanhola e a internet., 46(201), 719-740.
- Cavin, Susan. (2006). Theory of War Propaganda Technology: From WWII Radio to Video War Games. Paper presented at the Society for the Study of Social Problems. <http://search.proquest.com/docview/61751812?accountid=10246>
- Cappello, M. and Chapman, M. (2016). Mapping of Media Literacy Practices and Actions in EU-28, Strasbourg: European Audiovisual Observatory.

- Cardon, D., & Granjon, F. (2014). *Médiactivistes*. « Individualisation et auto-organisation ». Paris : Presses de Sciences Po 135-177.
- Cebrian, Manuel, Torres, Manuel R., Huerta, Ramon, & Fowler, James H. (2013). Violent extremist group ecologies under stress. *Scientific Reports*, 3.
- Celebi, Erdogan. (2010). Female Separatism: The Role of Women in the PKK/KONGRA-GEL Terrorist Organization Terrorism and the Internet: Threats– Target Groups– Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 105-112).
- Celot, P (2014). *Media Literacy European Policy Recommendations*, EAVI, Brussels
- Chao, En-Chieh. (2015). The-Truth-About-Islam.Com: Ordinary Theories of Racism and Cyber Islamophobia. *Critical Sociology* (Sage Publications, Ltd.), 41(1), 57-75.
- Charvat, J. P. I. A. G. (2009). Cyber Terrorism: A New Dimension in Battlespace The Virtual Battlefield: Perspectives on Cyber Warfare (Vol. 3, pp. 77-87).
- Chen, Hsinchun, Chung, Wingyan, Jialun, Q. I. N., Reid, Edna, Saqeman, Marc, & Weimann, Gabriel. (2008). Uncovering the Dark Web : A Case Study of Jihad on the Web (English). *Journal of the American Society for Information Science and Technology* (Print), 59 (8), 1347-1359.
- Chen, Hsinchun, Thoms, Sven, & Fu, Tianjun. (2008). Cyber extremism in web 2.0: An exploratory study of international Jihadist groups Isi 2008: 2008 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp. 98-103).
- Chen, Hsinchun. (2008). Sentiment and affect analysis of dark web forums: Measuring radicalization on the internet Isi 2008: 2008 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp. 104-109).
- Chiluwa, Innocent, & Ajiboye, Esther. (2014). 'We Are after Ideals': A Critical Analysis of Ideology in the Tweets by Boko Haram. *Global Media Journal : African Edition*, 8(2), 318-346.
- Chiluwa, I. (2015). Radicalist discourse: a study of the stances of Nigeria's Boko Haram and Somalia's Al Shabaab on Twitter. *Journal of Multicultural Discourses*, 10(2), 214-235.
- Cohen, J. (2015). Digital Counterinsurgency. *Foreign Affairs*, 94(6), 52-58.
- Cohen, Jessica, & Blanco, Jose Maria. (2016). Media Information and Literacy to Tackle Social Polarization in Europe, *Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 299-311.
- Conversi, D. (2012). Irresponsible Radicalization: Diasporas, Globalisation and Long-Distance Nationalism in the Digital Age. *Journal of Ethnic & Migration Studies*, 38(9), 1357-1379.
- Conway, M. (2006). Reality bytes: cyber-terrorism and terrorist use of the Internet. (U221922 Ph.D.), Trinity College Dublin (University of Dublin) (Ireland), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/301660701?accountid=10246>
- Conway, Maura, & McInerney, Lisa. (2008). Jihadi Video and Auto-radicalization: Evidence from an Exploratory YouTube Study *Intelligence and Security Informatics, Proceedings* (Vol. 5376, pp. 108-118).
- Conway, Maura. *Terrorism and the Internet: New Media, A New Threat?* *Parliamentary Affairs*, 59(2), 283-298.

- Costa, C., Car V. and Papadimitriou, S. (2017). Good practices and emerging trends in Fraum-Meigs D., Velez, I. and Flores Michel J. (eds). *MIL Public Policies in Europe: A Cross-Country Comparison*. London: Routledge.
- Corman, S. R. (2011). Understanding the Role of Narratives in Extremist Strategic Communications. In: L. Fenstermacher and T. Leventhal (Eds.) *Countering Violent Extremism: Scientific Methods and Strategies*. Wright-Patterson AFB, OH: AF Research Laboratory, pp.36–43.
- Cornish, P., Lindley-French, J., & Yorke, C. (2011) *Strategic Communication and National Strategy: A Chatham House Report*. London: Royal Institute of International Affairs.
- Corb, Abbee. (2015). Online hate and cyber-bigotry: A glance at our radicalized online world. In N. Hall, A. Corb, P. Giannasi, J. G. D. Grieve, N. Hall, A. Corb, P. Giannasi & J. G. D. Grieve (Eds.), *The Routledge international handbook on hate crime*. (pp. 306-317). New York, NY, US: Routledge/Taylor & Francis Group.
- Crabill, Scott L. (2008). Hate on the Internet. *Florida Communication Journal*, 36(2), 1-15.
- Crilley, Kathy. (2001). Information warfare: new battlefields terrorists, propaganda and the Internet (English). *Aslib proceedings: New information perspectives*, 53(7), 250-264.
- Dagnes, Alison D. (2003). White noise: The political uses of Internet technology by right-wing extremist groups. (3110477 Ph.D.), University of Massachusetts Amherst, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/305321662?accountid=10246>
- Daniels, Jessie. (2009). Cloaked websites: Propaganda, cyber-racism and epistemology in the digital era. *New Media & Society*, 11(5), 659-683.
- Dartnell, M. (2005). Communicative practice and transgressive global politics: The d'ua of Sheikh Muhammed Al Mohaisany. *First Monday*, 10(7), 1-1.
- Davies, Lynn. (2014). Interrupting Extremism by Creating Educative Turbulence. *Curriculum Inquiry*, 44(4), 450-468. doi: 10.1111/curi.12061
- Davis, Diane. (2013). 2013: Questioning Digital Activism. *Currents in Electronic Literacy*, 1-1.
- Demchak, Chris. (2006). Security Dilemmas and the Public Face of Covert Organizations: Tracking Terrorists in the Internet. *Conference Papers – International Studies Association*, 1.
- Denning, Dorothy E. (2010). Terror's web: How the Internet is transforming terrorism. In Y. Jewkes, M. Yar, Y. Jewkes & M. Yar (Eds.), *Handbook of Internet crime*. (pp. 194-213). Devon, United Kingdom: Willan Publishing.
- Der Derian, J. (2005). Imaging terror: logos, pathos and ethos. *Third World Quarterly*, 26(1), 23-37.
- Du Preez, Madely. (2009). Hypermedia Seduction for Terrorist Recruiting. *Online Information Review*, 33(1), 208-209.
- Earnhardt, R. (2014). Al-Qaeda's Media Strategy: Internet self-radicalization and counter-radicalization policies, Virginia Commonwealth U.: L. Douglas Wilder School of Government and Public Affairs
- Eiffler, Sven. (2010). Jihadist Propaganda on the Internet: Impact and Challenges for the Security Community Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 71-79).

- Ekman, Mattias. (2015). Online Islamophobia and the politics of fear: Manufacturing the green scare. *Ethnic and Racial Studies*, 38(11), 1986-2002.
- Espeseth, Craig, Gibson, Jessica, Jones, Andy, & Goodman, Seymour. (2013). Terrorist Use of Communication Technology and Social Networks Technological Dimensions of Defence against Terrorism (Vol. 115, pp. 91-105).
- EU kids on line (2014). <http://www.lse.ac.uk/media%40lse/research/EUKidsOnline/EU%20Kids%20Online%20reports.aspx>
- Feilitzen, C. von, & Carlsson, U. (Eds.). (2004). *Promote or protect? Perspectives on media literacy and media regulations*. Göteborg: UNESCO International Clearinghouse on Children, Youth and Media, NORDICOM.
- Feldman, Matthew. (2013). Comparative Lone Wolf Terrorism: Toward a Heuristic Definition. *Democracy & Security*, 9(3), 270-286
- Fernandez, Alberto. (2015). "Contesting the Space" Adversarial Online Engagement as a Tool for Combating Violent Extremism. *Soundings*, 98(4), 488-500.
- Fiddner, Mac. (2008). Medieval Ideology and 21st Century Technology: Al Qaeda, Terrorism and the Internet. *Conference Papers. International Studies Association*, 1-12.
- Fink, N. C. & Barclay, J. (2013). *Mastering the Narrative: Counterterrorism Strategic Communication and the United Nations*. Washington, DC: Center on Global Counterterrorism Cooperation; http://globalcenter.org/wp-content/uploads/2013/03/Feb2013_CT_StratComm.pdf
- Forest, James J. F. (2009). Influence Warfare and Modern Terrorism. *Georgetown Journal of International Affairs*, 10(1), 81-89.
- Fuentes, Kendra M. (2016). Cyberterrorism: The use of social networking to recruit Westerners an informational guide for law enforcement agencies. (10107081 M.S.), Utica College, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1791468583?accountid=10246>
- Frau-Meigs, D. (2011) *Socialisation des jeunes et éducation aux médias. Du bon usage des contenus et comportements à risque*. Toulouse : Erès.
- Frau-Meigs, D. (2017). Media and Information Literacy (MIL): Taking the digital social turn for online freedoms and education 3.0. In H. Tumber & S. Waisbord (eds). *The Routledge Companion to Media and Human Rights*. London: Routledge.
- Frau-Meigs, D. and Hibbard, L. (2016). Education 3.0 and Internet Governance: A new global alliance for children and young people's sustainable digital development. *Global Commission on Internet Governance Series n°27*. London: Chatham House.
- Frau-Meigs, D. & Torrent, J. (Eds.). (2009). *Mapping media education policies in the world: visions, programmes and challenges*. NY: UN-Alliance of Civilizations.
- Frau-Meigs, D., Velez, I. & Flores Michel, J. (eds). (2017). *MIL Public Policies in Europe: A Cross Country Comparison*. London: Routledge.
- Gerbner, G. (1988). Violence and Terror in the Mass Media. *Reports and Papers in Mass Communication*, No. 102. Paris: Unesco, March 1988.
- Gercke, Marco. (2012). Legal Responses to Terrorist Use of the Internet Enhancing Cooperation in Defence against Terrorism (Vol. 99, pp. 19-34).

- Gercke, Marco. (2012). Strategy, Policy, Legislation, Prevention and Enforcement: Components of a Comprehensive Approach in the Fight against Cybercrime and Terrorist Use of the Internet Analyzing Different Dimensions and New Threats in Defence against Terrorism (Vol.104, pp.11-21).
- Gerstenfeld, Phyllis B., Grant, Diana R., & Chau-Pu, Chiang. (2003). Hate Online: A Content Analysis of Extremist Internet Sites. *Analyses of Social Issues & Public Policy*, 3(1), 29-44.
- Giacomello, Giampiero. (2004). Bangs for the Buck: A Cost-Benefit Analysis of Cyberterrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 27(5), 387-408.
- Goolsby, Rebecca. (2008). The DoD encounters the blogosphere Social Computing, Behavioral Modeling and Prediction (pp.25-25).
- Graham, Roderick. (2016). Inter-ideological mingling: White extremist ideology entering the mainstream on Twitter. *Sociological Spectrum*, 36(1), 24-36.
- Grausam, Robert. (2005). The language of Islamic fundamentalism (English). *AAA. Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 30(1-2), 227-241.
- Grieve, L. B. (2006). Terrorist supporters and the internet: an exploration of online 'virtual' communities. (U233172 Ph.D.), University College Cork (Ireland), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/301640885?accountid=10246>
- Grizzle, Alton, & Perez Tornero, Jose Manuel. (2016). Media and Information Literacy Against Online Hate, Radical, and Extremist Content: Some Preliminary Research Findings in Relation to Youth and A Research Design, *Media and Information Literacy: Reinforcing Human Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 179-201.
- Grizzle, Alton, & Torras Calvo, Maria Carme. (2013). Media and Information Literacy Policy and Strategy Guidelines
- Gruenewald, Jeff, Chermak, Steven, & Freilich, Joshua D. (2013). Distinguishing 'Loner' Attacks from Other Domestic Extremist Violence. *Criminology & Public Policy*, 12(1), 65-91.
- Guadagno, Rosanna E., Lankford, Adam, Muscanell, Nicole L., Okdie, Bradley M., & McCallum, Debra M. (2010). Social influence in the online recruitment of terrorists and terrorist sympathizers: Implications for social psychology research. *Revue Internationale de Psychologie Sociale*, 23(1), 25-56.
- Gul, Sumeer, & Shueb, Sheikh. (2016). Twitter as a Mourning Dove for the Blooming Buds: An Analysis of Twitter's Reaction to Peshawar School Attack, *Media and Information Literacy: Reinforcing Human Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 237-247.
- Gustavson, Aleta Top, & Sherkat, Darren E. (2004). Annual Meeting, San Francisco. The Ideological Structuring of White Supremacy on the Internet: Analyzing Network Size, Density, and Asymmetry.
- Gut, Till. (2007). German Federal Court of Justice (Bundesgerichtshof, ÄiBGH), 3rd Criminal Senate. *Journal of Criminal Law*, 71(6), 491-496.
- Hacohen, Eli. (2010). Digital Hate: Terror, Anti-Semitism and Racism on the Internet Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp.3-6).
- Hai, Nadia. (2012). The Rhetoric of Terrorism: A Rhetorical Analysis of "Inspire" Magazine. (MR91165 M.A.), University of Calgary (Canada), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1238289183?accountid=10246>

- Hale, W. Chris. (2012). Extremism on the World Wide Web: A research review. *Criminal Justice Studies: A Critical Journal of Crime, Law & Society*, 25(4), 343-356.
- Harris, Candida, Rowbotham, Judith, & Stevenson, Kim. (2009). Truth, law and hate in the virtual marketplace of ideas: perspectives on the regulation of Internet content. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 155-184.
- Harris, Candida, Rowbotham, Judith, & Stevenson, Kim. (2009). Truth, law and hate in the virtual marketplace of ideas: perspectives on the regulation of Internet content. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 155-184.
- Hastings, Megan, & Rogerson, Kenneth. (2016). Battle of Narratives: Contesting ISIL's Propaganda with Social Media. Conference Papers-- Southern Political Science Association, 1-34.
- Hayne, Spencer O. (2010). Borderless world, boundless threat: Online Jihadists and modern terrorism. (1483143 M.A.), Georgetown University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/818725727?accountid=10246>
- Hobbs, R. & Jensen, A. (2009). The Past, Present, and Future of Media Literacy Education. *Journal of Media Literacy Education*, 1(1).
- Hoechsmann, M., & Poyntz, S. R. (2012). *Media literacies: a critical introduction*. Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Holbrook, Donald. (2015). A critical analysis of the role of the internet in the preparation and planning of acts of terrorism. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 8(2), 121-133.
- Holtz, Peter, Kronberger, Nicole, & Wagner, Wolfgang. (2012). Analyzing internet forums: A practical guide. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 24(2), 55-66.
- Homeland Security Institute. (2009). The internet as a terrorist tool for recruitment & radicalization of youth. U.S. Department of Homeland Security, Science and Technology Directorate
- Jaitner, Margarita, & Kantola, Harry. (2014). Countering Threats – a Comprehensive Model for Utilization of Social Media for Security and Law Enforcement Authorities. Proceedings of the 13th European Conference on Cyber Warfare and Security (Eccws-2014), 102-109.
- Janbek, Dana M. (2010). The use of the Internet as a communication medium by extremist Muslim groups: A content analysis of web sites. (70), ProQuest Information & Learning, US. Retrieved from <http://0-search.ebscohost.com/mercury.concordia.ca/login.aspx?direct=true&db=psyh&AN=2010-99031-321&site=ehost-live&scope=site> Available from EBSCOhost psych database.
- Jerard, Jolene. (2011). Facing the Challenge of the Evolving Terrorist Threat Analysis and Strategies to Counter the Terrorism Threat (Vol. 89, pp. 63-77).
- Jenkins, H. with Purushotma, R., Weigel, M., Clinton, K. & Robison, A.J. (2009). *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. Cambridge: MIT and The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation.
- Johansson, Fredrik, Kaati, Lisa, & Shrestha, Amendra. (2013). Detecting Multiple Aliases in Social Media. 2013 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM), 1004-1011.

- Johnson, Jennifer L. (2011). Mobilizing Minutewomen: Gender, Cyberpower, and the New Nativist Movement. *Research in Social Movements, Conflicts and Change*(32), 137-161.
- Johnson, Matthew. (2016). Bridging the Gap: Empowering Digital Citizens to Build Positive Online Communities, Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism, 87-94.
- Jolls, Tessa, & Wilson, Carolyn. (2016). Youth Radicalization in Cyberspace: Enlisting Media and Information Literacy in the Battle for Hearts and Minds, *Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 167-178.
- Kaplan, Jeffrey, Weinberg, Leonard, & Oleson, Ted. (2003). Dreams and realities in cyberspace: White Aryan Resistance and the World Church of the Creator. *Patterns of Prejudice*, 37(2), 139-155.
- Kebbell, Mark R., & Porter, Louise. (2012). An intelligence assessment framework for identifying individuals at risk of committing acts of violent extremism against the West. *Security Journal*, 25(3), 212-228.
- Kedma, Gabi, Guri, Mordehai, Sela, Tom, & Elovici, Yuval. (2013). Analyzing Users' Web Surfing Patterns to Trace Terrorists and Criminals 2013 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics: Big Data, Emergent Threats, and Decision-Making in Security Informatics (pp. 143-145).
- Keenan, Catlyn Kenna. Behind the Doors of White Supremacy. (AAI3641997). Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1718065829?accountid=10246>
- Khatib, Lina. (2003). Communicating Islamic Fundamentalism as Global Citizenship. *Journal of Communication Inquiry*, 27(4), 389.
- Kirby, Aidan. (2007). The London bombers as "self-starters": A case study in indigenous radicalization and the emergence of autonomous cliques. *Studies in Conflict & Terrorism*, 30(5), 415-428.
- Kirke, Xander. (2015). Violence and Political Myth: Radicalizing Believers in the Pages of Inspire Magazine. *International Political Sociology*, 9(4), 283-298.
- Knox, Emily Goldberg. (2014). The Slippery Slope of Material Support Prosecutions: Social Media Support to Terrorists. *Hastings Law Journal*, 66(1), 295-329.
- Kohlmann, Evan F. (2008). 'Homegrown' terrorists: Theory and cases in the war on terror's newest front. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 618(1), 95-109.
- Kohlmann, Evan F. The Real Online Terrorist Threat. *Foreign Affairs*, 85(5), 115-124.
- Koltuksuz, Ahmet. (2013). Use of Cyberspace and Technology by Terrorists Technological Dimensions of Defence against Terrorism (Vol. 115, pp. 106-109).
- Kovacich, Gerald L., & Jones, Andy. (2002). What InfoSec Professionals Should Know About Information Warfare Tactics by Terrorists. *Computers & Security*, 21(2), 113.
- Kramer, Rachel. (2003). Internet use by terrorists and content analysis of terrorist websites. (1421948 M.A.), University of London (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/305248914?accountid=10246>

- Kirsten Drotner Divina Frau-Meigs, Niina Uusitalo, Sirkku Kotilainen (2017). The double bind of Media and Information Literacy: A critical view on public policy discourses about MIL in Frau-Meigs D., Velez, I. and Flores Michel J. (eds). *MIL Public Policies in Europe: A Cross-Country Comparison*. London: Routledge.
- Kumar, Sharath A., & Singh, Sanjay. (2013). Detection of User Cluster with Suspicious Activity in Online Social Networking Sites. 2013 Second International Conference on Advanced Computing, Networking and Security (Adcons2013), 220-225.
- Lamb, Kevin. (2015). Days of Rage: America's Radical Underground, the FBI, and the Forgotten Age of Revolutionary Violence. *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 40(4), 468-472.
- Lauterbach, Marc. (2009). Hate online: Exploring the world of extremist internet culture. (1463919 M.A.), The George Washington University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/304880356?accountid=10246>
- Lee, Elissa, & Leets, Laura. (2002). Persuasive storytelling by hate groups online: Examining its effects on adolescents. *American Behavioral Scientist*, 45(6), 927-957.
- Lennings, Christopher J., Amon, Krestina L., Brummert, Heidi, & Lennings, Nicholas J. (2010). Grooming for terror: The internet and young people. *Psychiatry, Psychology and Law*, 17(3), 424-437. doi: 10.1080/13218710903566979
- Leone, Massimo. (2015). Propaganda mala fide : Towards a comparative semiotics of violent religious persuasion. *Semiotica*, 2015(207), 631-655.
- Levin, Brian. (2002). Cyberhate: A legal and historical analysis of extremists' use of computer networks in America. *American Behavioral Scientist*, 45(6), 958-988.
- Levin, Brian. (2015). The Original Web of Hate. *American Behavioral Scientist*, 59(12), 1609-1630. doi: 10.1177/0002764215588815
- Lim, You Seok (2012). A Study on the Radicalization of Homegrown Terrorism and Trend Analysis. *Korean terrorism studies Review*, 5(3), 157-174.
- Littman, Sol. (2015). A personal reflection on good and evil on the Internet. In N. Hall, A. Corb, P. Giannasi, J. G. D. Grieve, N. Hall, A. Corb, P. Giannasi & J. G. D. Grieve (Eds.), *The Routledge international handbook on hate crime*. (pp. 289-292). New York, NY, US: Routledge/Taylor & Francis Group.
- Livingstone, David. (2007). Taking on the Radicals. *Index on Censorship*, 36(4), 148-153.
- Livingstone, S., Papaioannou, T., del Mar Grandío Pérez, M., & Wijnen, C. W. (Eds.). (2012). Critical Insights in European Media Literacy Research and Policy special issue. *Media Studies* 3(6).
- Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A., and Ólafsson, K. (2011). Risks and safety on the Internet: The perspective of European children. Full Findings. LSE, London: EU Kids Online.
- Lyons, David K. (2013). Analyzing the effectiveness of Al Qaeda's online influence operations by means of propaganda theory. (1539962 M.S.), The University of Texas at El Paso, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1415436250?accountid=10246>
- Maher, Shiraz. (2007). Road to Jihad. *Index on Censorship*, 36(4), 144-147.

- Mahmood, Shah. (2012). Online Social Networks: The Overt and Covert Communication Channels for Terrorists and Beyond. 2012 Ieee International Conference on Technologies for Homeland Security, 574-579.
- Mandal, Sujoyini, & Lim, Ee-Peng. (2008). Second Life: Limits of creativity or cyber threat? 2008 Ieee Conference on Technologies for Homeland Security, Vols 1 and 2 (pp. 498-503).
- Mastors, Elena, & Siers, Rhea. (2014). Omar al-Hammami: A case study in radicalization. Behavioral Sciences & the Law, 32(3), 377-388.
- McCabe, Thomas R. (2016). A Strategy for the DAESH Foreign Fighter Threat. Orbis, 60(1), 140-153.
- McNeal, Gregory S. (2007/09//2007/2008). Cyber embargo: countering the internet jihad.
- McDonald, Carina Louise. (2010). Web 2.0, Terror 2.0? Salafi-Jihadist Terrorist use of the Internet. University of Calgary (Canada), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/847582411?accountid=10246>
- McGilloway, Angela, Ghosh, Priyo, & Bhui, Kamaldeep. (2015). A systematic review of pathways to and processes associated with radicalization and extremism amongst Muslims in Western societies. International Review of Psychiatry, 27(1), 39-50.
- Meddaugh, Priscilla Marie, & Kay, Jack. (2009). Hate Speech or „Reasonable Racism? „The Other in Stormfront. Journal of Mass Media Ethics, 24(4), 251-268.
- Meloy, J. Reid, & Yakeley, Jessica. (2014). The Violent True Believer as a “Lone Wolf” – Psychoanalytic Perspectives on Terrorism. Behavioral Sciences & the Law, 32(3), 347-365.
- Menkhaus, K. E. N. (2014). Al-Shabaab and Social Media: A Double-Edged Sword. Brown Journal of World Affairs, 20(2), 309-327.
- Minei, Elizabeth, & Matusitz, Jonathan. (2011). Cyberterrorist messages and their effects on targets: A qualitative analysis. Journal of Human Behavior in the Social Environment, 21(8), 995-1019.
- Mizuko, I., Horst, H.A., Bittanti, M., Boyd, D., Herr-Stephenson, B., Lange, P.J., Pascoe, C.J., & Robinson, L. (2008). *Living and Learning with New Media: Summary of Findings from the Digital Youth Project*. The John D. and Catherine T. MacArthur Foundation Reports on Digital Media and Learning.
- Mohamed, Feisal G. (2007). The Globe of Villages: Digital Media and the Rise of Homegrown Terrorism. Dissent (00123846), 54(1), 61-64.
- Moretti Fernandez, Luciana. (2015). Apology for crime: situational analysis of the communication within criminal commands in Brazil. Communication & Society, 83-96.
- Morrison, Steven R. (2011). Terrorism online: is speech the same as it ever was? Creighton Law Review, 44(4), 963-1002.
- Mueller, Jessica. (2016). Emotional Response to Terrorism and Perceived Criminal Responsibility: Does Method of Recruitment Matter. (10107584 Psy.D.), Alliant International University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1791450767?accountid=10246>
- Navest, Aysha, de Koning, Martijn, & Moors, Annelies. (2016). Chatting about Marriage with Female Migrants to Syria. Anthropology Today, 32(2), 22-25.

- Nesser, Petter. (2008). How did Europe's global Jihadis obtain training for their militant causes? *Terrorism and Political Violence*, 20(2), 234-256.
- Neumann, P.R. (2013). Options and strategies for countering online radicalization in the United States. *Studies in Conflict & Terrorism*, 36(6), 431-459.
- Ogaard, Kirk. (2013). Synthesizing Social Media Data Using Information Morphing. 2013 Ase/ Ieee International Conference on Social Computing (Socialcom), 944-949.
- O'Hara, Kieron. (2002). the Internet: A Tool for Democratic Pluralism? *Science as Culture*, 11(2), 287-298.
- Olsson, Peter A. (2013). Homegrown Terrorists, Rebels in Search of a Cause. *Middle East Quarterly*, 20(3), 3-10.
- O'Shaughnessy, Nicholas J., & Baines, Paul R. (2009). Selling terror: The symbolization and positioning of Jihad. *Marketing Theory*, 9(2), 227-241.
- Osuna S, Frau-Meigs, D., Bossu, A., Jensen, D. *Intercreativity and Interculturality in ECO Project's virtual learning environments, Open Education: from OERs to MOOCs*, Heidelberg, Springer, Lecture Notes in Educational Technology Series, 2016.
- Paulsen, Derek. (2007). Cyber Terrorism: Myths and Facts. *Conference Papers -- American Society of Criminology*, 1.
- Pauwels, Lieven, & Schils, Nele. (2016). Differential online exposure to extremist content and political violence: Testing the relative strength of social learning and competing perspectives. *Terrorism and Political Violence*, 28(1), 1-29.
- Paz, Reuven. (2009). Reading Their Lips: The Credibility of Militant Jihadi Web Sites as 'Soft Power' in the War of the Minds Home-Grown Terrorism: Understanding and Addressing the Root Causes of Radicalization among Groups with an Immigrant Heritage in Europe (Vol. 60, pp. 114-126).
- Pearson, Elizabeth. (2016). The Case of Roshonara Choudhry: Implications for Theory on Online Radicalization, DAESH Women, and the Gendered Jihad. *Policy & Internet*, 8(1), 5-33.
- Peperhove, Roman. (2010). Islamist Websites: an Up-to-Date Snapshot from a German Point of View *Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies* (Vol. 67, pp. 153-163).
- Perry, Barbara, & Olsson, Patrik. (2009). Cyberhate: the globalization of hate. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 185-199.
- Perry, Barbara, & Olsson, Patrik. (2009). Cyberhate: the globalization of hate. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 185-199.
- Pickard, Victor W. (2006). United Yet Autonomous: Indymedia and the Struggle to Sustain a Radical Democratic Network. *Media, Culture & Society*, 28(3), 315-336.
- Piorkowski, John, & Zhou, Lina. (2013). Content Feature Enrichment for Analyzing Trust Relationships in Web Forums. 2013 Ieee/Acm International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (Asonam), 1486-1487.
- Piper, Paul. (2008). Nets of Terror: Terrorist Activity on the Internet (English). *Searcher* (Medford, N.J.), 16(10), 28-38.

- Pluchinsky, Dennis, & Roujansky, Jacques. (2007). The Migration of Terrorist Tactics, Techniques, and Creativity (TTC) (English). *REE. Revue de l'électricité et de l'électronique* (10).
- Pollock, David, Wenig, Gilad, Raydan, Noam, & Barnhard, Gavi. (2015). Fikra Forum Online Engagement between the West and the Middle East. *Soundings*, 98(4), 501-514.
- Pollock, E. T. (2006). Understanding and contextualising racial hatred on the internet: a study of newsgroups and websites. (U233179 Ph.D.), Nottingham Trent University (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/301693572?accountid=10246>
- Pooley, Elizabeth. (2015). A New Sisterhood: The Allure of DAESH in Syria For Young Muslim Women in the UK. (1587471 M.S.), Arizona State University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1680789280?accountid=10246>
- Post, Jerrold M. (2015). Terrorism and right-wing extremism: The changing face of terrorism and political violence in the 21st century: The virtual community of hatred. *International Journal of Group Psychotherapy*, 65(2), 243-271.
- Post, Jerrold M., McGinnis, Cody, & Moody, Kristen. (2014). The changing face of terrorism in the 21st century: The communications revolution and the virtual community of hatred. *Behavioral Sciences & the Law*, 32(3), 306-334.
- Potter, W.J. (2013). Review of Literature on Media Literacy. *Sociology Compass*, 7: 417-435.
- Pariser, E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. NY : Penguin.
- Prentice, Sheryl, Taylor, Paul J., Rayson, Paul, Hoskins, Andrew, & O'Loughlin, Ben. (2011). Analyzing the semantic content and persuasive composition of extremist media: A case study of texts produced during the Gaza conflict. *Information Systems Frontiers*, 13(1), 61-73.
- Qin, J. L., Zhou, Y. L., Reid, E., Lai, G. P., & Chen, H. C. (2006). Unraveling international terrorist groups' exploitation of the web: Technical sophistication, media richness, and web interactivity. *Intelligence and Security Informatics, Proceedings* (Vol. 3917, pp. 4-15).
- Quayle, Ethel, & Taylor, Max. (2011). Social networking as a nexus for engagement and exploitation of young people. *Information Security Technical Report*, 16(2), 44-50.
- Qureshi, Pir Abdul Rasool, Memon, Nasrullah, & Wiil, Uffe Kock. (2010). EWaS: Novel Approach for Generating Early Warnings to Prevent Terrorist Attacks. 2010 Second International Conference on Computer Engineering and Applications: Iceea 2010, Proceedings, Vol 2, 410-414.
- Ramsay, Gilbert. (2011). Consuming the jihad: An enquiry into the subculture of Internet jihadism. (U606145 Ph.D.), University of St. Andrews (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1512394871?accountid=10246>
- Reding, Randal G. (2016). Terror's tangled web: Assessing the Islamic State's cyber recruiting strategies in Western countries. (10107639 M.S.), Utica College, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1791981453?accountid=10246>
- Reid, E., Qin, J. L., Zhou, Y. L., Lai, G. P., Sageman, M., Weimann, G., & Chen, H. C. (2005). Collecting and analyzing the presence of terrorists on the web: A case study of Jihad Websites. *Intelligence and Security Informatics, Proceedings* (Vol. 3495, pp. 402-411).
- Reid, Edna, & Chen, Hsinchen. (2007). Internet-Savvy U.S. And Middle Eastern Extremist Groups. *Mobilization: An International Journal*, 12(2), 177-192.

- Reid, Edna, & Hsinchun, Chen. (2006). Extremist social movement groups and their online digital libraries (English). *Information outlook*, 10(6).
- Reynolds, Teddy. (2015). Pulling back the curtain: an examination of the english defence league and their use of facebook. (10084492 Ph.D.), University of St. Andrews (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1779253412?accountid=10246>
- Robinson, Rowena. (2004). Virtual Warfare: The Internet as the New Site for Global Religious Conflict. *Asian Journal of Social Science*, 32(2), 198-215. doi: 10.1163/1568531041705121
- Rogan, Hanna. (2007). Abu Reuter and the E-Jihad: Virtual Battlefronts from Iraq to the Horn of Africa. *Georgetown Journal of International Affairs*, 8(2), 89-96.
- Röhlinger, Thomas. (2016). The MILID Toolbox: For Human Rights. Against Radicalization. Strategies, Methodologies, Tools – Fresh from the “Glocal” Grassroots, *Media and Information Literacy: Reinforcing Human Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 153-166.
- Rothenberger, Liane. (2012). Terrorist Groups: Using Internet and Social Media for Disseminating Ideas. *New Tools for Promoting Political Change. GrupfÉri teroriste: folosind Internetul și rețelele sociale pentru a disemina ideile. Noi instrumente pentru a promova schimbarea politică.*, 14(3), 7-23.
- Rumbough, Tim. (2003). Explosive information: How the internet can help terrorists (English). *Journal of information ethics*, 12(2), 16-30.
- Ryan, Johnny. (2007). The four P-words of militant Islamist radicalization and recruitment: Persecution, precedent, piety, and perseverance. *Studies in Conflict & Terrorism*, 30(11), 985-1011.
- Sabetnia, Elahe, Poorgholami, Maryam, & Jalali, Mehrdad. (2012). Cybercrime Detection through Multilayer Perceptron Neural Network: Evaluate and Compare 2011 3rd International Conference on Computer Technology and Development (pp.277-281).
- Sachan, Abhishek. (2012). Countering Terrorism through Dark Web Analysis 2012 Third International Conference on Computing Communication & Networking Technologies.
- Sageman, Marc. (2008). A strategy for fighting international Islamist terrorists. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 618(1), 223-231.
- Salem, Arab, Reid, Edna, & Chen, Hsinchun. (2006). Content analysis of jihadi extremist groups' videos *Intelligence and Security Informatics, Proceedings (Vol. 3975, pp. 615-620).*
- Salem, Arab, Reid, Edna, & Chen, Hsinchun. (2008). Multimedia content coding and analysis: Unraveling the content of Jihadi extremist groups' videos. *Studies in Conflict & Terrorism*, 31(7), 605-626.
- Salihu, Flurije. (2015). Assemblages of radicalism: The online recruitment practices of Islamist terrorists. (76), ProQuest Information & Learning, US. Retrieved from <http://0-search.ebscohost.com/mercury.concordia.ca/login.aspx?direct=true&db=psyh&AN=2015-99191-096&site=ehost-live&scope=site> Available from EBSCOhost psyh database.
- Salihu, Flurije. Assemblages of Radicalism: The Online Recruitment Practices of Islamist Terrorists. (AAI3666750). Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1767331199?accountid=10246>
- Saniotis, Arthur. (2005). Re-Enchanting Terrorism: Jihadists as “Liminal Beings”. *Studies in Conflict & Terrorism*, 28(6), 533-545.

- Scanlon, Jacob R., & Gerber, Matthew S. (2015). Forecasting Violent Extremist Cyber Recruitment. *Ieee Transactions on Information Forensics and Security*, 10(11), 2461-2470.
- Schafer, Joseph A., Mullins, Christopher W., & Box, Stephanie. (2014). Awakenings: The Emergence of White Supremacist Ideologies. *Deviant Behavior*, 35(3), 173-196.
- Schmidle, Robert E. (2010). Positioning Theory and Terrorist Networks. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 40(1), 65-78.
- Schmitz, Rachel M. (2016). Intersections of hate: Exploring the transecting dimensions of race, religion, gender, and family in Ku Klux Klan Web sites. *Sociological Focus*, 49(3), 200-214.
- Scott, G. Podder, S. (2015). Social Media, Recruitment, Allegiance and the Islamic State. *Terrorism Research Initiative*, Vol 9, No 4 (2015)
- Seib, Philip. (2008). Terrorism and the Al Jazeera Effect. *Conference Papers -- International Studies Association*, 1.
- Selepak, Andrew. (2010). Skinhead Super Mario Brothers: An Examination of Racist and Violent Games on White Supremacist Web Sites. *Journal of Criminal Justice & Popular Culture*, 17(1), 1-47.
- Serres, A. (2012). *Dans le labyrinthe. Évaluer l'information sur internet*. Caen : C&F éditions.
- Shaikh, Mubin. (2015). Countering Violent Extremism (CVE) Online: An Anecdotal Case Study Related to Engaging DAESH Members and Sympathizers (from North America, Western Europe, and Australia) on Twitter. *Soundings*, 98(4), 478-487.
- Shavit, Uriya. (2006). Al-Qaeda's Saudi Origins. *Middle East Quarterly*, 13(4), 3-13.
- Shkel, Tamara. (2008). The Provider Will Have to Answer. *Statutes & Decisions: The Laws of the USSR & Its Successor States*, 43(2), 84-86. doi: 10.2753/RSD1061-0014430217
- Shorer-Zeltser, Marina, & Ben-Israel, Galit. (2007). Greater is our terror of the unknown the diasporic Internet networks and their inference with global security *Eciw 2007: Proceedings of the 6th European Conference on Information Warfare and Security* (pp. 253-262).
- Sibianu, Daniela. (2010). Islamist Propaganda on the Internet. *Terrorist Entities' Response to Alleged Anti-Muslim Western Actions Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies* (Vol. 67, pp. 81-89).
- Sidhu, Dawinder S. (2007). The chilling effect of government surveillance programs on the use of the internet by muslim-americans. *University of Maryland Law Journal of Race, Religion, Gender & Class*, 7(2), 375-393.
- Silke, Andrew. (2010). The Internet & Terrorist Radicalization: The Psychological Dimension *Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies* (Vol. 67, pp. 27-39).
- Simi, Pete, & Futrell, Robert. (2006). Cyberculture and the endurance of white power activism. *Journal of Political & Military Sociology*, 34(1), 115-142.
- Singh, Jagtar, & Kerr, Paulette, & Hamburger, Esther. (2016). *Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism*
- Singh, Jagtar. (2016). MILID: An Indispensable Intervention for Countering Radicalization and Violent Extremism, *Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 223-235.

- Sivek, S. C. (2013). Packaging inspiration: Al-Qaeda's digital magazine Inspire in the self-radicalization process. *International Journal of Communication*, 7, 584-606
- Skillicorn, D. B. (2012). Lessons from a Jihadi Corpus. 2012 Ieee/Acm International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (Asonam), 874-878.
- Speckhard, Anne. (2009). The Militant Jihad in Europe: Fighting Home-grown Terrorism Home-Grown Terrorism: Understanding and Addressing the Root Causes of Radicalization among Groups with an Immigrant Heritage in Europe (Vol. 60, pp. 143-160).
- Spinks, Brandon Todd. (2010). Assessing perceived credibility of Web sites in a terrorism context: The PFLP, Tamil Tigers, Hamas, and Hezbollah. (70), ProQuest Information & Learning, US. Retrieved from <http://0-search.ebscohost.com/mercury.concordia.ca/login.aspx?direct=true&db=psych&AN=2010-99110-032&site=ehost-live&scope=site> Available from EBSCOhost psych database.
- Stan, Mariana, & Vladescu, Andrei. (2010). The Islamist Propaganda on Women and Children Web Sites Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol.67, pp.93-103).
- Stan, Mariana. (2010). Islamic Terrorism in Europe Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 41-52).
- Stekelenburg, Jacquelin. (2014). Going All the Way: Politicizing, Polarizing, and Radicalizing Identity Offline and Online. *Sociology Compass*, 8(5), 540-555.
- Stevens, T. & Neumann, P.R. (2009). *Countering Online Radicalization: A Strategy for Action*. London: ICSR/Community Security Trust, p. 10.
- Sureka, Ashish, Kumaraguru, Ponnurangam, Goyal, Atul, & Chhabra, Sidharth. (2010). Mining You Tube to Discover Extremist Videos, Users and Hidden Communities Information Retrieval Technology (Vol. 6458, pp. 13-24).
- Sutton, Mike, & Wright, Cecile. (2009). Finding the far right online: an exploratory study of white supremacist websites. *Internet Journal of Criminology*, 1-24.
- Tang, L. (2013). 'The Politics of Flies: Mocking News in Chinese Cyberspace.' *Chinese Journal of Communication*, 6(4): 482-496.
- Tateo, Luca. (2005). The Italian Extreme Right On-line Network: An Exploratory Study Using an Integrated Social Network Analysis and Content Analysis Approach. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 10(2).
- Taylor, William D., Johnson, Genevieve, Ault, Michael K., Griffith, Jennifer A., Rozzell, Bobby, Connelly, Shane. Ness, Alisha M. (2015). Ideological group persuasion: A within-person study of how violence, interactivity, and credibility features influence online persuasion. *Computers in Human Behavior*, 51, 448-460.
- Tomomi, Yamaguchi. (2013). Xenophobia in Action: Ultrnationalism, Hate Speech, and the Internet in Japan. *Radical History Review*(117), 98-118. doi: 10.1215/01636545-2210617
- Top Gustavson, Aleta. (2012). Ideological resource sharing on the Internet and the patterning of networks in the White Supremacist/Separatist Movement. (3552944 Ph.D.), Southern Illinois University at Carbondale, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1312531269?accountid=10246>

- Torrent, Jordi. (2016). Connecting the Dots: Preventing Violent Extremism; the Global Goals for Sustainable Development, *Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 203-212.
- Torres Soriano, Manuel R. (2011). The Road to Media Jihad: The Propaganda Actions of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *Terrorism & Political Violence*, 23(1), 72-88
- Torres Soriano, Manuel R. (2012). Between the Pen and the Sword: The Global Islamic Media Front in the West. *Terrorism & Political Violence*, 24(5), 769-786.
- Torres-Soriano, Manuel Ricardo. (2013). The Dynamics of the Creation, Evolution, and Disappearance of Terrorist Internet Forums. *International Journal of Conflict and Violence*, 7(1).
- Tsfati, Yariv, & Weimann, Gabriel. (2002). www.terrorism.com: Terror on the Internet. *Studies in Conflict & Terrorism*, 25(5), 317-332.
- Turner-Graham, Emily. (2014). 'Breivik is my Hero': the Dystopian World of Extreme Right Youth on the Internet. *Australian Journal of Politics & History*, 60(3), 416-430.
- Tuttle, Michelle. (2016). Terrorism recruitment using internet marketing. (10108078 M.S.), Utica College, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1793408099?accountid=10246>
- UNESCO. (2013). Global Media and Information Literacy Assessment Framework: Country Readiness and Competencies
- Valsamidis, Palvos. (2016). Representing "Us" - Representing "Them": Visualizing Racism in Greek Primary School Films, *Media and Information Literacy: Reinforcing Humanm Rights, Countering Radicalization and Extremism*, 213-222.
- VanBuuren, Jelle, & de Graaf, Beatrice. (2014). Hatred of the system: Menacing loners and autonomous cells in The Netherlands. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 156-184.
- Van San, Marion, Sieckelinck, Stijn, & de Winter, Micha. (2013). Ideals Adrift: An Educational Approach to Radicalization. *Ethics and Education*, 8(3), 276-289.
- Varin, D. (2015). *Boko Haram and the War on Terror*. Praeger
- Veerasingam, Namoshia, & Grobler, Marthie. (2011). Terrorist use of the Internet: Exploitation and Support Through ICT Infrastructure. *Proceedings of the 6th International Conference on Information Warfare and Security*, 260-267.
- Vergani, Matteo. (2014). Neojihadism and Muslim-Christian Relations in the Mindanao Resistance Movement: A Study of Facebook Digital Narratives. *Islam & Christian-Muslim Relations*, 25(3), 357-372.
- Vertigans, Stephen, & Sutton, Philip. (2001). Back to the Future: 'Islamic Terrorism' and Interpretations of Past and Present. *Sociological Research Online*, 6(3).
- Von Knop, Katharina. (2007). Hypermedia Seduction for Terrorist Recruiting. *Conference Papers-- International Studies Association*, 1.
- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P. S. (2013). Tracking On-line Radicalization Using Investigative Data Mining. *2013 National Conference on Communications (Ncc)*.
- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P. S. (2015). An Approach for Dynamic Identification of Online Radicalization in Social Networks. *Cybernetics & Systems*, 46(8), 641-665.

- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P.S. (2015). Measuring Radicalization in Online Social Networks Using Markov Chains. *Journal of Applied Security Research*, 10(1), 23-47.
- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P. S. (2016). New Metrics for Dynamic Analysis of Online Radicalization. *Journal of Applied Security Research*, 11(2), 166-184.
- Walker, Clive, & Conway, Maura. (2015). Online terrorism and online laws. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 8(2), 156-175.
- Warner, Benjamin R. (2010). Segmenting the Electorate: The Effects of Exposure to Political Extremism Online. *Communication Studies*, 61(4), 430-444.
- Watts, Meredith W. (2001). Aggressive Youth Cultures and Hate Crime: Skinheads and Xenophobic Youth in Germany. *American Behavioral Scientist*, 45(4), 600.
- Wei, Wei, Joseph, Kenneth, Liu, Huan, & Carley, Kathleen M. (2015). The Fragility of Twitter Social Networks Against Suspended Users. *Proceedings of the 2015 Ieee/Acm International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM 2015)*, 9-16.
- Weimann, Gabriel, & Von Knop, Katharina. (2008). Applying the notion of noise to countering online terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 31(10), 883-902.
- Weimann, Gabriel. (2004 Annual Meeting, Montreal, Cana). *Terror on the Internet*.
- Weimann, Gabriel. (2008). The Psychology of Mass Mediated Terrorism. *American Behavioral Scientist*, 52(1), 69-86.
- Weimann, Gabriel. (2010). Terror on Facebook, Twitter, and Youtube. *Brown Journal of World Affairs*, 16(2), 45-54.
- Weimann, Gabriel. (2011). Cyber-fatwas and terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 34(10), 765-781.
- Weimann, Gabriel. (2015). Terrorist Migration to Social Media. *Georgetown Journal of International Affairs*, 16(1), 180-187.
- Weisburd, A. Aaron. (2010). *Jihadis Online: Concepts and Frameworks for Online Counter-Terrorism Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 197-210)*.
- Weitzman, Mark. (2010). *Antisemitism and Terrorism on the Electronic Highway Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 7-24)*.
- West, Dondi, & Latham, Christina. (2010). The Extremist Edition of Social Networking: The Inevitable Marriage of Cyber Jihad and Web 2.0. *Proceedings of the 5th International Conference on Information Warfare and Security*, 523-531.
- White, J. (2012). Virtual indoctrination and the digihad: The evolution of Al-Qaeda's media strategy. *Small Wars Journal*. <http://smallwarsjournal.com/jnl/art/virtual-indoctrination-and-the-digihad>
- Wilson, Carolyn, & Grizzle, Alton, & Tuazon, Ramon, & Akyempong, Kwame, & Cheung, Chi-Kim. (2011). *Media and Information Literacy Curriculum for Teachers*
- Wilson, Samuel F., II. (2014). *Terrorist Experts' Perceptions of how the Internet has Shaped International Terrorism. (3668962 Ph.D.)*, Walden University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1648432400?accountid=10246>

- Wojcieszak, Magdalena Elzbieta. (2011). Computer-mediated false consensus: Radical online groups, social networks and news media. *Mass Communication & Society*, 14(4), 527-546.
- Wojcieszak, Magdalena. (2006). "Don't Talk to Me" - The Impact of Unanimous Online Groups and Offline Ties on Extremism. *Conference Papers-- American Political Science Association*, 1-36.
- Wojcieszak, Magdalena. (2008). False consensus goes online: Impact of ideologically homogeneous groups on false consensus. *Public Opinion Quarterly*, 72(4), 781-791.
- Wojcieszak, Magdalena. (2009). 'Carrying online participation offline', *Mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties*. *Journal of Communication*, 59(3), 564-586.
- Wojcieszak, Magdalena. (2010). 'Don't talk to me': Effects of ideologically homogeneous online groups and politically dissimilar offline ties on extremism. *New Media & Society*, 12(4), 637-655.
- Womer, Sarah, & Bunker, Robert J. (2010). Surenos gangs and Mexican cartel use of social networking sites. *Small Wars & Insurgencies*, 21(1), 81-94.
- Wong, Meghan A., Frank, Richard, & Allsup, Russell. (2015). The supremacy of online white supremacists, *An analysis of online discussions by white supremacists*. *Information & Communications Technology Law*, 24(1), 41-73.
- Woodring, David. (2014). 21st Century Radicalization: The Role of the Internet User and Nonuser in Terrorist Outcomes. (1554468 M.A.), University of Arkansas, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1527109139?accountid=10246>
- Wright, Marie. (2008). Technology & terrorism: How the Internet facilitates radicalization. *The Forensic Examiner*, 17(4), 14-20.
- Xu, Jennifer, Chen, Hsinchun, Zhou, Yilu, & Qin, Jialun. (2006). On the topology of the dark web of terrorist groups *Intelligence and Security Informatics, Proceedings (Vol. 3975, pp. 367-376)*.
- Yang, Christopher C., & Ng, Tobun D. (2008). Analyzing content development and visualizing social interactions in web forum *Isi 2008: 2008 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp. 25-30)*.
- Yang, Christopher C., & Ng, Tobun D. (2009). Web Opinions Analysis with Scalable Distance-Based Clustering *Isi: 2009 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp. 65-70)*.
- Zanasi, A., & Artioli, M. (2009). Text and video mining solutions to national security intelligence problems *Data Mining X: Data Mining, Protection, Detection and Other Security Technologies (Vol. 42, pp. 3-12)*.
- Zanasi, Alessandro. (2009). Virtual Weapons for Real Wars: Text Mining for National Security *Proceedings of the International Workshop on Computational Intelligence in Security for Information Systems 2008 (Vol. 53, pp. 53-60)*.
- Zhang, Yulei, Zeng, Shuo, Fan, Li, Dang, Yan, Larson, Catherine A., & Chen, Hsinchun. (2009). Dark Web Forums Portal: Searching and Analyzing Jihadist Forums *Isi: 2009 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp. 71-76)*.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6.

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗБРАННЫХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

- Abid, N., Aouadi, M., Ben Mohamed, M., Bakhti, A., Djemali, J., Jmila, H., Triki, A. (2011). Le rôle des médias et des TIC dans les « révolutions arabes » : l'exemple de la Tunisie. *Chimères*, 75(1), 219-235.
- Aclimandos, T. (2010). L'islam politique égyptien. *Confluences Méditerranée*, 75(4), 167-179. <https://doi.org/10.3917/come.075.0167>
- Agences. (2014, September 15). Une coalition internationale contre l'État islamique. *Le Temps*. Retrieved from <https://www.letemps.ch/monde/2014/09/15/une-coalition-internationale-contre-islamique>
- Alava, S. (2014). La Francophonie à la croisée des savoirs: l'offre de formations sur la Francophonie dans le monde. In *La langue française dans le monde 2014 : Rapport Organisation Internationale de la Francophonie* (Vol. 2014, pp. 323-341). OIF.
- Alava, S., & Morales, L. (2015). Usages numériques non formels chez les jeunes et performance scolaire. *Nouveaux cahiers de la recherche en éducation*, 18(2), 138-164.
- Aldémeh, M. (2015b). *Pourquoi nous sommes tous des djihadistes : j'étais en Syrie*. La Boîte à Pandore.
- Allievi, S. (2015). *Les convertis à l'islam – Les nouveaux musulmans d'Europe*. Available from <http://www.editions-harmattan.fr/index.asp?Navig=catalogue&obj=livre&no=7702>
- Amghar, S. (2008). Le salafisme en France: de la révolution islamique à la révolution conservatrice. *Critique internationale*, 3(40), 95-113. Retrieved from <http://emridnetwork.org/static/documents/21-mars/3-islam-en-europe/le-salafisme-en-france-de-la-revolution-islamique-a-la-revolution-conservatrice.bfe4c9da50b8.pdf>
- Antonio Cassese, P. (2015). Terrorisme et lutte armée. *Manière de voir*, (140), 61.
- Appelbaum, J., Müller-Maguhn, A., Zimmermann, J., & Assange, J. (2013). *Menace sur nos libertés: comment Internet nous espionne. Comment résister*. Robert Laffont.
- Atmani, M. (2015). Au coeur de la cyberguerre entre Anonymous et djihadistes. *Le Temps*.
- Aubrac, R. (2003). Terroristes ou résistants ? *Topique*, 83(2), 7. <https://doi.org/10.3917/top.083.0007>
- Barzin, N. (2010). Propagande et attentats-suicide. *Topique*, 111(2), 59. <https://doi.org/10.3917/top.111.0059>
- Baudouï, R. (2009). *Géopolitique du terrorisme*. Armand Colin.
- Baumard, P. (2012). *Questions de futur*. CNRS Éditions.

- Beaule, S. (2000a). Il n'y a que des cauchemars et des angoisses, des délires... : lecture de la nouvelle fantastique et de science-fiction québécoise depuis 1980. *University of Toronto Quarterly*, 69(4), 871.
- Beauvallet, G., Berthet, C., Blecher, L., Bonnet, Y., Daloz, P., Herzog, J., Bandini, A. (2014). Lutte contre le terrorisme : blocage administratif de sites Internet : le Conseil national du numérique propose des alternatives plus efficaces et plus protectrices des libertés. Conseil national du numérique.
- Benberrah, M. (2015). La Tunisie en transition: les usages numériques d'Ennahdha. Éditions L'Harmattan.
- Benichou, D., Khosrokhavar, F., & Migaux, P. (2015). *Le jihadisme*. EDI8.
- Benjamin, D., Franco, S., & Hecker, M. (2006). Le terrorisme en perspective. *Politique étrangère, hiver* (4), 887-900. <https://doi.org/10.3917/pe.064.0887>
- Benkada, S. (2004a). La revendication des libertés publiques dans le discours politique du nationalisme algérien et de l'anticolonialisme français (1919-1954). *Insaniyat*, (25-26), 179-199.
- Bernard, J., Yann, R., & Jacques, L. (2006). *Des flux et des territoires*. Presses de l'Université du Québec.
- Bernard, P. (2016). David Cameron veut imposer des tests d'anglais aux musulmans. *Le Temps*.
- Besson, S. (2015). Pour Al-Qaida, tuer des Occidentaux est une question de survie. *Le Temps*.
- Bibard, L. (2016). *Terrorisme et féminisme : le masculin en question*. Éditions de l'Aube.
- Bizimana, A.-J. (2006). Les risques du journalisme dans les conflits armés. *Communication. Information médias théories pratiques*, 25(1), 84-111. <https://doi.org/10.4000/communication.1511>
- Blanchart, J. (2016). *Crimes du futur*. Premier Parallèle.
- Blom, A. (2011). Les « martyrs » jihadistes veulent-ils forcément mourir ? *Revue française de science politique*, 61(5), 867-891.
- Boms, N. (2006). Immigration, radicalization et discours musulman en Europe : l'angle soufi. *Outre-Terre*, 4(17), 247-257.
- Bonnefoy, L. (2011). Le salafisme au Yémen l'antichambre de la violence ? Salafism in Yemen. The antechamber of violence ? *Transcontinentales : Sociétés*, (7), 69-79.
- Borel, S. (2014). *Et les réseaux sauveront le monde... ? Essai sur l'idéologie réticulaire*. Éditions Le Bord de l'eau.
- Bossi, P., & Bricaire, F. (2005). Des agents infectieux armes du terrorisme. *La Presse Médicale*, 34(2), 147-148. [https://doi.org/10.1016/S0755-4982\(05\)83894-1](https://doi.org/10.1016/S0755-4982(05)83894-1)
- Boulanger, P. (2014). *Géopolitique des médias : acteurs, rivalités et conflits*. Armand Colin.
- Boutih, M. (2016). Génération radicale. *Le Débat*, 189(2), 73-87. <https://doi.org/10.3917/deba.189.0073>
- Bouzar, D. (2006). *Quelle éducation face au radicalisme religieux ?* Dunod.
- Bozarslan, H. (2009). Le madhisme en Turquie : L'« incident de Menemen » en 1930. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, (91), 297-320. <https://doi.org/10.4000/remmm.261>

- Bulinge, F. (2012). Un outil de décryptage de contenus manipulateurs : cas des groupes islamistes radicaux. *Communication et organisation*, (42), 175-190. <https://doi.org/10.4000/communicationorganisation.3938>
- Cardon, D., & Granjon, F. (2014). Chapitre 6. Individualisation et auto-organisation. *Contester*, 2(1), 135-177.
- Carré, O. (1983). Le combat-pour-Dieu et l'État islamique chez Sayyid Qotb, l'inspirateur du radicalisme islamique actuel. *Revue française de science politique*, 33(4), 680-705. <https://doi.org/10.3406/rfsp.1983.394083>
- Casoni, D., & Brunet, L. (2003). *Comprendre l'acte terroriste*. Les Presses de l'Université du Québec.
- Casutt, G. (2016). *Les femmes musulmanes dans l'ombre du jihad : une armée de roses entre soutien visible et invisible à l'utopie jihadiste dans une conception féminine du fard al ayn* (thèse de doctorat). EHESS, Paris.
- Chaouche, M. (2013). *Croisierie aux vents du Web*. Éditions Publibook.
- Cimino, M. (2014). La « fabrique de l'ennemi » en système totalitaire. Le cas syrien (1946-2014). *Relations internationales*, 158(3), 117. <https://doi.org/10.3917/ri.158.0117>
- Clément, P.-A. (2010). *G.I. contre jihad*. Les Presses de l'Université du Québec.
- Collectif, & Truong, N. (2016). *Résister à la terreur*. Éditions de l'Aube.
- Collectif. (2015). *Le monde en 2030 vu par la CIA*. Des Équateurs.
- Conesa, P. (2016). *Dr. Saoud et Mr. Djihad : la diplomatie religieuse de l'Arabie saoudite*. Robert Laffont.
- Conesa, P. (2016). *Guide du petit djihadiste*. Fayard.
- Conti, B. (2011). Les musulmans en Italie entre crise identitaire et réponses islamistes. *Revue européenne des migrations internationales*, 27(2), 183-201. <https://doi.org/10.4000/remi.5501>
- Conway, M. (2009). Le cyber-terrorisme.: Le discours des médias américains et ses impacts. *Cités*, 39(3), 81. <https://doi.org/10.3917/cite.039.0081>
- Crettiez, X. (2011). « High risk activism »: essai sur le processus de radicalisation violente (première partie). *Pôle Sud*, (34), 45-60.
- Crettiez, X. (2012). « High Risk Activism »: essai sur le processus de radicalisation violente. *Pôle Sud*, (35), 97-112.
- Dallemagne, G., Matz, V., & Martens, Q. (2016). *La Belgique face au radicalisme : comprendre et agir*. Presses universitaires de Louvain.
- Damon, J. (2010). Contre le terrorisme, l'arme économique. *Enjeux, les Échos*, 85.
- Daniel, H. (1992). Réseaux internationaux de violence, ventes d'armes et terrorisme. Centre d'étude des conflits.
- Danthe, M. (2015). Manuel Valls choisit Facebook. *Le Temps*.
- Dar-al-iftā'a. (2014). *Lesclavage des femmes par Daesh, rapport en arabe de l'Observatoire des fatwastakfiriste et de pensée extrémiste*, Dar al-iftā'a, Le Caire, décembre 2014.
- Dassetto, F. (2005). Les dimensions complexes d'une rencontre : Europe et islam. *Revue théologique de Louvain*, 36(2), 201-220.

- Debord, T., Binder, P., Salomon, J., & Roué, R. (2002). Les armes biologiques. *Topique*, 81(4), 93. <https://doi.org/10.3917/top.081.0093>
- Deffarges, T. (2003). Sur la nature et les causes du terrorisme. Une revue de la littérature économique. *Tiers-Monde*, 44(174), 369–392. <https://doi.org/10.3406/tiers.2003.5390>
- de G., V. (2014). Ils utilisent des hashtags spéciaux. *Le Temps*.
- de Gaulmyn, I. (2016). Quelle responsabilité de l'islam dans la radicalisation? *La Croix*. Retrieved from <http://www.la-croix.com/France/Securite/Quelle-responsabilite-islam-dans-radicalization-2016-04-03-1200750863>
- Difraoui, A. E., & Uhlmann, M. (2015). Prévention de la radicalization et déradicalization : les modèles allemand, britannique et danois. *Politique étrangère, hiver* (4), 171-182.
- Dirèche, K. (2010). « Les Murchidât au Maroc. Entre islam d'État et islam au féminin », *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, (128), 99-111. Retrieved from <http://remmm.revues.org/6857>
- Ditchburn, J. (2015). Les pages Facebook des politiciens prises d'assaut par des antimusulmans. *La Presse Canadienne*.
- Douzet, F. (2016). Le cyberspace, troisième front de la lutte contre Daech. *Hérodote*, 1(160-161), 223-238. <https://doi.org/10.3917/her.160.0223>
- Ducol, B. (2015). Comment le jihadisme est-il devenu numérique? *Sécurité et stratégie*, 20(1), 34-43.
- Ducol, B. (2015). Devenir jihadiste à l'ère numérique. Une approche processuelle et situationnelle de l'engagement jihadiste au regard du Web (thèse de doctorat). Université Laval, Québec.
- Ducol, B. (2015). Farhad Khosrokhavar, Radicalization [Compte-rendu de *Radicalisation*]. *Lectures*. Retrieved from <https://lectures.revues.org/17541>
- Ducol, B. (2015). Martyrologie 2.0 ou la genèse d'une fabrique numérique des martyrs jihadistes. *Signes, Discours et Sociétés*, (15). Retrieved from <http://www.revue-signes.info/document.php?id=4502>. ISSN 1308-8378
- Erelle, A. (2015). *Dans la peau d'une djihadiste : enquête au coeur des filières de recrutement de l'État islamique*. Paris, France: J'ai lu.
- Faris, D. M. (2012). La révolte en réseau : le « printemps arabe » et les médias sociaux. *Politique étrangère, printemps* (1), 99-109.
- Féo, A. D. (2009). Les musulmans de Châu Đốc (Vietnam) à l'épreuve du salafisme. *Moussons : Recherche en sciences humaines sur l'Asie du Sud-Est*, (13), 359-372.
- Filiu, J.-P. (2015). Définir Al-Qaida. *Critique internationale*, 2(47), 111-133. Retrieved from <http://spire.sciencespo.fr/hdl:/2441/eu4vqp9ompqllr09i62100681/resources/crui-047-0111.pdf>
- Folon, J. (2015). *Le printemps numérique : comment la révolution digitale a modifié la société, l'enseignement et les entreprises*. Corporate Copyright.
- Francey, O. (2015). Le djihad au coeur de la mosquée de Genève. *Le Temps*.
- Frau-Meigs, D. (2005). *Quia détourné le 11 septembre?* De Boeck Supérieur.

- Fuchs, A., Ministère délégué à l'enseignement supérieur et à la recherche, & Alliance Athena. (2016). *Recherches sur les radicalizations, les formes de violence qui en résultent et la manière dont les sociétés les préviennent et s'en protègent : état des lieux, propositions, actions*. Paris, France: Alliance Athena.
- Gervereau, L. (2003). La guerre n'est pas faite pour les images. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, 4(80), 83-88.
- Ghanem-Yazbeck. (2014, September 16). Du djihadisme et des femmes. *Huffington Post*. Retrieved from http://www.huffpostmaghreb.com/dalia-ghanemyazbeck/du-djihadisme-et-des-femm_b_5829928.html
- Goetgheluck, D., & Conrath, P. (2011). Internet est-il dangereux? *Le Journal des psychologues*, 290(7), 3. <https://doi.org/10.3917/jdp.290.0003>
- Gremaud, R. (2015). Comment « déradicaliser » ? *Le Temps*.
- Guadagno, R. E., Lankford, A., Muscanell, N. L., Okdie, B. M., & McCallum, D. M. (2010). Social influence in the online recruitment of terrorists and terrorist sympathizers: Implications for social psychology research. *Revue internationale de psychologie sociale*, 23(1), 25-56.
- Güçük, M. T., & Menu, D. (2016). Vous Et Nous ; La Turquie attaquée ; Nos prisons débordent ; NOUSRECTIFIONS. *Le Temps*.
- Guidère, M. (2016). Internet, haut lieu de la radicalization. *Pouvoirs*, (158), 115-123.
- Haimzadeh, P. (2016). Un dialogue national instrumentalisé par les Occidentaux. Vers une nouvelle intervention en Libye ? *Le Monde diplomatique*.
- Haras R. & Nikita M. (2015). Caliphettes: Women and the Appeal of Islamic State ». Quilliam Foundation. <https://www.quilliamfoundation.org/wp/wp-content/uploads/publications/free/caliphettes-women-and-the-appeal-of-is.pdf>
- Hecker, M. (2007). Al Qaïda. *Études*, 407(11), 440-450.
- Hecker, M. (2015). *Web social et djihadisme : du diagnostic aux remèdes*. Retrieved from <http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/fs57hecker.pdf>
- Hegghammer, T. (2006). Combattants saoudiens en Irak : modes de radicalisation et de recrutement. *Cultures & conflits*, (64), 111-126. <https://doi.org/10.4000/conflits.2128>
- Heisbourg, F. (2016). *Comment perdre la guerre contre le terrorisme*. Stock.
- Helly, D., & Nadeau, F. (2015). Radicalisation : ce qu'on refuse de voir. *Relations*, (781), 23-25.
- Hénin, N. (2015). *Jihad Academy*. Fayard.
- Henry, J.-R., Groc, G., & Institut de recherches et d'études sur le monde arabe et musulman (dir.). (2000). *Politiques méditerranéennes : entre logiques étatiques et espace civil : une réflexion franco-allemande*. Paris, France : Karthala-IREMAM.
- Hervouet, G., & Campana, A. (dir.). (2013). *Terrorisme et insurrection : évolution des dynamiques conflictuelles et réponses des États*. Québec, QC: Presses de l'Université du Québec.
- Hmed, C. (2012). Réseaux dormants, contingence et structures : genèses de la révolution tunisienne. *Revue française de science politique*, 62(5), 797. <https://doi.org/10.3917/rfsp.625.797>

- Hoffmann, N. (2002). La radicalisation de l'islam : un facteur de déstabilisation en Asie du Sud-Est ? *Politique étrangère*, 67(1), 115-133. Retrieved from http://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_2002_num_67_1_5161#polit_0032-342X_2002_num_67_1_T1_0124_0000
- Hussein, H. & Moreno Al-Ajamî, C. (2016, février 24). Le djihad fantasmé de Daesh. Retrieved from <https://cdradical.hypotheses.org/15>
- Hussein, H. (2015). La télévision et la transformation de l'éthique islamiste : les présentatrices niqabées sur les chaînes salafistes satellitaires arabes. *Recherches féministes*, 28(2), 223.
- Institut national des hautes études de la sécurité et de la justice (INHESJ). (2015). *La radicalisation violente. La documentation française*. Available from <http://livre.fnac.com/a7933506/Collectif-La-radicalization-violente>
- Jones, D. (2012). *On a tous à y gagner : la révolution des médias sociaux, bien faire et faire le bien*. Pearson.
- Jordi, T. G. (2009). *Syria's Kurds*. Routledge.
- Jouanneau, S. (2016). Qui sont les hommes qui guident le culte musulman ? Une affaire d'État ? *Le Monde diplomatique*.
- Kasiki S. (2016). *Dans la nuit de Daesh, confessions d'une repentie*. Paris : Éditions Robert Laffont.
- Kéita, S. (2008). Isabelle Garcin-Marrou, Des violences et des médias. Paris, Éd. L'Harmattan, coll. Questions contemporaines, 2007, 285 p. Questions de communication, (14), 349-352.
- Kepel, G. (2013). Merah-Tsarnaev, même combat, même impact. *Le Temps*.
- Khosrokhavar, F. (2003). Islam et nouvelles formes de racisme. *Agora débats/jeunesses*, 32(1), 54-63. <https://doi.org/10.3406/agora.2003.2094>
- Khosrokhavar, F. (2015). *Radicalisation*. Les Éditions de la MSH.
- Kodmani, H. (2014). Le « djihadistan », un système totalitaire loin d'être improvisé. *Le Temps*.
- Kraidy, M. M. (2012). Les médias en Arabie saoudite. *Anthropologie et Sociétés*, 36(1-2), 181-200. <https://doi.org/10.7202/1011723ar>
- L'Heuillet, H. (2016). Radicalisation et terrorisme. *Cités*, (66), 123-136.
- Laffont. (2015). Création d'un Observatoire sur la radicalization et l'extrémisme violent. Retrieved from <http://www.45enord.ca/2015/02/creation-dun-observatoire-sur-la-radicalization-et-lextremisme-violent/>
- Landau, P. (2008). Pour Allah jusqu'à la mort : enquête sur les convertis à l'islam radical: document. Rocher.
- Larouche, J.-M. (2003). *Reconnaissance et citoyenneté : au carrefour de l'éthique et du politique*. Presses de l'Université du Québec.
- Lasseur, M. (2006). Cameroun : Afrique contemporaine, (215), 93-116.
- Lavorel, S. (2005). *Les constitutions arabes et l'Islam : les enjeux du pluralisme juridique*. Presses de l'Université du Québec.
- Leblanc, M. N., Fortin, S., & Le Gall, J. (2008). Être musulman en Occident après le 11 septembre : présentation. *Diversité urbaine*, 8(2), 5-11. <https://doi.org/10.7202/000307ar>
- Leclercq, C., Lamghari, Y., Coolsaet, R., Torrekens, C., & et al. (2016). Revue l'observatoire, 86. Radicalisme violent, comprendre, prévenir... Liège : ASBL L'Observatoire.

- Lefebvre, T. (2004). Stopub : analyse provisoire d'un rhizome activiste. *Multitudes*, no 16(2), 85-97.
- Legrain, T. (2016). L'utilisation des réseaux sociaux par les bandes criminelles. *Sécurité globale*, (1), 97-111.
- Lema, L. (2016). Lutte contre la radicalisation : place à l'hyperlocal. *Le Temps*.
- Leveau, R., Mohsen-Finan, K., & Institut français des relations internationales (dir.). (2005). *Musulmans de France et d'Europe*. Paris: CNRS Éditions.
- Luizard, P.J. (2015). *Le piège Daech. L'État islamique ou le retour de l'histoire*. Paris : La Découverte.
- Lunel, R. W. (2015). À Lunel, fabrique de djihadistes français. *Le Temps*.
- La Maçonne. (2015). Radicalisation à l'islam : un long processus. Retrieved from <http://lamarcaonne.over-blog.com/2015/11/radicalization-a-l-islam-un-long-processus.html>
- Macleod, A. (2016). La culture populaire visuelle : un espace à explorer pour les études critiques de sécurité. *Cultures & Conflits*, (102), 17-32.
- Mahathir, M. (2011). La Malaisie se radicalise : danger. *Le Temps*.
- Maillart, J.-B. (2015). L'illégitime défense de la France contre Daech en Syrie. *Le Temps*.
- Malbrunot, G. (2015). Abu Dhabi vs Koweït : les deux faces du Golfe. *Outre-Terre*, (44), 164-169.
- Mannoni, P., & Bonardi, C. (2003). Terrorisme et mass médias. *Topique*, (83), 55-72.
- Martinez, L. (2008). Structures, environnement et basculement dans le jihadisme, 133-156. <https://doi.org/10.4000/conflits.10912>
- Marzouki, M. (2015). Moncef Marzouki : « Ne laissons pas s'installer un discours de haine ». *Le Temps*.
- Mcdougall, J. (2009). « Soi-même » comme un « autre ». Les histoires coloniales d'Ahmad Tawfiq al-Madani (1899-1983). *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, (95), 95-110. <https://doi.org/10.4000/remmm.228>
- Melyani, M. (2015). *Printemps arabe : entre le pire des scénarios et l'aspiration à la citoyenneté*. Éditions L'Harmattan.
- Mennucci, P., & djihadistes, commission d'enquête sur la surveillance des filières et des individus. (2015). *Rapport d'enquête de la commission d'enquête sur la surveillance des filières et des individus djihadistes : « Face à la menace djihadiste, la République mobilisée »*. Assemblée nationale.
- Merzouk, M. (1997). Quand les jeunes redoublent de férocité : l'islamisme comme phénomène de génération. *Archives des sciences sociales des religions*, 97(1), 141-158. <https://doi.org/10.3406/assr.1997.1127>
- Meyran, R. (2016). Comment devient-on jihadiste ? *Alternatives économiques*, (353), 28.
- Meyran, R. (2016). Qui sont les djihadistes français ? Retrieved from <https://generationbethune.wordpress.com/2016/01/11/qui-sont-les-djihadistes-francais/>
- Migaux, P. (2009). *Le terrorisme au nom du Jihad*. André Versaille/Renaissance du livre.
- Mohammad-Arif, A. (2000). Salam America : l'islam indien en diaspora.

- Moniquet, C. (2015). *Djihad : d'Al-Qaida à l'État Islamique, combattre et comprendre: document*. La Boîte à Pandore.
- Mouline, N. (2015). Aux racines du djihadisme. Surenchères traditionalistes en terre d'islam. *Le Monde diplomatique*.
- Murray, P. (2002). *Chers djihadistes—*. Mille et une nuits.
- Nabhan M. (2014, octobre 19). Niqab et Kalachnikov : le jihad au féminin, face cachée de Daesh. *Huffington Post*. Retrieved from http://www.huffingtonpost.fr/myrna-nabhan/role-femmes-etat-islamique_b_5994028.html
- Najar, S. (dir.). (2013). *Les réseaux sociaux sur Internet à l'heure des transitions démocratiques*. KARTHALA Éditions.
- Napoleoni, L. (2015). *L'État islamique : multinationale de la violence*. Calmann-Lévy.
- Ney, J.-P. (2015). *Pourquoi ils font le Djihad. Enquête sur la #générationmerah*. Artège.
- Nicolas, A., & Philippe, F. (2010). *Le mouvement de la résistance islamique, Hamas*.
- Nivat, A. (2006). *Islamistes: comment ils nous voient*. Fayard.
- Orfali, B. (2012). *La banalisation de l'extrémisme à la veille de la présidentielle : radicalisation ou dé-radicalisation?* Éditions L'Harmattan.
- Østebø, T. (2009). Une économie salafite de la prière dans la région du Balé en Éthiopie. *Afrique contemporaine*, 231(3), 43. <https://doi.org/10.3917/afco.231.0043>
- Oualdi, M., Karoui, D. P.-E., & Verdeil, C. (2014). *Les ondes de choc des révolutions arabes*. Presses de l'Ifpo. <http://books.openedition.org/ifpo/6686>
- Pérouse de Montclos, M.-A. (2012). Boko Haram et le terrorisme islamiste au Nigéria: insurrection religieuse, contestation politique ou protestation sociale? *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2282542>
- Peyry, Y.-M. (2016). *Menaces cybernétiques: Le manuel du combattant*. Artège.
- Pradal, F. (2012). Plongée dans l'Égypte rebelle. Suez entre salafisme et révolution. *Le Monde diplomatique*.
- Puchot, P., & collectif. (2016). *Les Frères musulmans et le pouvoir*. Galaade Éditions.
- Racine, J.-L. (2000). Le Pakistan après le coup d'État militaire : sortie de crise, enlèvement ou radicalisation? *Critique internationale*, 7(1), 22–29. <https://doi.org/10.3406/criti.2000.1556>
- Raflik, J. (2016). *Terrorisme et mondialisation. Approches historiques*. Éditions Gallimard.
- Rangoun, B. P. Envoyé spécial à. (2014). L'ultra bonze. *Le Temps*.
- Rey, P. (2015). *Qui est daech? Comprendre le nouveau terrorisme*. Philippe Rey.
- Rioux, C. (2004). Antiterrorisme. *L'Actualité*, 29(8), 18.
- Roche, Y., & Jouve, B. (dir.). (2006). *Des flux et des territoires : vers un monde sans États?* Québec, QC: Presses de l'Université du Québec.
- Roudinesco, E. (2014). L'islam sur le divan. *Le Temps*.
- Rougier, B. (2004). L'islamisme face au retour de l'islam ? *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, (82), 103–118.

- Rougier, B. (2004). *Le Jihad au quotidien*. Presses Universitaires de France.
- Roy, O. (2002). *L'islam mondialisé*. Seuil.
- Saada, J. (2009). Médias et Internet dans le monde arabe : une opportunité pour Barack Obama ? *Confluences Méditerranée*, 69(2), 127. <https://doi.org/10.3917/come.069.0127>
- Sabine, L. (2005). *Les constitutions arabes et l'Islam*. Presses de l'Université du Québec.
- Schott, C. (2014). Les Cahiers de la sécurité et de la justice, ISSN 2427-1950. La radicalisation violente. Paris, France : La documentation française.
- Seniguer, H. (2013). Terrorisme(s), islamisme(s) et violences politiques dans le monde musulman contemporain. *Confluences méditerranée*, 85(2), 177. <https://doi.org/10.3917/come.085.0177>
- Seniguer, H. (2015). Communauté, « communautarisme » et islam en France : y a-t-il un « communautarisme » musulman ? *Droit social*, (9), 664.
- Serres, D., & Cluzeau, A. (s. d.). La Cybercriminalité nouveaux enjeux de la protection des données – Memoire Online. Consulté 17 septembre 2016, à l'adresse http://www.memoireonline.com/04/09/2033/m_La-Cybercriminalite-nouveaux-enjeux-de-la-protection-des-donnees3.html
- Sossie, A. (1990). Sellam (S.) Être musulman aujourd'hui. *Archives de sciences sociales des religions*, 72(1), 298.
- Sounaye, A. (2012). Heirs of the Sheikh Izala and its Appropriation of Usman Dan Fodio in Niger. *Cahiers d'études africaines*, N206-207(2), 427-447.
- Spitaels, G. (2005). *La triple insurrection islamiste*. Luc Pire Éditions.
- Stener, C. (2015). *Exposée: Djihad 4.0*. Bod – Books on Demand.
- Tavernier, A. (2001). Isabelle Garcin-Marrou : terrorisme, médias et démocratie. *Études de communication. Langages, information, médiations*, (24), 147-149.
- Thomson, D. (2014). *Les Français jihadistes*. Les Arènes.
- Tournier, V. (2011). Modalités et spécificités de la socialisation des jeunes musulmans en France. Résultats d'une enquête grenobloise. *Revue française de sociologie*, 52(2), 311-352.
- Trévidic, M. (2013). *Terroristes*. JC Lattès.
- Valeri, M. (2014). « J'ai respiré l'air de la liberté. » La légitimation autoritaire au Bahreïn et en Oman à l'épreuve du « printemps arabe ». *Critique internationale*, (61), 107-126.
- Vignolle, F., & Ahmed-chaouch, A. (2014). *La France du Jihad*. Éditions Du Moment.
- Warren, M. J. (1998). Cyber terrorism (p. 429-438). Présenté à SEC '98 : international conference on information security. Consulté à l'adresse <http://cat.inist.fr/?Amodele=affiche&cpsidt=1810385>
- Wybo, J., Gouffas, C., Freyssinet, É., & Lions, P. (2015). L'impact des réseaux sociaux dans la gestion des crises et le cybercrime. *Sécurité et stratégie*, 18(3), 37-43.
- Zeghal, M. (2002). Les usages du savoir et de la violence : quelques réflexions autour du 11 septembre. *Politique étrangère*, 67(1), 21-38. <https://doi.org/10.3406/polit.2002.5153>
- Zünd, C. (2016). Comment préparer un acte terroriste depuis la Suisse via Skype et Facebook. *Le Temps*.

- Abou Haniyya H. & Abou Rommane M. (2015), L'organisation de l'Etat islamique ... la crise sunnite et le conflit sur le djihad globalisé, Amman, Frederich Epot. (juin 2015), « La montée de l'Etat islamique... les fondements et les causes » (article d'opinion). Consulté à l'adresse <http://all4syria.info/Archive/225449> (janvier 2015), « L'arsenal médiatique de l'Organisation de l'Etat islamique : l'armée électronique du califat » (article d'opinion), Arabi21.
- Abtadoun Chafei (mai 2016), « L'organisation de l'Etat en Somalie : entre l'illusion et la réalité », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Achour O. (juillet 2015), « L'organisation de la 'province de Sinaï' : l'essor militaire et les conséquences politiques » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies. (mars 2016), « Les secrets de la résilience et du combat de l'Organisation de l'Etat » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies. Consulté à l'adresse <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2016/03/160310072841655.html>
- Al-Ahmad A. (février 2015), « Daesh... la troisième génération des groupes terroristes » (article d'opinion), Al-Riyad. Consulté à l'adresse
- Al-Amari A. (octobre 2014), « Les recrutées de Daesh » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4019390>
- Al-Azbawi Y. (dir., 2015), Daesh. Études de la structure de l'organisation, La Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Al-Amin H. (juin 2016), « Daesh aux Etats-Unis » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Al-Amir Ould Sidi A. (mars 2015), « Bokoharam et la juxtaposition des contextes », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Alaoui al-Cheikh al-H. (février 2016), « Le conflit entre Al-Qaeda et l'Organisation de l'Etat en Afrique », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Demni B. (mai 2016), « Les tunisiens luttent contre le terrorisme » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Diwani A. (septembre 2014), « La coalition internationale contre Daesh : le rôle et les problématiques » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/11263>
- Al-Hachimi H. (2015), Le monde de Daesh. De la genèse à la restauration du califat, Bagdad, Dar Babel & Dar al-Hikma.
- (août 2015), « L'Organisation de l'Etat (Daesh) : la suite ou la fin » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies. Consulté à l'adresse <http://studies.aljazeera.net/ar/issues/2015/08/201581085853684278.html>
- Al-Hinnachi A. (mai 2015), « Le terrorisme globalisé : les combattants tunisiens en Syrie », Chourouf Hanaa (review), National Center for Research & Opinion Poll, Tunis.
- Al-Kabissi Y. (mai 2013), « Lesalafisme en Iraq » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Khayoun R. et d'autres (dir., 2015), La lutte contre le terrorisme. Concepts, stratégies et modèles, Dubaï, Al Mesbar Studies & Research Center.
- Al-Mo'addib H. (mars 2015), « Le terrorisme en Tunisie : entre la fragilité de la situation intérieure et les complications de la situation régionale », Beyrouth, Carnegie Middle East Center.

- Al-Mtiri M., Al-Qahtani et d'autres (2015), « Le pouvoir invisible de dans les nouveaux médias » (étude), Arabie saoudite, Université du roi Saoud.
- Al-Samadi F. (dir., novembre 2014), « L'Organisation de l'Etat : la genèse, l'impact et l'avenir » (dossier), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Kanouri Id. (date ?), « L'Etat virtuel... la stratégie médiatique de Daesh », Rawabet Center.
- Al-Khatib L. (juin 2015), « La stratégie de l'Organisation de l'Etat islamique » (étude), Carnegie Middle East Center, Beyrouth.
- Al-Mo'addib H. & Fahmi G. (octobre 2015), « Le marché du djihad : la radicalization en Tunisie » (étude), Beyrouth, Carnegie Middle East Center.
- Al-Mostafa H. (avril 2016), « L'Etat de Daesh et Ibn Khaldoun » (article d'opinion), Al-Arabi al-Jadid. Consulté à l'adresse <https://www.alaraby.co.uk/opinion/2016/4/28/نباو-شعاع-خلود-1-نودلخ>
- (octobre 2014), « Daesh s'étend » (article d'opinion), Al-Arabi al-Jadid. Consulté à l'adresse <https://www.alaraby.co.uk/opinion/2014/10/29/ددمنتت-شعاع-ءافحلا-دض-فلاحتلا>
- Al-Mostafa H. et Al-Hays A. (août 2014), « La psychologie de Daesh » (étude), Arab and International Relation Forum. Consulté à l'adresse <http://fairforum.org/wp-content/uploads/2014/08/شعاع-ايجولو كيس.pdf>
- Al-Othaymin I. (2015), « Daesh... la propagande médiatique et la construction de l'imaginaire » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse www.alyaum.com/article/4089740
- Al-Qasir Kamal (juin 2015), « L'Organisation de l'Etat en Lybie » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Arif M. N. (juillet 2016), « La lutte cognitive contre la violence argumentée par la religion » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/40297>
- Atif A. (février 2015), « Comment combattre le nouveau cancer terroriste ? » (dossier), Dubaï, Futur Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.futurecenter.ae/analys.php?analys=394>
- 'Atwan A. (2015), L'Etat islamique : les origines, la sauvagerie et l'avenir, Beyrouth, Dar al-Saqi.
- Bchara A. (mai 2015), « A propos de ce qu'on appelle radicalization » (éditorial), Politiques arabes, (14).
- Chams M. (janvier 2016), « L'idéologie de l'Organisation de l'Etat » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Charfi M. (2015), La sortie de la radicalization. Non pour la perte de l'identité, Alger, Dar-al-Qasaba.
- Daoud H. (hiver 2016), « Les tribus irakiens en terre de djihad » (article), Omran, (15).
- Eid Badri Mohamed (juillet 2015), « 'Daesh' et la sécurité du Golfe : d'une menace probable au danger réel », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Habib K. (septembre 2014), « Le monde lutte contre la sauvagerie de Daesh » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/11205>

- Hachem A. (date ?), « Entre les pauvres et les musulmans : les quatre erreurs autour du terrorisme dans le monde » (dossier), Le Caire, Centre régional pour les études stratégiques. Consulté à l'adresse <http://rsgleb.org/modules.php?name=News&file=article&sid=675>
- Hassan Hassan (juin 2015), « L'Organisation de l'Etat islamique : les origines idéologiques et le contexte politique » (étude), Carnegie Middle East Center, Beyrouth.
- Hassan Harith (juin 2015), « L'organisation de l'Etat en Iraq. Au cœur des failles du système politique » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Ibrahim M., Assila S. & Aliba A. (janvier 2015), « Sinaï et le terrorisme : entre les priorités de la sécurité nationale et les nécessités de la sécurité régionale », Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/36595>
- Imad A. (2016). Le salafisme et les salafistes. L'identité et la distinction. Une lecture de l'expérience libanaise, Beyrouth, Centre de la civilisation pour le développement de la pensée islamique.
- Ismail J. (décembre 2015), « Les nouvelles provinces : 'Daesh' en Asie centrale » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Jassim S. (avril 2015), « Les djihadistes d'Indonésie : du mouvement de Dar-al islam à l'organisation de l'Etat » (dossier), Doha, Al-Jazeera Center for Studies, Doha. Consulté à l'adresse <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2016/04/160404071800641.html>
- Khachana R. (septembre 2015), « L'extension de Daesh en Afrique du Nord » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Kamel M. (octobre 2015), « Daesh en Arabie saoudite » (étude), Bagdad, Al-Nahrain Center for Strategic Studies. Consulté à l'adresse <http://www.alnahrain.iq/?p=2660>
- Khajiqchi J. (mars 2016), « L'armée des djihadistes qui combattent Daesh » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Khalid G. (2015), Daesh. Du califat de l'Etat à l'Etat du califat, Beyrouth, Al-Forat (dist.).
- Kharbouch M. S. (juin 2016), « De la légitimité révolutionnaire à Daesh : Les politiques des révolutionnaires arabes et l'émergence des Daeshiens » (rapport), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/40272>
- Legrand Philex (juillet 2014), « La stratégie colonisatrice de Daesh en Syrie », Paris, Arab Reform Initiative.
- Makram R. (juillet 2015), « Les médias djihadistes : comment les organisations djihadistes investissent les nouveaux médias », Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse http://www.rcssmideast.org/Article/3605/رسم-يف-قيداهجلا-تاعامجلا-فظوت-فيك-لناسو-#تثيدحلا-مالعالا-V_UGg2W1vww
- Mas'oud Belhaj A. (date ?), « Le terrorisme islamisé : la crime contre l'humanité », Londres, Center for Strategic and Diplomatic Studies.
- Mnaymneh H. (juin 2016), « Désamorcer l'héritage de l'Organisation de 'l'Etat islamique' » (article semi-académique), Washington Institute. Consulté à l'adresse <http://rawabetcenter.com/archives/28455>
- Mohamed al-Hajj S. (dir.), Le salafisme djihadiste en Tunisie, Tunis, Tunis, Centre tunisien des études stratégiques, 2014.

- Mohamed K. (novembre 2014), « Le recrutement via les réseaux sociaux. Les combattantes de Daesh » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4030338>
- (novembre 2014), « Les lionceaux du Tawhid'... Daesh implique les enfants dans la radicalization et le terrorisme » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4025641>
- Mohyeddine C. (juin 2016), « La radicalité égyptienne. Les motivations des jeunes pour la violence armée », Paris, Arab Reform Initiative.
- Nabil O. (janvier 2015), « Les atrocités de Daesh » (rapport), Observatoire d'Al-Azhar. Consulté à l'adresse <http://www.azhar.org/observer/Reports/ArtMID/2209/ArticleID/142/شعاع-شحاو فلا-باكثر او>
- Omar K. (avril 2014), « La Lybie : les entités politiques et militaires dans le conflit politique » (étude), Arab and International Relation Forum. Consulté à l'adresse <http://fairforum.org/wp-content/uploads/2015/04/libya.pdf>
- Onowa F. (mars 2015), « Bokoharam et les 'suicidaires' de Nigéria » (rapport, Mohamed al-Mostafa, trad.), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Qabalane M. (janvier 2015), « La montée de l'organisation de l'Etat et les transformations du système régional au Machreq », Politiques arabes, (12)
- Qarami A. (juillet 2015), « Le djihad des femmes : le terrorisme au féminin » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/38116>
- Qosay H. (2016), La problématique de la radicalization religieuse dans la pensée arabe contemporaine, Le Caire, Éditions de l'Institut Arabe pour les recherches et les études. Consulté à l'adresse <http://www.alecso.org/site/2016-02-02-13-47-43/726-2016-03-15-19-24-48.html>
- (2016), L'islam radical. Entre le fondamentalisme et la modernité, Damas, Dar-al-Fikr.
- Rachid T. (décembre 2015), « Daesh recule sur le front médiatique » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4106477>
- (février 2016), « Le combat perdu contre Daesh sur les médias sociaux » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4119536>
- (février 2016), « Comment Daesh utilise les nouveaux médias ? » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4121027>
- Sakhi G.A. (dir., 2015), Le terrorisme. Le modèle de Daesh, Les Cahiers d'Al-Nahrain, (2). Consulté à l'adresse <https://drive.google.com/file/d/0B0unzeP74kahNW5oQ1dTR1VqcFU/view>
- Wahid M. (décembre 2015), « La guerre de l'image : lecture des messages médiatiques de Daesh » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Yahmad H. (2015), Les salafistes djihadistes tunisiens, Tunis, Dar ad-Diwan.
- Yassin A. (juillet 2015), « Lutter contre le terrorisme : le rôle des médias égyptiens » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/39211>
- Zaydane A. (janvier 2015), « L'avenir de l'Organisation de l'Etat en Afghanistan et au Pakistan » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8.

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗБРАННЫХ РАБОТ, ОПУБЛИКОВАННЫХ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- ANI. (1974). India, China will build closer cooperation on challenges of terrorism, extremism: PM Modi. Administrative techniques of rehabilitation facility operations. Charles C Thomas.
- ASA. (2002). China: China's anti-terrorism legislation and repression in the Xinjiang uighur autonomous region. Amnesty International.
- Bai Guanfeng. (2015). 宗教极端思想向妇女和青少年渗透问题研究——以兵团第三师四十四团十八连为例. 兵团党校学报(1), 40-43.
- Chen Haiqiang. (2014). 社交网络与恐怖主义. 中国信息安全(7), 77-78.
- Chen Jin. (2001). 网络对青少年犯罪的影响及防治对策研究. 中国人民公安大学学报(社会科学版) (3), 102-105.
- Chen Kai. (2010). “愤青”与恐怖主义——试析青年参与恐怖活动的意识形态因素. 当代青年研究 (7), 18-25.
- Chen, H. (2007). Exploring extremism and terrorism on the web: the dark web project. Pacific Asia Conference on Intelligence and Security Informatics (Vol.4430, pp.1-20). Springer-Verlag.
- Communication & Society, 151-67
- Du Juan. (2016). 当前我国网络恐怖主义的特点，原因及对策——以恐怖活动新变化为切入点. Journal of Yunnan Police College.
- Ely Karmon. (2009). Pakistan, the Radicalization of the Jihadist movement and the challenge to China. Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia).
- Feng Hua. (2009). 近年新疆周边伊斯兰极端主义与新疆稳定问题研究. (Doctoral dissertation, 新疆师范大学).
- Geng, L., Ming-Li, L. I., & University, X. (2016). Beneficial enlightenment of governance religious extremism in Uzbekistanon combat extramalization in China. Journal of Hebei United University.
- Gunaratna R., Acharya A., & Wang P. (2010). Hui Muslims: The milieu of radicalization and extremism. Palgrave Macmillan US.
- Heathershaw, J., & Montgomery, D. W. (2014). The myth of post-Soviet Muslim radicalization in the Central Asian republics. Chatham House, 11.
- IPAC. (2015). Online activism and social media usage among indonesian extremists : Report No.24. Institut for policy analysis of conflict
- Jiang Yanhong. (2005). 网络对青少年心理的影响及对策. 希望月报 (18).

- Jin Y.J. (2014). 宗教极端主义的产生和特点. 中国宗教(6), 20-23.
- Khalid, I., & Leghari, M. E. (2014). Radicalization of youth in Southern Punjab. *South Asian Studies*. 2014, 29
- Laura Aralbayeva (Li Zhang). (2011). 宗教与政治极端主义及其在中亚的扩散. (Doctoral dissertation, 浙江大学).
- Lefevre, C. (2014). Extremist social media use in Indonesia (research analysis). <https://globalpublicpolicywatch.org/category/social-media/>
- Le Yuan, Yang Boxu. (2010). 网络极化现象研究——基于四个中文bbs论坛的内容分析. 青年研究 (2), 1-12.
- Li J., Zhao Y. (2015) 新疆地区宗教极端主义与民族分裂主义的来源与发展. *Journal of People's Public Security University of China (Social Sciences Edition)*.
- Li Xiuxiu. (2016). 社交媒体上的恐怖活动研究. (Doctoral dissertation, 华东政法大学).
- Li Yuxiao, Zhou Shuya. (2014). 印度极左翼恐怖主义研究. 青年科学月刊 (8), 197-197.
- Lin Ziqing. (2015). 盘点：东突在中国的15次重大恐怖袭击. 新浪历史。
- Liu Ting. (2016). 新媒体恐怖主义及应对策略探析。陕西社会主义学院学报，2016(3).
- Liu Ting. (2016). 社交媒体恐怖主义及招募策略探析. 中央社会主义学院学报 (4), 107-111.
- Liu Xiaomei. (2015). 刍议青少年暴恐犯罪新动态. 青少年犯罪问题 (6), 60-66.
- Liu Zaiqi. (2006). 中亚伊斯兰恐怖主义问题探析. 求索 (6), 103-105.
- Liu Zhenpeng. (2011). 新疆恐怖活动犯罪的特点与控制措施. (Doctoral dissertation, 吉林大学).
- Liu, G. S., & Yan-Xia, L. I. (2006). Cyber terrorism and its prevention. *Journal of Shandong Police College*.
- Lv Chenmei. (2015). 新时期印度尼西亚反恐困境和策略. 东南亚纵横 (6), 37-41.
- M Yusuf. (2008). Prospects of youth radicalization in Pakistan: Implications for U.S. policy. Brookings Institution.
- Ma Y. & Wang J. P. (2003). 中亚的恐怖主义探源. 世界经济与政治 (2), 39-44.
- Mao Xinjuan, Zhang Zhou & Wang Shaojie. (2016). “东突”分裂势力对新疆青少年渗透活动特点及其应对. 中国人民公安大学学报(社会科学版), 32(1), 42-47.
- Nakhleh, E. A., Sakurai, K., & Penn, M. (2008). Islam in Japan: A Cause for Concern? *Asia policy*, (5), 61-104.
- O'Brien, K. J., & Deng, Y. (2015). Repression backfires: tactical radicalization and protest spectacle in rural china. *Journal of Contemporary China*, 24(93), 457-470.
- Osman, M.N.M (2016). ISIS and Islamic Radicalization in Southeast Asia. *Georgetown Journal of Asian Affairs*, Online https://asianstudies.georgetown.edu/sites/asianstudies/files/files/upload/gjaa._2.2_osman.pdf
- Penn, M. (2008). Public faces and private spaces: Islam in the Japanese context. *Asia policy*, 5(1), 89-104.
- Pu Shi Institute for Social Science <http://www.pacilution.com/>

- Qian Lu. (2015). DAESH 青少年招募机制探析. (Doctoral dissertation, 云南大学).
- Ramakrishna K. (2011). The four mutations of violent muslim extremism in Southeast Asia: Some implications for a cognitive immunization policy. *Asia Policy*, 12(12): 13-19.
- Ruisheng Li. (2016). 塔吉克斯坦恐怖主义犯罪及其预防研究. *犯罪研究* (3).
- Sakurai, K. (2008). Muslims in contemporary Japan. *Asia policy*, 5(1), 69-87.
- Shan W. & Ping X. J. (2014). Rising terrorism and China's new policy in Xinjiang. *East Asian Policy*, 06(4), 113-126.
- Shen X. C. & Yang S. (2014). 当代西方恐怖主义激进化研究主要路径述评. *兰州大学学报(社会科学版)*, 42(3), 36-43.
- Shu Hongshui, Wang Gang. (2016). 对我国网络恐怖主义犯罪的探讨. *Journal of Shandong Police College*.
- Sun Xianwei & Zhai Jinpeng. (2008). “东突”恐怖主义活动发展特点及防范打击对策. *中国人民公安大学学报(社会科学版)*, 24(4), 21-26.
- Sun, D. (2010). China and the global jihad network. *Journal of the Middle East & Africa*, 1(2), 196-207.
- Wang Chuanmei. (2013). 中国西部民族地区恐怖主义犯罪心理分析及其预防. *犯罪研究* (2), 66-71.
- Wang Fei. (2015). 伊斯兰教宗教极端思想新媒体传播的特点. *青年记者* (36), 88-89.
- Wang Juanjuan & Yang Wenwu. (2014). 马尔代夫恐怖活动的特点、原因与马政府的应对. *现代国际关系* (8)
- Wang, G. (2012). An analysis of cyber-terrorism under the international relations theory. *Journal of Chongqing Jiaotong University*, 122(15).
- Wang, X. (2016). Cyber-terrorism and cyber-security cooperation under the one belt and one road initiative. *Global Review*.
- Wei Wu. (2009). 简述中亚地区面临的恐怖主义威胁. *青年科学* (3).
- Wei Yingjie. (2008). 东突势力与中亚伊斯兰极端势力比较研究. (Doctoral dissertation, 兰州大学).
- Wo Xiaojing. (2016). 从源头切断恐怖主义的网络传播。 *中国社会科学报*。
- Wu Hao. (2015). 恐怖主义幽灵袭扰下的欧盟国家反恐政策——以青年群体为视角. *中国青年研究* (8), 111-116.
- Wu Y. G. (2002). 伊斯兰原教旨主义、宗教极端主义与国际恐怖主义辨析. *国外社会科学* (1), 14-20.
- Wu Y. G. (2004). 宗教极端主义的成因与态势. *中国宗教* (2), 12-13.
- Xiao, E. (2016). Behind the scenes: here's why your VPN is down in China. *Technode*, Mar 17
- Xenos, M., A. Vromen, & B.D. Loader. (2014). The Great Equalizer? Patterns of Social Media Use and Youth Political Engagement in Three Advanced Democracies. *Information*,
- Yang S. (2014). “三股势力”已合成一体当前恐怖活动新特点新动向. *人民论坛* (16), 42-43.
- Yang S. (2016). 2015年伊斯兰极端主义新特点. *人民论坛* (3), 64-65.

- Yang S. (2017). 国际恐怖主义新特征. 人民论坛 (1).
- Yang S. & Jiang H. J. (2014). 伊斯兰复兴和伊斯兰极端主义. 新疆师范大学学报哲学社会科学版 (2), 59-64.
- Yang S. & Jiang H. J. (2014). “圣战派萨拉菲”在中亚的活动及其影响. 现代国际关系 (5), 39-46.
- Yang S. & Li Y. F. (2008). 中亚伊斯兰极端主义. 俄罗斯中亚东欧研究. (5), 62-70.
- Yang S. & Lin Y. F. (2008). 中亚伊斯兰极端主义. 俄罗斯东欧中亚研究 (5), 62-70.
- Yang S. & Xu H. (2004). 全球化时代的新恐怖主义. 兰州大学学报(社会科学版), 32(6), 6-13.
- Yang S., Jiang H. & Wang H. (2014). The activities of “jihadists salafi” and its influence on Central Asia. *Contemporary International Relations*, 24(5), 96-113.
- Yong, P. I. (2004). Research on cyber-terrorism crime & its control method. *Wuhan University Journal*.
- Yu, Y. (1993). The radicalization of china in the twentieth century.
- Zaman, R., & Mohammadi, A. A. (2014). Trends in Student Radicalization across University Campuses in Afghanistan. *Afghan Institute for Strategic Studies*.
- Zhang Chi. (2013). 新疆极端势力内控报告：近年数次恐袭无当地民众参与。凤凰周刊 2014年6月14。
- Zhao T. (2010). Social cohesion and Islamic radicalization: Implications from the Uighur insurgency. *Journal of Strategic Security*.
- Zhi-Gang, Y. U., & Guo, Z. L. (2015). Cyberterrorism crimes and responses from laws in China: analysis and reflection based on 100 random cases. *Journal of Henan University*.
- Zhou Ming. (2015). 中亚五国对阿富汗局势的应对:历史与趋势. 南亚研究 (2), 115-138.
- Zhou X. Y. (2004). 论中亚“三股势力”对中国西部新疆安全的影响. (Doctoral dissertation, 新疆大学).
- Zhou Xiefan. (2002). 恐怖主义与宗教问题. 西亚非洲(1), 33-38.
- Zhu Y. B. & Yang S. (2006). 网络恐怖主义问题初探. 中州学刊(5), 140-142.
- Zhu Y. B. & Yang Y. A. (2010). 阿富汗安全形势及其对中亚的影响. 兰州大学学报社会科学版, 38(5), 60-66.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9.

ОБЩАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ДОКУМЕНТОВ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

- Abazid A. (juillet 2014), « Le paysage syrien après Deir ez-Zor : l'Etat, Al-Nosra et la révolution » (étude), Édition de l'Arab and International Relation Forum. Consulté à l'adresse <http://fairforum.org/research/اوجولايديحتروزلاريددعبيروسلادهشمالا>
- Abdallah M. (janvier 2015), « L'approche culturelle pour étudier les origines cognitives du terrorisme » (dossier), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/36518>
- Abdel Aziz Y. (novembre 2015), « La stratégie médiatique de Daesh » (article d'opinion), Al-Masri al Youm. Consulté à l'adresse <http://www.almasryalyoum.com/news/details/850625>
- Abdel-Aziz Y. (novembre 2015), « Daesh et le combat médiatique » (article d'opinion), DW. Consulté à l'adresse <http://www.dw.com/ar/تلماكنم-تيمالعا-تيجيتار تساب-دعب-هجاوي-مل-شعاعا/a-18878605>
- Abdel-Baqi M. (août 2015), « L'organisation de l'Etat à Khorasan : de la genèse en Afghanistan et de ce qui est advenu » (rapport), Al-Jazeera Center for Studies. Consulté à l'adresse <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2015/08/20158237451156950.html>
- Abdel-Fattah N. (avril 2014), « Les médias et le terrorisme : les visions ambiguës », (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/3703>
- Abdel-Wahid M. (février 2016), « L'organisation de l'Etat sur les côtes libyennes encourage l'intervention internationale », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Abid, N., Aouadi, M., Ben Mohamed, M., Bakhti, A., Djemali, J., Jmila, H., Triki, A. (2011). Le rôle des médias et des TIC dans les « révolutions arabes » : l'exemple de la Tunisie. *Chimères*, 75(1), 219.
- Abou al-Maali M. (juillet 2015), « La concurrence entre 'l'Etat islamique' et 'Al-Qaeda' réchauffe la situation dans le grand désert » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies. Consulté à l'adresse <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2015/07/20157191155358221.html>
- Abou Haniyya H. & Abou Rommane M. (2015), L'organisation de l'Etat islamique... la crise sunnite et le conflit sur le djihad globalisé, Amman, Frederich Epot. (juin 2015), « La montée de 'l'Etat islamique' [...] les fondements et les causes » (article d'opinion). Consulté à l'adresse <http://all4syria.info/Archive/225449> (janvier 2015), « L'arsenal médiatique de l'Organisation de l'Etat islamique : l'armée électronique du califat » (article d'opinion), *Arabi 21*.
- Abtadoun Chafei (mai 2016), « L'organisation de l'Etat en Somalie : entre l'illusion et la réalité », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.

- Achour O. (juillet 2015), « L'organisation de la 'province de Sinaï' : l'essor militaire et les conséquences politiques » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies. (mars 2016), « Les secrets de la résilience et du combat de l'Organisation de l'Etat » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies. Consulté à l'adresse <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2016/03/160310072841655.html>
- Aclimandos, T. (2010). L'islam politique égyptien. *Confluences Méditerranée*, 75(4), 167. <https://doi.org/10.3917/come.075.0167>
- Adams, Josh, & Roscigno, Vincent J. (2005). White Supremacists, Oppositional Culture and the World Wide Web. *Social Forces*, 84(2), 759-778.
- Adams, Josh, & Roscigno, Vincent. (2004/08/14/2004 Annual Meeting, San Francisco). White Supremacists, Oppositional Culture, and the World Wide Web.
- Adrião, K. G., Toneli, M. J. F., & Maluf, S. W. (2011b). O movimento feminista brasileiro na virada do século XX: reflexões sobre sujeitos políticos na interface com as noções de democracia e autonomia. Consulté à l'adresse <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=38121390002>
- Agarwal, Swati, & Sureka, Ashish. (2015). Topic-Specific YouTube Crawling to Detect Online Radicalization Databases in Networked Information Systems (Vol. 8999, pp. 133-151).
- Agarwal, Swati, & Sureka, Ashish. (2015). Using KNN and SVM Based One-Class Classifier for Detecting Online Radicalization on Twitter Distributed Computing and Internet Technology, *Icdcit2015* (Vol. 8956, pp. 431-442).
- Agences. (2014). Une coalition internationale contre l'Etat islamique. *Le Temps*.
- Ahmed Ghotme, R. (2012). Strategic redirection of Al-Qaeda: from the leadership of Osama bin Laden to mass-dimension? *Civilizar Ciencias Sociales y Humanas*, 12(22), 111-128.
- Aistrop, Tim. (2016). Social media and counterterrorism strategy. *Australian Journal of International Affairs*, 70(2), 121-138.
- Akinwumi, Akinbola E. The Banality of the ImMEDIate Spectacle: Globalization, Terrorism, Radical Cultural Denigration, and the Condition of Hollowity (Vol. 3): Bishop's University.
- Al-Ahmad A. (février 2015), « Daesh... la troisième génération des groupes terroristes » (article d'opinion), Al-Riyad. Consulté à l'adresse
- Al-Alaoui al-Cheikh al-H. (février 2016), « Le conflit entre Al-Qaeda et l'Organisation de l'Etat en Afrique », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Amari A. (octobre 2014), « Les recrutées de Daesh » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4019390>
- Al-Amin H. (juin 2016), « Daesh aux Etats-Unis » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Al-Amir Ould Sidi A. (mars 2015), « Bokoharam et la juxtaposition des contextes », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Alarid, M. (2016). Recruitment and Radicalization: The Role of Social Media and New Technology. *Impunity*, May 24, 2016
- Alava, S. (2014). La Francophonie à la croisée des savoirs: l'offre de formations sur la Francophonie dans le monde. In *La langue française dans le monde 2014 : Rapport Organisation Internationale de la Francophonie* (Vol. 2014, p. 323 - 341). OIF.

- Alava, S., & Morales, L. (2015). Usages numériques non formels chez les jeunes et performance scolaire. *Nouveaux cahiers de la recherche en éducation*, 18(2), 138-164.
- Al-Ayadi I.H. (juin 2015), « L'organisation terroriste de Daesh : le droit de protection et de sanction égyptien 1/2 » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/38086>
- Al-Azbawi Y. (dir., 2015), *Daesh. Études de la structure de l'organisation*, La Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Aldémeh, M. (2015b). *Pourquoi nous sommes tous des djihadistes : j'étais en Syrie*. La Boîte à Pandore.
- Al-Demni B. (mai 2016), « Les tunisiens luttent contre le terrorisme » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Diwani A. (septembre 2014), « La coalition internationale contre Daesh : le rôle et les problématiques » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/11263>
- Alghamdi, Hanan M., & Selamat, Ali. (2012). Topic Detections in Arabic Dark Websites Using Improved Vector Space Model. 2012 4th Conference on Data Mining and Optimization (Dmo), 6-12.
- Al-Hachimi H. (2015), *Le monde de Daesh. De la genèse à la restauration du califat*, Bagdad, Dar Babel & Dar al-Hikma.
- Al-Hinnachi A. (mai 2015), « Le terrorisme globalisé : les combattants tunisiens en Syrie », Chourouf Hanaa (review), National Center for Research & Opinion Poll, Tunis.
- Ali, Mohammed Mahmood, Mohammed, Khaja Moizuddin, & Rajamani, Lakshmi. (2014). Framework for Surveillance of Instant Messages in Instant messengers and Social networking sites using Data Mining and Ontology 2014 Ieee Students' Technology Symposium (pp. 297-302).
- Al-Kabissi Y. (mai 2013), « Lesalafisme en Iraq » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Kanouri Id. (date?), « L'Etat virtuel... la stratégie médiatique de Daesh », Rawabet Center.
- Al-Khatib L. (juin 2015), « La stratégie de l'Organisation de l'Etat islamique » (étude), Carnegie Middle East Center, Beyrouth.
- Al-Khayoun R. et d'autres (dir., 2015), *La lutte contre le terrorisme. Concepts, stratégies et modèles*, Dubaï, Al Mesbar Studies & Research Center.
- Allievi, S. (2015). *Les convertis à l'islam – Les nouveaux musulmans d'Europe*. Consulté à l'adresse <http://www.editions-harmattan.fr/index.asp?Navig=catalogue&obj=livre&no=7702>
- Al-Mo'addib H. & Fahmi G. (octobre 2015), « Le marché du djihad : la radicalization en Tunisie » (étude), Beyrouth, Carnegie Middle East Center.
- Al-Mo'addib H. (mars 2015), « Le terrorisme en Tunisie : entre la fragilité de la situation intérieure et les complications de la situation régionale », Beyrouth, Carnegie Middle East Center.
- Al-Mostafa H. (avril 2016), « L'Etat de Daesh et Ibn Khaldoun » (article d'opinion), Al-Arabi al-Jadid. Consulté à l'adresse <https://www.alaraby.co.uk/opinion/2016/4/28/نداء-شعاع-قلود-1-نودلخ>

- Al-Mostafa H. et Al-Hays A. (août 2014), « La psychologie de Daesh » (étude), Arab and International Relation Forum. Consulté à l'adresse <http://fairforum.org/wp-content/uploads/2014/08/شعاع-ايجولو كيس.pdf>
- Al-Mtiri M., Al-Qahtani et d'autres (2015), « Le pouvoir invisible de dans les nouveaux médias » (étude), Arabie saoudite, Université du roi Saoud.
- Al-Othaymin I. (2015), « Daesh... la propagande médiatique et la construction de l'imaginaire » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4089740>
- Al-Qasir Kamal (juin 2015), « L'Organisation de l'Etat en Lybie » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Al-Rowaily, Khalid, Abulaish, Muhammad, Haldar, Nur Al-Hasan, & Al-Rubaian, Majed. (2015). BiSAL – A bilingual sentiment analysis lexicon to analyze Dark Web forums for cyber security. *Digital Investigation*, 14, 53-62.
- Al-Samadi F. (dir., novembre 2014), « L'Organisation de l'Etat : la genèse, l'impact et l'avenir » (dossier), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Alvares, C & Dahlgren, P. (2016) *Populism, Extremism, and Media: Mapping an Uncertain Terrain*. *European Journal of Communication* (in press).
- Amanullah, Zahed, Countering Violent Extremism: Understanding the Role of Former Extremists and Counter Messaging, Institute for Strategic Dialogue, September 2015
- Amble, John Curtis. (2012). Combating terrorism in the new media environment. *Studies in Conflict & Terrorism*, 35(5), 339-353.
- Amghar, S. (2008). Le salafisme en France : de la révolution islamique à la révolution conservatrice, (n° 40). Consulté à l'adresse <http://emridnetwork.org/static/documents/21-mars/3-islam-en-europe/le-salafisme-en-france-de-la-revolution-islamique-a-la-revolution-conservatrice.bfe4c9da50b8.pdf>
- Ammerman, F. Wade. (2012). A Case Study Exploration of Islamic Radicalization in America: Interpretations for Corporate Risk Management. (3519947 Ph.D.), Northcentral University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1030973387?accountid=10246>
- Andre, Virginie. (2012). "Neojihadism" and YouTube: Patani Militant Propaganda Dissemination and Radicalization. *Asian Security*, 8(1), 27-53. doi: 10.1080/14799855.2012.669207
- Andre, Virginie. (2014). The Janus Face of New Media Propaganda: The Case of Patani Neojihadist YouTube Warfare and Its Islamophobic Effect on Cyber-Actors. *Islam & Christian-Muslim Relations*, 25(3), 335-356.
- ANI. (1974). India, China will build closer cooperation on challenges of terrorism, extremism: PM Modi. Administrative techniques of rehabilitation facility operations. Charles C Thomas.
- Antonio Cassese, P. (2015). Terrorisme et lutte armée. *Manière de voir*, N 140(4), 61.
- Appelbaum, J., Müller-Maguhn, A., Zimmermann, J., & Assange, J. (2013). Menace sur nos libertés : Comment Internet nous espionne. Comment résister. Robert Laffont/bouquins/segher.
- Argomaniz, Javier. (2015). European Union responses to terrorist use of the Internet. *Cooperation & Conflict*, 50(2), 250-268.

- Arif M. N. (juillet 2016), « La lutte cognitive contre la violence argumentée par la religion » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/40297>
- ASA. (2002). China: China's anti-terrorism legislation and repression in the Xinjiang uighur autonomous region. Amnesty International.
- Ashour, O. (2010). Online de-radicalization? Counter violent extremist narratives: Message, messenger and media strategy. *Perspectives on Terrorism*, 4 (6).
- Atif A. (février 2015), « Comment combattre le nouveau cancer terroriste ? » (dossier), Dubaï, Futur Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.futurecenter.ae/analys.php?analys=394>
- Atmani, M. (2015). Au coeur de la cyberguerre entre Anonymous et djihadistes. *Le Temps*.
- Atran, Scott, & Sageman, Marc. Connecting the dots. *Bulletin of the Atomic Scientists*, 62(4), 68-68.
- Atton, Chris (2006) 'Far-right media on the internet: Culture, discourse and power'. *New Media & Society* 8(4): 573-587.
- Aubrac, R. (2003). Terroristes ou résistants? *Topique*, 83(2), 7. <https://doi.org/10.3917/top.083.0007>
- Awan, A. N., Hoskins, A., & O'Loughlin, B. (2011). *Radicalization and media: Connectivity and terrorism in the new media ecology*. London; New York: Routledge.
- Awan, Akil N. (2007) 'Virtual Jihadist media: Function, legitimacy and radicalising efficacy'. *European Journal of Cultural Studies* 10(5): 589-408.
- Awan, Akin N. (2007). Virtual jihadist media. *European Journal of Cultural Studies*, 10(3), 389-408.
- Baines, Paul R., O'Shaughnessy, Nicholas J., Moloney, Kevin, Richards, Barry, Butler, Sara, & Gill, Mark. (2010). The dark side of political marketing Islamist propaganda, Reversal Theory and British Muslims. *European Journal of Marketing*, 44(3-4), 478-495.
- Baker, Vicky. (2015). Social disturbance: From digital jihadis to hoaxes and propaganda, a look at how user-generated content lost its innocence. *Index on Censorship*, 44(1), 143-145.
- Bardos, Gordon N. (2014). Jihad in the Balkans. *World Affairs*, 177(3), 73-79.
- Barlett, J., & Miller, C. (2012). The edge of violence: Towards telling the difference between violent and non-violent radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 24 (1), 1-21.
- Barnett, Brett Aaron. (2005). *Untangling the web of hate: Are online 'hate sites' deserving of First Amendment protection?* (3193670 Ph.D.), Bowling Green State University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/305028910?accountid=10246>
- Bartlett, Jamie and Alex Krasodomski-Jones, 'Counter-speech examining content that challenges extremism online', DEMOS, October 2015
- Barzilai-Nahon, Karine, & Barzilai, Gad. (2005). Cultured Technology: The Internet and Religious Fundamentalism. *Information Society*, 21(1), 25-40.
- Barzin, N. (2010). Propagande et attentats-suicide. *Topique*, 111(2), 59. <https://doi.org/10.3917/top.111.0059>

- Bates, Rodger, & Mooney, Mara. (2014). Distance Learning and Jihad: The Dark Side of the Force. *Online Journal of Distance Learning Administration*, 17(3).
- Baudouï, R. (2009). *Géopolitique du terrorisme*. Armand Colin.
- Baumard, P. (2012). *Questions de futur*. CNRS.
- Bchara A. (mai 2015), « A propos de ce qu'on appelle radicalization » (éditorial), *Politiques arabes*, (14).
- Beaule, S. (2000a). Il n'y a que des cauchemars et des angoisses, des delires... : lecture de la nouvelle fantastique et de science-fiction quebécoise depuis 1980. *University of Toronto Quarterly*, 69(4), 871.
- Beauvallet, G., Berthet, C., Blecher, L., Bonnet, Y., Daloz, P., Herzog, J., ... Bandini, A. (2014). Lutte contre le terrorisme : Blocage administratif de sites Internet : le Conseil national du numérique propose des alternatives plus efficaces et plus protectrices des libertés. *Conseil national du numérique*.
- Belaala, S. (2008). *Les facteurs de création ou de modification des processus de radicalization violente, chez les jeunes en particulier*. Paris: CEIS.
- Benberrah, M. (2015). *La Tunisie en transition : Les usages numériques d'Ennahdha*. Editions L'Harmattan.
- Benichou, D., Khosrokhavar, F., & Migaux, P. (2015). *Le jihadisme*. EDI8.
- Benjamin, D., Franco, S., & Hecker, M. (2006). Le terrorisme en perspective. *Politique étrangère*, Hiver (4), 887. <https://doi.org/10.3917/pe.064.0887>
- Benkada, S. (2004a). La revendication des libertés publiques dans le discours politique du nationalisme algérien et de l'anticolonialisme français (1919-1954). *Insaniyat*, 25-26, 179.
- Benson, David C. (2014). Why the Internet Is Not Increasing Terrorism. *Security Studies*, 23(2), 293-328.
- Berger, J.M. (2016) "Nazis vs. DAESH on Twitter: A Comparative Study of White Nationalist and DAESH Online Social Media Networks." Program on Extremism or the George Washington University.
- Berger, J. M., and Jonathon Morgan. (2015) "The DAESH Twitter Census: Defining and describing the population of DAESH supporters on Twitter." *The Brookings Project on US Relations with the Islamic World* 3.20.
- Berko, A. (2009). *The path to paradise: The inner world of suicide bombers and their dispatchers*. Washington, DC : Potomac Books.
- Birmingham, Adam, Conway, Maura, McInerney, Lisa, O'Hare, Neil, & Smeaton, Alan F. (2009). Combining Social Network Analysis and Sentiment Analysis to Explore the Potential for Online Radicalization 2009 International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (pp. 231-236).
- Bernard, J., Yann, R., & Jacques, L. (2006). *Des flux et des territoires*. Presses de l'Université du Québec.
- Bernard, P. (2016). David Cameron veut imposer des tests d'anglais aux musulmans. *Le Temps*.
- Bérubé, M. (2015). Social networks, terrorism and counter-terrorism, *Radical and connected. Sécurité et stratégie*, 20(1), 78-80.

- Besson, S. (2015). Pour Al-Qaida, tuer des Occidentaux est une question de survie. *Le Temps*.
- Beyond Propaganda: Cyber Propaganda; From how to start a revolution to how to beat DAESH, Legatum Institute, November 2015
- Bhui, Kamaldeep and Ibrahim, Yasmin (2013) 'Marketing the "radical": Symbolic communication and persuasive technologies in jihadist websites'. *Transcultural Psychiatry* 50(2): 216–234.
- Bhui, Kamaldeep, & Ibrahim, Yasmin. (2013). Marketing the 'radical': Symbolic communication and persuasive technologies in jihadist websites. *Transcultural Psychiatry*, 50(2), 216-234.
- Bibard, L. (2016). *Terrorisme et féminisme : Le masculin en question*. Aube
- Biddle, S. (2015, March 13). *Reddit Is So Racist White Supremacists Are Using it to Recruit*. Retrieved May 18, 2015, from <http://gawker.com/reddit-is-so-racist-white-supremacists-areusing-it-to-1691162974>
- Bizimana, A.-J. (2006). Les risques du journalisme dans les conflits armés. *Communication. Information médias théories pratiques*, (Vol. 25/1), 84-111. <https://doi.org/10.4000/communication.1511>
- Blackwood, L., Hopkins, N., & Reicher, S. (2015). From Theorizing Radicalization to Surveillance Practices: Muslims in the Cross Hairs of Scrutiny. *Political Psychology*.
- Blanchard, A. L., & Markus, M. L. (2002, January). Sense of virtual community-maintaining the experience of belonging. In *System Sciences, 2002. HICSS. Proceedings of the 35th Annual Hawaii International Conference on* (pp. 3566-3575). IEEE.
- Blanchard, G. (2007). *La communication politique partisane sur Internet: des pratiques et des stratégies nouvelles?* Doctoral dissertation, Université Stendhal, Grenoble.
- Blanchart, J. (2016). *Crimes du futur. Premier Parallèle*.
- Blom, A. (2011). Les « martyrs » jihadistes veulent-ils forcément mourir ? *Revue française de science politique*, 61(5), 867–891.
- Bloom, Richard W. (2016). A bull market but whose bull is being gored? *PsycCRITIQUES*, 61(15).
- Blumenfeld, Teri. (2012). Are Jihadists Crazy? *Middle East Quarterly*, 19(2), 3-13.
- Bogomolov, T., & Chiera, B. (2013). A first approach to resolving ambiguity in hidden terrorist group detection in communications networks. *20th International Congress on Modelling and Simulation (Modsim2013)*, 120-126.
- Boms, N. (janvier 0a). Immigration, radicalization et discours musulman en Europe : l'angle soufi. *Outre-Terre*, no 17(4), 247–257.
- Bonnefoy, L. (2011). Le salafisme au Yémen : l'antichambre de la violence ? *Salafism in Yemen. The antechamber of violence ? Transcontinentales : Sociétés*, (7), 69–79.
- Borel, S. (2016). *Et Les Réseaux Sauveront Le Monde... ? Essai Sur l'idéologie Réticulaire*. Editions Le Bord de l'eau, 2013. Consulté à l'adresse <http://www.editionsbdl.com/fr/books/et-les-rseaux-sauveront-le-monde-essai-sur-lidologie-rticulaire/421/>
- Boruch, R al. (2004). *The Campbell Collaboration. Brief Treatment and Crisis Intervention Vol. 4 No. 3*

- Borum, R. (2011). Radicalization into violent extremism: A review of social science theories. *Journal of Strategic Security*, 4 (4), 7-36.
- Bosco, Francesca. (2013). Terrorist Use of the Internet Capacity Building in the Fight against Terrorism (Vol. 112, pp. 39-46).
- Bossi, P., & Bricaire, F. (). Des agents infectieux armes du terrorisme. *La Presse Medicale*, 34(2), 147-148. [https://doi.org/10.1016/S0755-4982\(05\)83894-1](https://doi.org/10.1016/S0755-4982(05)83894-1)
- Bouchard, M (Ed). (2015). *Social networks, terrorism and counter-terrorism: Radical and connected*. New York: Routledge.
- Boukhobza, A. (2015). *Jouissances djihadistes : Génèse d'une haine intellectuelle*. Thèse de doctorat Université de Nice Côte d'Azur;
- Boulanger, P. (2014). *Géopolitique des médias: Acteurs, rivalités et conflits*. Armand Colin.
- Boutih, M. (2016). Génération radicale. *Le Débat*, 189(2), 73. <https://doi.org/10.3917/deba.189.0073>
- Bouzar, D. (2006). *Quelle éducation face au radicalisme religieux?* Dunod.
- Bouzar, Dounia, Caupenne, Christophe, Sulayman, Valsan (2014) 'La Métamorphose de la jeune opérée par les nouveaux discours terroristes'. Rennes : Centre de Prévention contre les dérives sectaires liées à l'islam, <http://www.bouzar-expertises.fr/metamorphose>
- Bowman-Grieve, Lorraine. (2009). Exploring 'Stormfront': A Virtual Community of the Radical Right. *Studies in Conflict & Terrorism*, 32(11), 989-1007.
- Bozarslan, H. (2009). Le madhisme en Turquie: L'« incident de Menemen » en 1930. *Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée*, (91), 297-320. <https://doi.org/10.4000/remmm.261>
- Bozarslan, H. (2009). Le madhisme en Turquie: L'« incident de Menemen » en 1930. *Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée*, (91), 297-320. <https://doi.org/10.4000/remmm.261>
- Brachman, Jarret M. (2006). High-Tech Terror: Al-Qaeda's Use of New Technology. *Fletcher Forum of World Affairs*, 30(2), 149-164.
- Brachman, Jarret M., & Levine, Alix N. (2011). You Too Can Be Awlaki! *Fletcher Forum of World Affairs*, 35(1), 25-46.
- Braddock, Kurt H. (2012). *Fighting words: The persuasive effect of online extremist narratives on the radicalization process*. (3534650 Ph.D.), The Pennsylvania State University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1275924546?accountid=10246>
- Bradforrs A., Frenett R. (2015). *Becoming Mulan? Female Western Migrants to DAESH*. Institute for Strategic Dialogue.
- Bratten, L. Clare (2005) 'Online zealotry: la France du peuple virtuel (the France of virtual people)'. *New Media & Society* 7(4): 517-532.
- Bräuchler, Birgit. (2004). Islamic Radicalism Online: The Moluccan Mission of the Laskar Jihad in Cyberspace. *Australian Journal of Anthropology*, 15(3), 267-285.
- Bräuchler, Birgit. (2004). Islamic radicalism online: The Moluccan mission of the Laskar Jihad in cyberspace (English). *The Australian journal of anthropology*, 15(3), 267-285.

- Bräuchler, Birgit. (2007). Religious Conflicts in Cyberage. *Citizenship Studies*, 11(4), 329-347
- Briggs, Rachel & Feve, Sebastien (2014) Policy Briefing: Countering the Appeal of Extremism Online. London, UK: Institute for Strategic Dialogue, pp. 1-23.
- Briggs, Rachel and Sebastien Feve in 'Review of Programs to Counter-Narratives of Violent Extremism: What works and what are the implications for government?', Institute for Strategic Dialogue, 2013
- Briggs, Rachel and Tanya Silverman, Western Foreign Fighters: Innovations in Responding to the Threat, Institute for Strategic Dialogue, December 2014
- Brown, Ian, & Korff, Douwe. (2009). Terrorism and the proportionality of Internet surveillance. *European Journal of Criminology*, 6(2), 119-134.
- Bruce, Gregor. (2013). Intrinsic and External Factors and Influences on the Motivation of Suicide Attackers. *Journal of Military & Veterans' Health*, 21(3), 27-33.
- Bruchon-Schweitzer M. (2014). *Psychologie de la santé*. Paris: Dunod.
- Buckingham, D 2003, *Media education. Literacy, learning and contemporary culture*, Polity, Cambridge.
- Building Resilience Against Terrorism: Canada's Counter-terrorism Strategy, Canadian Government (2013) <http://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/rsln-cgnst-trrrsm/index-eng.aspx>;
- Bulinge, F. (2012). Un outil de décryptage de contenus manipulateurs: cas des groupes islamistes radicaux. *Communication et organisation*, (42), 175-190. <https://doi.org/10.4000/communicationorganisation.3938>
- Burstow, Bonnie. (2003). Surviving and Thriving by Becoming More 'Groupuscular': The Case of the Heritage Front. *Patterns of Prejudice*, 37(4), 415-428.
- Caiani, Manuela, & Parenti, Linda. (2011). The Spanish extreme right and the Internet. *A extrema-direita espanhola e a internet*, 46(201), 719-740.
- Cammaerts, Bart (2009) 'Radical pluralism and free speech in online public spaces: The case of North Belgian extreme right discourses'. *International Journal of Cultural Studies* 12(6): 555-575.
- Cardon, D., & Granjon, F. (2014). Chapitre 6. Individualisation et auto-organisation. *Contester*, 2e éd.(1), 135-177.
- Carré, O. (1983). Le combat-pour-Dieu et l'État islamique chez Sayyid Qotb, l'inspirateur du radicalisme islamique actuel. *Revue française de science politique*, 33(4), 680-705. <https://doi.org/10.3406/rfsp.1983.394083>
- Cassim, F. (2012). Addressing the spectre of cyber terrorism: a comparative perspective. *PER: Potchefstroomse Elektroniese Regsblad*, 15(2), 1-37.
- Casutt G. (2016). Les femmes musulmanes dans l'ombre du jihad : une armée de roses entre soutien visible et invisible à l'utopie jihadiste dans une conception féminine du fard al ayn. Thèse Paris: Ehess
- Casutt G. (2016). Les femmes musulmanes dans l'ombre du jihad : une armée de roses entre soutien visible et invisible à l'utopie jihadiste dans une conception féminine du fard al ayn. Thèse Paris: Ehess

- Cavin, Susan. (2006). Theory of War Propaganda Technology: From WWII Radio to Video War Games. Paper presented at the Society for the Study of Social Problems. <http://search.proquest.com/docview/61751812?accountid=10246>
- Cebrian, Manuel, Torres, Manuel R., Huerta, Ramon, & Fowler, James H. (2013). Violent extremist group ecologies under stress. *Scientific Reports*, 3.
- Celebi, Erdogan. (2010). Female Separatism: The Role of Women in the PKK/KONGRA-GEL Terrorist Organization Terrorism and the Internet: Threats– Target Groups– Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 105-112).
- Chams M. (janvier 2016), « L'idéologie de l'Organisation de l'Etat » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Chao, En-Chieh. (2015). The-Truth-About-Islam.Com: Ordinary Theories of Racism and Cyber Islamophobia. *Critical Sociology* (Sage Publications, Ltd.), 41(1), 57-75.
- Chaouche, M. (2013). *Croisierie aux vents du Web*. Editions Publibook.
- Charfi M. (2015), *La sortie de la radicalization. Non pour la perte de l'identité*, Alger, Dar-al-Qasaba.
- Charvat, J. P. I. A. G. (2009). Cyber Terrorism: A New Dimension in Battlespace The Virtual Battlefield: Perspectives on Cyber Warfare (Vol. 3, pp. 77-87).
- Chen Jin. (2001). 网络对青少年犯罪的影响及防治对策研究. *中国人民公安大学学报(社会科学版)* (3), 102-105.
- Chen, H. (2007). Exploring extremism and terrorism on the web: the dark web project. *Pacific Asia Conference on Intelligence and Security Informatics* (Vol. 4430, pp. 1-20). Springer-Verlag.
- Chen, Hsinchun, Chung, Wingyan, Jialun, Q. I. N., Reid, Edna, Saqeman, Marc, & Weimann, Gabriel. (2008). Uncovering the Dark Web: A Case Study of Jihad on the Web (English). *Journal of the American Society for Information Science and Technology* (Print), 59 (8), 1347-1359.
- Chen, Hsinchun, Thoms, Sven, & Fu, Tianjun. (2008). Cyber extremism in web 2.0: An exploratory study of international Jihadist groups *Isi 2008: 2008 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics* (pp. 98-103).
- Chen, Hsinchun. (2008). Sentiment and affect analysis of dark web forums: Measuring radicalization on the internet *Isi 2008: 2008 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics* (pp. 104-109).
- Chenmei Lv. (2015). 新时期印度尼西亚反恐困境和策略. *东南亚纵横* (6), 37-41.
- Chi Zhang. (2013). 新疆极端势力内控报告：近年数次恐袭无当地民众参与。凤凰周刊 2014年6月14。
- Chiluwa, Innocent, & Ajiboye, Esther. (2014). 'We Are after Ideals': A Critical Analysis of Ideology in the Tweets by Boko Haram. *Global Media Journal: African Edition*, 8(2), 318-346.
- Chiluwa, Innocent. (2015). Radicalist discourse: a study of the stances of Nigeria's Boko Haram and Somalia's Al Shabaab on Twitter. *Journal of Multicultural Discourses*, 10(2), 214-235.

- Chuanmei Wang. (2013). 中国西部民族地区恐怖主义犯罪心理分析及其预防. *犯罪研究* (2), 66-71.
- Cimino, M. (2014). La « fabrique de l'ennemi » en système totalitaire. Le cas syrien (1946-2014). *Relations internationales*, 158(3), 117. <https://doi.org/10.3917/ri.158.0117>
- Clark, Lynn Schofield (2013) 'Cultivating the media activist: How critical media literacy and critical service learning can reform journalism education'. *Journalism* 14(7): 885–903.
- Clément, P.-A. (2010). *G.I. contre jihad*. Les Presses de l'Université du Québec.
- Cohen J. 2015 « Digital Counterinsurgency: How to Marginalize the Islamic State Online » *Foreign affairs* <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/digital-counterinsurgency>
- Cohen, Jared. (2015). Digital Counterinsurgency. *Foreign Affairs*, 94(6), 52-58.
- Cole, J. (2012). Radicalization in virtual worlds: Second life through the eyes of an avatar. *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*, 7(1), 66-79.
- Collectif, & Truong, N. (2016). *Résister à la terreur*. Aube (De l')
- Collectif. (2015). *Le monde en 2030 vu par la CIA. DES EQUATEURS*.
- Conesa, P. (2016). *Dr. Saoud et Mr. Djihad : La diplomatie religieuse de l'Arabie saoudite*. Robert Laffont/bouquins/segher.
- Conesa, P. (2016). *Guide du petit djihadiste*. Fayard.
- Conti, B. (2011). Les musulmans en Italie entre crise identitaire et réponses islamistes. *Revue européenne des migrations internationales*, 27(2), 183–201. <https://doi.org/10.4000/remi.5501>
- Conversi, Daniele. (2012). Irresponsible Radicalization: Diasporas, Globalisation and Long-Distance Nationalism in the Digital Age. *Journal of Ethnic & Migration Studies*, 38(9), 1357-1379.
- Conway, M. (2006). *Reality bytes: cyber-terrorism and terrorist use of the Internet*. (U221922 Ph.D.), Trinity College Dublin (University of Dublin) (Ireland), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/301660701?accountid=10246>
- Conway, M. (2009). *Le cyber-terrorisme. : Le discours des médias américains et ses impacts*. *Cités*, 39(3), 81. <https://doi.org/10.3917/cite.039.0081>
- Conway, Maura, & McInerney, Lisa. (2008). Jihadi Video and Auto-radicalization: Evidence from an Exploratory YouTube Study *Intelligence and Security Informatics, Proceedings* (Vol. 5376, pp. 108-118).
- Conway, Maura. *Terrorism and the Internet: New Media, A New Threat?* *Parliamentary Affairs*, 59(2), 283-298.
- Coolsaet, R. (Ed.) (2011). *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge in Europe*. Aldershot, England; Burlington, VT: Ashgate.
- Corb, Abbee. (2015). Online hate and cyber-bigotry: A glance at our radicalized online world. In N. Hall, A. Corb, P. Giannasi, J. G. D. Grieve, N. Hall, A. Corb, P. Giannasi & J. G. D. Grieve (Eds.), *The Routledge international handbook on hate crime*. (pp. 306-317). New York, NY, US: Routledge/Taylor & Francis Group.

- Council of Europe, Internet: the case law of the European Court of Human Rights, 2015. Conseil de l'Europe/Cour européenne des Droits de l'Homme, 2011, mise à jour Juin 2015.
- Crabill, Scott L. (2008). Hate on the Internet%1. *Florida Communication Journal*, 36(2), 1-15.
- Crettiez, X. (2011). « High risk activism » : essai sur le processus de radicalization violente (première partie). *Pôle Sud*, (34), 45–60.
- Crettiez, X. (2011). « High risk activism » : essai sur le processus de radicalisation violente. *Revue PôleSUD*
- Crettiez, X. (2012). « High Risk Activism » : Essai sur le processus de radicalization violente. *Pôle Sud*, (35), 97–112.
- Crilley, Kathy. (2001). Information warfare: new battlefields terrorists, propaganda and the Internet(English). *Aslib proceedings: New information perspectives*, 53(7), 250-264.
- D. Frau-Meigs and L. Hibbard, Education 3.0 and Internet Governance: A new global alliance for children and young people's sustainable digital development Global Commission on Internet Governance Series, London, Chatham House, 2016,
- Dagnes, Alison D. (2003). White noise: The political uses of Internet technology by right -wing extremist groups. (3110477 Ph.D.), University of Massachusetts Amherst, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/305321662?accountid=10246>
- Dallemagne, G., Matz, V., & Martens, Q. (2016). *La Belgique face au radicalisme : Comprendre et agir*. Presses universitaires de Louvain.
- Damon, J. (2010). Contre Le Terrorisme, L'arme Économique. *Enjeux, les Echos*, 85.
- Daniel, H. (1992). Réseaux internationaux de violence, ventes d'armes et terrorisme. Centre d'étude des conflits.
- Daniels, Jessie. (2009). Cloaked websites: Propaganda, cyber-racism and epistemology in the digital era. *New Media & Society*, 11(5), 659-683.
- Danthe, M. (2015). Manuel Valls choisit Facebook. *Le Temps*.
- Daoud H. (hiver 2016), « Les tribus irakiens en terre de djihad » (article), *Omran*, (15).
- Dar-al-iftá'a. (2014). *Lesclavage des femmes par Daesh, rapport en arabe de l'Observatoire des fatwastakfiriste et de pensée extrémiste*, Dar al-iftá'a, Le Caire, décembre 2014.
- Dartnell, M. (2005). Communicative practice and transgressive global politics: The d'ua of Sheikh Muhammed Al Mohaisany. *First Monday*, 10(7), 1-1.
- Dassetto, F. (2005). Les dimensions complexes d'une rencontre : Europe et islam. *Revue théologique de Louvain*, 36(2), 201–220.
- Davies, Lynn. (2014). Interrupting Extremism by Creating Educative Turbulence. *Curriculum Inquiry*, 44(4), 450-468. doi: 10.1111/curi.12061
- Davis, Diane. (2013). 2013: Questioning Digital Activism. *Currents in Electronic Literacy*, 1-1.
- Debord, T., Binder, P., Salomon, J., & Roué, R. (2002). Les armes biologiques. *Topique*, 81(4), 93. <https://doi.org/10.3917/top.081.0093>
- Deffarges, T. (2003). Sur la nature et les causes du terrorisme. Une revue de la littérature économique. *Tiers-Monde*, 44(174), 369–392. <https://doi.org/10.3406/tiers.2003.5390>

- Demchak, Chris. (2006). Security Dilemmas and the Public Face of Covert Organizations: Tracking Terrorists in the Internet. Conference Papers–International Studies Association, 1.
- Denning, Dorothy E. (2010). Terror's web: How the Internet is transforming terrorism. In Y. Jewkes, M. Yar, Y. Jewkes & M. Yar (Eds.), Handbook of Internet crime. (pp. 194-213). Devon, United Kingdom: Willan Publishing.
- Der Derian, J. (2005). Imaging terror: logos, pathos and ethos. *Third World Quarterly*, 26(1), 23-37.
- Developing Effective Counter-Narrative; Frameworks for Countering Violent Extremism Meeting Note, September 2014, Hedayah and The International Centre for Counter Terrorism(TheHague)
- Dianne, C., & Louis, B. (2003). Comprendre l'acte terroriste. Les Presses de l'Université du Québec.
- Dickson, L.W. Lone. (2015). Wolf Terrorism. A Case Study: The Radicalization Process of a Continually Investigated & Islamic State Inspired Lone Wolf Terrorist. Degree project in Criminology 15 Credits. Malmö University: Faculty of Health and Society, Department of Criminology, 2015.
- Dunleavy, P. T. (2011). The fertile soil of jihad: Terrorism's prison connection. Washington, DC: Potomac Books.
- Dienel, H. (2010). Terrorism and the Internet: threats- target groups – deradicalization strategies. Amsterdam: IOS Press.
- Difraoui, A. E., & Uhlmann, M. (2015). Prévention de la radicalization et déradicalization : les modèles allemand, britannique et danois. *Politique étrangère*, Hiver (4), 171–182.
- Dirèche K. (2012). « Les Murchidât au Maroc. Entre islam d'État et islam au féminin », *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*, n° 128, décembre 2010, mis en ligne le 05 janvier 2012, consulté le 23 août 2016. URL : <http://remmm.revues.org/6857>.
- Ditchburn, J. (2015). Les pages Facebook des politiciens prises d'assaut par des antimusulmans. La Presse Canadienne.
- Douzet, F. (2016). Le cyberspace, troisième front de la lutte contre Daech. *Hérodote*, 160-161(1), 223. <https://doi.org/10.3917/her.160.0223>
- du Preez, Madely. (2009). Hypermedia Seduction for Terrorist Recruiting. *Online Information Review*, 33(1), 208-209.
- Ducol, B. (2015). Comment le jihadisme est-il devenu numérique ? *Sécurité et stratégie*, 20(1), 34-43.
- Ducol, B. (2015). Devenir jihadiste à l'ère numérique Une approche processuelle et situationnelle de l'engagement jihadiste au regard du Web (Doctorat en science politique). Université Laval, Québec.
- Ducol, B. (2015). Farhad Khosrokhavar, Radicalization. Lectures. Consulté à l'adresse <https://lectures.revues.org/17541>
- Ducol, B. (2015). Martyrologie 2.0 ou la genèse d'une fabrique numérique des martyrs jihadistes. <http://www.revue-signes.info>, (15). Consulté à l'adresse <http://www.revue-signes.info/document.php?Id=4502>
- Earnhardt, R. (2014). Al-Qaeda's Media Strategy: Internet self- radicalization and counter-radicalization policies 2014 Public Affairs

- Eid Badri Mohamed (juillet 2015), « 'Daesh' et la sécurité du Golfe : d'une menace probable au danger réel », Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Eiffler, Sven. (2010). Jihadist Propaganda on the Internet: Impact and Challenges for the Security Community Terrorism and the Internet: Threats–Target Groups–Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 71-79).
- Ekman, Mattias. (2015). Online Islamophobia and the politics of fear: Manufacturing the green scare. *Ethnic and Racial Studies*, 38(11), 1986-2002.
- El-Badawy, Emman, Milo Comerford and Peter Welby, *Inside the Jihadi Mind*, Centre on Religion and Geopolitics, Tony Blair Faith Foundation, 6 Oct 2015
- Ely Karmon. (2009). Pakistan, the Radicalization of the Jihadist movement and the challenge to China. *Journal of Middle Eastern and Islamic Studies (in Asia)*.
- Erelle, A. (2015). Dans la peau d'une djihadiste : enquête au coeur des filières de recrutement de l'État islamique. Paris, France : j'ai lu, DL 2015.
- Ernst-Vintila, A. (in preparation, 2017). How effective are ISIS' religion-inspired nasheeds in online propaganda directed towards young French?
- Ernst-Vintila, A., & Macovei, I. (2016). «Je suis Charlie», la liberté au-delà de l'égalité et la fraternité? Interprétation collective des attaques terroristes de janvier 2015 en France et expression online d'un nexus. *Psihologia Sociala*, (38), 111-123.
- Espeseth, Craig, Gibson, Jessica, Jones, Andy, & Goodman, Seymour. (2013). Terrorist Use of Communication Technology and Social Networks Technological Dimensions of Defence against Terrorism (Vol. 115, pp. 91-105).
- European Commission's Expert Group. (2011). Radicalization processes leading to acts of terrorism. In: R. Coolsaet (Ed.), *Jihadi terrorism and the radicalization challenge: European and American Experiences*. Burlington, VT: Ashgate, 269-288.
- Faris, D. M. (2012). La révolte en réseau : le « printemps arabe » et les médias sociaux. *Politique étrangère*, Printemps (1), 99-109.
- Fei Wang. (2015). 伊斯兰教宗教极端思想新媒体传播的特点. *青年记者* (36), 88-89.
- Feldman, Matthew. (2013). Comparative Lone Wolf Terrorism: Toward a Heuristic Definition. *Democracy & Security*, 9(3), 270-286
- Féo, A. D. (2009). Les musulmans de Châu Đốc (Vietnam) à l'épreuve du salafisme Châu Đốc Muslims (Vietnam) faced with Salafism. *Moussons : Recherche en Sciences Humaines sur l'Asie du Sud-Est*, (13), 359-372.
- Ferguson, Kate, *Countering violent extremism through media and communication strategies : a review of the evidence*, Partnership for Conflict, Crime and Security Research University of East Anglia, March 2016.
- Fernandez, Alberto. (2015). "Contesting the Space" Adversarial Online Engagement as a Tool for Combating Violent Extremism. *Soundings*, 98(4), 488-500.
- Fiddner, Mac. (2008). Medieval Ideology and 21st Century Technology: Al Qaeda, Terrorism and the Internet. *Conference Papers-- International Studies Association*, 1-12.
- Filiu, J.-P. (2015). Définir Al-Qaïda, (no 47). Consulté à l'adresse <http://spire.sciencespo.fr/hdl/2441/eu4vqp9ompqllr09i62100681/resources/crui-047-0111.pdf>

- Folon, J. (2015). Le printemps numérique : Comment la révolution digitale a modifié la société, l'enseignement et les entreprises. Corporate Copyright.
- Forest, James J. F. (2009). Influence Warfare and Modern Terrorism. *Georgetown Journal of International Affairs*, 10(1), 81-89.
- Francey, O. (2015). Le djihad au coeur de la mosquée de Genève. *Le Temps*.
- Frau-Meigs, 2016 "Media and Information Literacy (MIL): Taking the digital social turn for online freedoms and education 3.0" in H. Tumber and S. Waisbord (eds), *The Routledge Companion to Media and Human Rights*, London, Routledge, 2016
- Frau-Meigs, D. (2005). Qui a détourné le 11 septembre ? (1^{ré}éd.). De Boeck Supérieur. Consulté à l'adresse <http://www.cairn.info/qui-a-detourne-le-11-septembre--9782804149994.htm>
- Frau-Meigs, D. (2017). MIL : Taking the digital social turn for online freedoms and education 3.0 in Waisbord and Turner 2017
- Frau-Meigs, D., & Torrent, J. (eds.) 2009, *Mapping media education policies in the world: visions, programmes and challenges*, UN-Alliance of Civilizations-UNESCO, New York.
- Freedman, J. L., & Fraser, S. C. (1966). Compliance without pressure: the foot-in-the-door technique. *Journal of personality and social psychology*, 4(2), 195.
- Frenett, Ross and Moli Dow, *One to One Online Interventions: A Pilot CVE Methodology*, Institute for Strategic Dialogue, September 2015
- Fuchs, A., Ministère délégué à l'enseignement supérieur et à la recherche, & Alliance Athena. (2016). *Recherches sur les radicalisations, les formes de violence qui en résultent et la manière dont les sociétés les préviennent et s'en protègent : État des lieux, propositions, actions*. Paris, France: Alliance Athena.
- Fuentes, Kendra M. (2016). *Cyberterrorism: The use of social networking to recruit Westerners an informational guide for law enforcement agencies*. (10107081 M.S.), Utica College, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1791468583?accountid=10246>
- G, V. De. (2014). Ils utilisent des hashtags spéciaux. *Le Temps*.
- Ganor, B. (Ed.). (2007). *Hypermedia seduction for terrorist recruiting*. Amsterdam, Holland: IOS Press.
- García, M. G. (2016). Resonancias del zapatismo mexicano y la resistencia palestina : dos ejemplos de autonomía en el Sur Global. *Espiral*. Consulté à l'adresse <http://www.redalyc.org/articulo.oa?Id=13842934004>
- Gaulmyn, R. Par I. De. (2016). Quelle responsabilité de l'islam dans la radicalisation ? *La Croix*. Consulté à l'adresse <http://www.la-croix.com/France/Securite/Quelle-responsabilite-islam-dans-radicalization-2016-04-03-1200750863>
- Gaulmyn, R. Par I. De. (2016b). Quelle responsabilité de l'islam dans la radicalisation ? *La Croix*. Consulté à l'adresse <http://www.la-croix.com/France/Securite/Quelle-responsabilite-islam-dans-radicalization-2016-04-03-1200750863>
- Geng, L., Ming-Li, L. I., & University, X. (2016). Beneficial enlightenment of governance religious extremism in Uzbekistan on combat extramalization in China. *Journal of Hebei United University*.

- Gerbner, G. (1988) "Violence and Terror in the Mass Media." Reports and Papers in Mass Communication, No. 102. Paris: Unesco, March 1988.
- Gercke, Marco. (2012). Legal Responses to Terrorist Use of the Internet Enhancing Cooperation in Defence against Terrorism (Vol. 99, pp. 19-34).
- Gercke, Marco. (2012). Strategy, Policy, Legislation, Prevention and Enforcement: Components of a Comprehensive Approach in the Fight against Cybercrime and Terrorist Use of the Internet Analyzing Different Dimensions and New Threats in Defence against Terrorism (Vol.104, pp.11-21).
- Gerstenfeld, Phyllis B., Grant, Diana R., & Chau-Pu, Chiang. (2003). Hate Online: A Content Analysis of Extremist Internet Sites. *Analyses of Social Issues & Public Policy*, 3(1), 29-44.
- Gervereau, L. (2015). La guerre n'est pas faite pour les images. *Vingtième Siècle. Revue d'histoire*, no 80(4), 83-88.
- Ghanem-Yazbeck. (2014). Du djihadisme et des femmes. *Huffington Post*, 16/09/2014. http://www.huffpostmaghreb.com/dalia-ghanemyazbeck/du-djihadisme-et-des-femm_b_5829928.html
- Giacomello, Giampiero. (2004). Bangs for the Buck: A Cost-Benefit Analysis of Cyberterrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 27(5), 387-408.
- Gill, P., Horgan, J., and Deckert, P. (2014). 'Bombing Alone: Tracing the Motivations and Antecedent Behaviors of Lone-Actor Terrorists'. *Journal of Forensic Sciences* 59(2): 425-435.
- Global Counterterrorism Forum. *The Role of Families in Preventing and Countering Violent Extremism: Strategic Recommendations and Programming Options*. <https://www.thegctf.org/Portals/1/Documents/Toolkit-documents/English-The-Role-of-Families-in-PCVE.pdf>
- Goetgheluck, D., & Conrath, P. (2011). Internet est-il dangereux ? *Le Journal des psychologues*, 290(7), 3. <https://doi.org/10.3917/jdp.290.0003>
- Goolsby, Rebecca. (2008). The DoD encounters the blogosphere *Social Computing, Behavioral Modeling and Prediction* (pp. 25-25).
- Graham, Roderick. (2016). Inter-ideological mingling: White extremist ideology entering the mainstream on Twitter. *Sociological Spectrum*, 36(1), 24-36.
- Grausam, Robert. (2005). The language of Islamic fundamentalism (English). *AAA. Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 30(1-2), 227-241.
- Gremaud, R. (2015). Comment « déradicaliser » ? *Le Temps*.
- Grieve, L. B. (2006). Terrorist supporters and the internet: an exploration of online 'virtual' communities. (U233172 Ph.D.), University College Cork (Ireland), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/301640885?accountid=10246>
- Gruenewald, Jeff, Chermak, Steven, & Freilich, Joshua D. (2013). Distinguishing 'Loner' Attacks from Other Domestic Extremist Violence. *Criminology & Public Policy*, 12(1), 65-91.
- Guadagno, R. E., Lankford, A., Muscanell, N. L., Okdie, B. M., & McCallum, D. M. (2011). Social Influence in the online Recruitment of terrorists and terrorist Sympathizers: Implications for Social Psychology Research. *Revue Internationale de Psychologie Sociale*, Tome 23(1), 25-56.

- Guadagno, Rosanna E., Lankford, Adam, Muscanell, Nicole L., Okdie, Bradley M., & McCallum, Debra M. (2010). Social influence in the online recruitment of terrorists and terrorist sympathizers: Implications for social psychology research. *Revue Internationale de Psychologie Sociale*, 23(1), 25-56.
- Guanfeng Bai. (2015). 宗教极端思想向妇女和青少年渗透问题研究——以兵团第三师四十四团十八连为例. *兵团党校学报* (1), 40-43.
- Güçük, M. T., & Menu, D. (2016). Vous Et Nous ; La Turquie attaquée ; Nos prisons débordent; NOUS RECTIFIONS. *Le Temps*.
- Guibet Lafaye, C. (2016). Approche critique des sociologies de la radicalisation. Forum de la DAP « Radicalisation violente, engagement et désengagement », Oct 2016, Paris, France. <hal-01381974>
- Guidère, M. (2015). *Terreur : la nouvelle ère*. Paris : Editions Autrement.
- Guidère, M. (2016). Internet, haut lieu de la radicalization. *Pouvoirs*, (158), 115-123.
- Gunaratna R., Acharya A., & Wang P. (2010). *Hui Muslims: The milieu of radicalization and extremism*. Palgrave Macmillan US.
- Gustavson, Aleta Top, & Sherkat, Darren E. (2004/08/14/2004 Annual Meeting, San Francisco). The Ideological Structuring of White Supremacy on the Internet: Analyzing Network Size, Density, and Asymmetry.
- Gut, Till. (2007). German Federal Court of Justice (Bundesgerichtshof, ÄiBGH), 3rd Criminal Senate. *Journal of Criminal Law*, 71(6), 491-496.
- Habib K. (septembre 2014), « Le monde lutte contre la sauvagerie de Daesh » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/11205>
- Hachem A. (date ?), « Entre les pauvres et les musulmans : les quatre erreurs autour du terrorisme dans le monde » (dossier), Le Caire, Centre régional pour les études stratégiques. Consulté à l'adresse <http://rsgleb.org/modules.php?name=News&file=article&sid=675>
- Hacohen, Eli. (2010). Digital Hate: Terror, Anti-Semitism and Racism on the Internet Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 3-6).
- Hai, Nadia. (2012). The Rhetoric of Terrorism: A Rhetorical Analysis of “Inspire” Magazine. (MR91165 M.A.), University of Calgary (Canada), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1238289183?accountid=10246>
- Haimzadeh, P. (2016). Un dialogue national instrumentalisé par les Occidentaux; Vers une nouvelle intervention en Libye ? *Le Monde Diplomatique*.
- Haiqiang Chen. (2014). 社交网络与恐怖主义. *中国信息安全* (7), 77-78.
- Hale, W. Chris. (2012). Extremism on the World Wide Web: A research review. *Criminal Justice Studies: A Critical Journal of Crime, Law & Society*, 25(4), 343-356.
- Hao Wu. (2015). 恐怖主义幽灵袭扰下的欧盟国家反恐政策——以青年群体为视角. *中国青年研究* (8), 111-116.
- Haras R. & Nikita M. (2015). Caliphettes: Women and the Appeal of Islamic State ». Quilliam Foundation. <https://www.quilliamfoundation.org/wp/wp-content/uploads/publications/free/caliphettes-women-and-the-appeal-of-is.pdf>

- Harris, Candida, Rowbotham, Judith, & Stevenson, Kim. (2009). Truth, law and hate in the virtual marketplace of ideas: perspectives on the regulation of Internet content. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 155-184.
- Harris, Candida, Rowbotham, Judith, & Stevenson, Kim. (2009). Truth, law and hate in the virtual marketplace of ideas: perspectives on the regulation of Internet content. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 155-184.
- Hasan, Y., Bègue, L., Scharkow, M., & Bushman, B. J. (2013). The more you play, the more aggressive you become: A long-term experimental study of cumulative violent video game effects on hostile expectations and aggressive behavior. *Journal of Experimental Social Psychology*, 49(2), 224-227.
- Hassan Harith (juin 2015), « L'organisation de l'Etat en Iraq. Au cœur des failles du système politique » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Hassan Hassan (juin 2015), « L'Organisation de l'Etat islamique : les origines idéologiques et le contexte politique » (étude), Carnegie Middle East Center, Beyrouth.
- Hastings, Megan, & Rogerson, Kenneth. (2016). Battle of Narratives: Contesting ISIL's Propaganda with Social Media. *Conference Papers-- Southern Political Science Association*, 1-34.
- Hayne, Spencer O. (2010). *Borderless world, boundless threat: Online Jihadists and modern terrorism*. (1483143 M.A.), Georgetown University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/818725727?accountid=10246>
- Heathershaw, J., & Montgomery, D. W. (2014). *The myth of post-Soviet Muslim radicalization in the Central Asian republics*. Chatham House, 11.
- Hecker, M. (2007). Al Qaïda. *Études*, Tome 407(11), 440-450.
- Hecker, M. (2015). Web social et djihadisme : Du diagnostic aux remèdes. Consulté à l'adresse <http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/fs57hecker.pdf>
- Hegghammer, T. (2006). Combattants saoudiens en Irak : modes de radicalization et de recrutement. *Cultures & conflits*, (64), 111-126. <https://doi.org/10.4000/conflits.2128>
- Heisbourg, F. (2016). *Comment perdre la guerre contre le terrorisme*. Stock.
- Heitmeyer, W. (2002). Gruppenbezogene Menschenfeindlichkeit. Die theoretische Konzeption und erste empirische Ergebnisse (Group-focused Enmity. Theoretical conception and first empirical results). In W. Heitmeyer (Ed.), *Deutsche Zustände, Folge 1* (German states, Vol. 1) (pp. 15-36). Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Helly, D., & Nadeau, F. (2015). Radicalization : ce qu'on refuse de voir. *Relations* (00343781), (781), 23-25.
- Hénin, N. (2015). *Jihad Academy*. Fayard.
- Henry, J.-R., Groc, G., & Institut de recherches et d'études sur le monde arabe et musulman (Éd.). (2000). *Politiques méditerranéennes : entre logiques étatiques et espace civil: une réflexion franco-allemande*. Paris : Aix-en-Provence : Karthala ; IREMAM.
- Hervouet, G., & Campana, A. (Éd.). (2013). *Terrorisme et insurrection : évolution des dynamiques conflictuelles et réponses des États*. Québec (Québec) : Presses de l'Université du Québec.

- Hmed, C. (2012). Réseaux dormants, contingence et structures : Genèses de la révolution tunisienne. *Revue française de science politique*, 62(5), 797. <https://doi.org/10.3917/rfsp.625.797>
- Hoffmann, N. (2002). La radicalization de l'islam : un facteur de déstabilisation en Asie du Sud-Est ?, Volume 67(1). Consulté à l'adresse http://www.persee.fr/doc/polit_0032-342x_2002_num_67_1_5161#polit_0032-342X_2002_num_67_1_T1_0124_0000
- Holbrook, Donald. (2015). A critical analysis of the role of the internet in the preparation and planning of acts of terrorism. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 8(2), 121-133.
- Holtz, Peter, Kronberger, Nicole, & Wagner, Wolfgang. (2012). Analyzing internet forums: A practical guide. *Journal of Media Psychology: Theories, Methods, and Applications*, 24(2), 55-66.
- Homeland Security Institute. (2009). The internet as a terrorist tool for recruitment & radicalization of youth. U.S. Department of Homeland Security, Science and Technology Directorate
- Hongshui Shu, Gang WANG. (2016). 对我国网络恐怖主义犯罪的探讨. *Journal of Shandong Police College*.
- Horgan, J., & Braddock, K. (2011). Evaluating the effectiveness of de-radicalization programs: Towards a scientific approach to terrorism risk reduction. In: S. Canna (Ed.), *Countering violent extremism: Scientific methods & strategies*. Washington, DC: NSI.
- Houdaifa Hicham. (2017). Extremisme religieux. Plongée dans les milieux radicaux au Maroc, Casablanca, En toutes lettres.
- Hoyle, Carolyn, Alexandra Bradford and Ross Frenett, *Becoming Mulan? Female Western Migrants to DAESH*, Institute for Strategic Dialogue, January 2015
- Hua Feng. (2009). 近年新疆周边伊斯兰极端主义与新疆稳定问题研究. (Doctoral dissertation, 新疆师范大学).
- Hussain, Ghaffar, and Dr. Erin Marie Saltman, 'Jihad Trending: A Comprehensive Analysis of Online Extremism and How to Counter it', Quilliam Foundation, 2014
- Hussein H. & Moreno Al-Ajamî C. (2016). Le djihad fantasmé de Daesh. *cdradical.hypotheses.org*, 24 février 2016, <https://cdradical.hypotheses.org/15>
- Hussein, H. (2015). La télévision et la transformation de l'éthique islamiste : les présentatrices niqabées sur les chaînes salafistes satellitaires arabes. *Recherches Feministes*, 28(2), 223.
- Hussein, Hasna (2016). « Discours, place et rôles des femmes muhâjirât de Daesh »,
- Ibrahim M., Assila S. & Aliba A. (janvier 2015), « Sinaï et le terrorisme : entre les priorités de la sécurité nationale et les nécessités de la sécurité régionale », Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/36595>
- Imad A. (2016). Le salafisme et les salafistes. L'identité et la distinction. Une lecture de l'expérience libanaise, Beyrouth, Centre de la civilisation pour le développement de la pensée islamique.
- Institut national des hautes études de la sécurité et de la justice (INHESJ). (2015). La radicalization violente. La documentation française. Consulté à l'adresse <http://livre.fnac.com/a7933506/Collectif-La-radicalization-violente>

- International Centre for Counter-Terrorism. (2012). *Engaging Civil Society in Countering Violent Extremism. Experiences with the UN Global Counter-Terrorism Strategy*. <https://www.icct.nl/download/file/ICCT-Van-Ginkel-Civil-Society-in-CVE-August-2012.pdf>
- IPAC. (2015). Online activism and social media usage among Indonesian extremists : Report No.24. Institut for policy analysis of conflict
- Ismail J. (décembre 2015), « Les nouvelles provinces : 'Daesh' en Asie centrale » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Ito Mizuko et al 2009 Living and Learning with New Media: Summary of Findings from the Digital Youth Project. Mac Arthur Foundation
- İüÑlú+İÑü. (2012). A Study on the Radicalization of Homegrown Terrorism and Trend Analysis. *Korean terrorism studies Review*, 5(3), 157-174.
- Jaitner, Margarita, & Kantola, Harry. (2014). Countering Threats – a Comprehensive Model for Utilization of Social Media for Security and Law Enforcement Authorities. Proceedings of the 13th European Conference on Cyber Warfare and Security (Eccws-2014), 102-109.
- Janbek, Dana M. (2010). The use of the Internet as a communication medium by extremist Muslim groups: A content analysis of web sites. (70), ProQuest Information & Learning, US. Retrieved from <http://0-search.ebscohost.com/mercury.concordia.ca/login.aspx?direct=true&db=psyh&AN=2010-99031-321&site=ehost-live&scope=site> Available from EBSCOhost psyh database.
- Jassim S. (avril 2015), « Les djihadistes d'Indonésie : du mouvement de Dar-al Islam à l'organisation de l'Etat » (dossier), Doha, Al-Jazeera Center for Studies, Doha. Consulté à l'adresse <http://studies.aljazeera.net/ar/reports/2016/04/160404071800641.html>
- Jenkins, Brian Michael, 'Would-Be Warriors: Incidents of Jihadist Terrorist Radicalization in the United States Since September 11', RAND, 2001
- Jerard, Jolene. (2011). Facing the Challenge of the Evolving Terrorist Threat Analysis and Strategies to Counter the Terrorism Threat (Vol. 89, pp. 63-77).
- Jin Y. J. (2014). 宗教极端主义的产生和特点. *中国宗教* (6), 20-23.
- Johansson, Fredrik, Kaati, Lisa, & Shrestha, Amendra. (2013). Detecting Multiple Aliases in Social Media. 2013 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM), 1004-1011.
- Johnson, Jennifer L. (2011). Mobilizing Minutewomen: Gender, Cyberpower, and the New Nativist Movement. *Research in Social Movements, Conflicts and Change* (32), 137-161.
- Jones, D. (2012). *On a tous à y gagner : La révolution des médias sociaux, bien faire et faire le bien*. Pearson.
- Jordi, T.G. (2009). *Syria's Kurds*. Routledge.
- Jossin, A. (2016). Juger d'anciens Djihadistes. *La vie des idées.fr*, mis en ligne 18 juillet 2016
- Jouanneau, S. (2016). Qui sont les hommes qui guident le culte musulman ? ; Une affaire d'Etat ? *Le Monde Diplomatique*.
- Juan Du. (2016). 当前我国网络恐怖主义的特点，原因及对策——以恐怖活动新变化为切入点. *Journal of Yunnan Police College*.

- Juanjuan Wang, Wenwu Yang. (2014). 马尔代夫恐怖活动的特点、原因与马政府的应对. 现代国际关系 (8)
- Kai Chen. (2010). “愤青”与恐怖主义——试析青年参与恐怖活动的意识形态因素. 当代青年研究 (7), 18-25.
- Kamel M. (octobre 2015), « Daesh en Arabie saoudite » (étude), Bagdad, Al-Nahrain Center for Strategic Studies. Consulté à l'adresse <http://www.alnahrain.iq/?p=2660>
- Kaplan, Jeffrey, Weinberg, Leonard, & Oleson, Ted. (2003). Dreams and realities in cyberspace: White Aryan Resistance and the World Church of the Creator. *Patterns of Prejudice*, 37(2), 139-155.
- Kasiki S. (2016). Dans la nuit de Daesh, confessions d'une repentie. Paris : Editions Robert Laffont.
- Kebbell, Mark R., & Porter, Louise. (2012). An intelligence assessment framework for identifying individuals at risk of committing acts of violent extremism against the West. *Security Journal*, 25(3), 212-228.
- Kedma, Gabi, Guri, Mordehai, Sela, Tom, & Elovici, Yuval. (2013). Analyzing Users' Web Surfing Patterns to Trace Terrorists and Criminals 2013 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics: Big Data, Emergent Threats, and Decision-Making in Security Informatics (pp. 143-145).
- Keenan, Catlyn Kenna. Behind the Doors of White Supremacy. (AAI3641997). Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1718065829?accountid=10246>
- Kéita, S. (2008). Isabelle Garcin-Marrou, Des violences et des médias. Paris, Éd. L'Harmattan, coll. Questions contemporaines, 2007, 285 p. *Questions de communication*, (14), 349-352.
- Kepel, G. (2013). Merah-Tsarnev, même combat, même impact. *Le Temps*.
- Khachana R. (septembre 2015), « L'extension de Daesh en Afrique du Nord » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Khajiqchi J. (mars 2016), « L'armée des djihadistes qui combattent Daesh » (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Khalid G. (2015), Daesh. Du califat de l'Etat à l'Etat du califat, Beyrouth, Al-Forat (dist.).
- Khalid, I., & Leghari, M. E. (2014). Radicalization of youth in Southern Punjab. *South Asian Studies*. 2014, 29
- Kharbouch M. S. (juin 2016), « De la légitimité révolutionnaire à Daesh : Les politiques des révolutionnaires arabes et l'émergence des Daeshiens » (rapport), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/40272>
- Khatib, Lina. (2003). Communicating Islamic Fundamentalism as Global Citizenship. *Journal of Communication Inquiry*, 27(4), 389.
- Khosrokhavar, F. (2003). Islam et nouvelles formes de racisme. *Agora débats/jeunesses*, 32(1), 54-63. <https://doi.org/10.3406/agora.2003.2094>
- Khosrokhavar, F. (2014). Radicalization. Paris, Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme.
- Khosrokhavar, F. (2015). Radicalization. Les Editions de la MSH.

- Kiesler, C. A. (1971). *The psychology of commitment: Experiments linking behavior to belief*. Academic Press.
- Kirby, Aidan. (2007). The London bombers as “self-starters”: A case study in indigenous radicalization and the emergence of autonomous cliques. *Studies in Conflict & Terrorism*, 30(5), 415-428.
- Kirke, Xander. (2015). Violence and Political Myth: Radicalizing Believers in the Pages of Inspire Magazine. *International Political Sociology*, 9(4), 283-298.
- Knox, Emily Goldberg. (2014). The Slippery Slope of Material Support Prosecutions: Social Media Support to Terrorists. *Hastings Law Journal*, 66(1), 295-329.
- Kodmani, H. (2014). Le « djihadistan », un système totalitaire loin d'être improvisé. *Le Temps*.
- Koehler, D. (2015). Right-Wing Extremism and Terrorism in Europe Current Developments and Issues for the Future. *PRISM Volume 6, Number 2*, July 18, 2016
- Kohlmann, Evan F. (2008). 'Homegrown' terrorists: Theory and cases in the war on terror's newest front. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 618(1), 95-109.
- Kohlmann, Evan F. The Real Online Terrorist Threat. *Foreign Affairs*, 85(5), 115-124.
- Koltuksuz, Ahmet. (2013). Use of Cyberspace and Technology by Terrorists Technological Dimensions of Defence against Terrorism (Vol. 115, pp. 106-109).
- Kovacich, Gerald L., & Jones, Andy. (2002). What InfoSec Professionals Should Know About Information Warfare Tactics by Terrorists. *Computers & Security*, 21(2), 113.
- Kraidy, M. M. (2012). Les médias en Arabie saoudite. *Anthropologie et Sociétés*, 36(1-2), 181-200. <https://doi.org/10.7202/1011723ar>
- Kramer, Rachel. (2003). Internet use by terrorists and content analysis of terrorist websites. (1421948 M.A.), University of London (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/305248914?accountid=10246>
- Kumar, Sharath A., & Singh, Sanjay. (2013). Detection of User Cluster with Suspicious Activity in Online Social Networking Sites. 2013 Second International Conference on Advanced Computing, Networking and Security (Adcons2013), 220-225.
- L'Heuillet, H. (2016). Radicalization et terrorisme. *Cités*, (66), 123-136.
- Laffont. (2015). Création d'un Observatoire sur la radicalization et l'extrémisme violent. Consulté à l'adresse <http://www.45enord.ca/2015/02/creation-dun-observatoire-sur-la-radicalization-et-lextremisme-violent/>
- Lamb, Kevin. (2015). Days of Rage: America's Radical Underground, the FBI, and the Forgotten Age of Revolutionary Violence. *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 40(4), 468-472.
- Landau, P. (2008). Pour Allah jusqu'à la mort: enquête sur les convertis à l'islam radical : document. Rocher.
- Lappin, Y. (2011). *Virtual caliphate: Exposing the Islamist state on the Internet*. Washington, DC: Potomac Books.
- Larouche, J.-M. (2003). *Reconnaissance et citoyenneté: Au carrefour de l'éthique et du politique*. Presses de l'université du Québec.

- Lasseur, M. (2006). Cameroun : Afrique contemporaine, (215), 93–116.
- Laura Aralbayeva (Li Zhang). (2011). 宗教与政治极端主义及其在中亚的扩散. (Doctoral dissertation, 浙江大学).
- Lauterbach, Marc. (2009). Hate online: Exploring the world of extremist internet culture. (1463919 M.A.), The George Washington University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/304880356?accountid=10246>
- Lavorel, S. (2005). Les constitutions arabes et l’Islam: Les enjeux du pluralisme juridique. Presses de l’université du Québec.
- Leblanc, M. N., Fortin, S., & Le Gall, J. (2008). Être musulman en Occident après le 11 septembre : présentation. *Diversité urbaine*, 8(2), 5–11. <https://doi.org/10.7202/000307ar>
- Leclercq, C., Lamghari, Y., Coolsaet, R., Torrekens, C., & Et al. (2016). *Revue l’observatoire*, 86. Radicalisme violent, comprendre, prévenir... Liège: ASBL L’Observatoire.
- Lee, Elissa, & Leets, Laura. (2002). Persuasive storytelling by hate groups online: Examining its effects on adolescents. *American Behavioral Scientist*, 45(6), 927–957.
- Lefebvre, T. (2004). Stopub : analyse provisoire d’un rhizome activiste. *Multitudes*, no 16(2), 85–97.
- Lefevre, C. (2014). Extremist social media use in Indonesia (research analysis). <https://globalpublicpolicywatch.org/category/analysis/>
- Legrain, T. (2016). L’utilisation des réseaux sociaux par les bandes criminelles. *Sécurité globale*, (1), 97–111.
- Legrand Philex (juillet 2014), « La stratégie colonisatrice de Daesh en Syrie », Paris, Arab Reform Initiative.
- Leiken, R. S. (2012). *Europe’s angry Muslims: The revolt of the second generation*. New York: Oxford University Press.
- Lema, L. (2016). Lutte contre la radicalization : place à l’hyperlocal. *Le Temps*.
- Lennings, Christopher J., Amon, Krestina L., Brummert, Heidi, & Lennings, Nicholas J. (2010). Grooming for terror: The internet and young people. *Psychiatry, Psychology and Law*, 17(3), 424–437. doi: 10.1080/13218710903566979
- Leone, Massimo. (2015). Propaganda mala fide : Towards a comparative semiotics of violent religious persuasion. *Semiotica*, 2015(207), 631–655.
- Leveau, R., Mohsen-Finan, K., & Institut français des relations internationales (Éd.). (2005). *Musulmans de France et d’Europe*. Paris: CNRS Editions.
- Levin, Brian. (2002). Cyberhate: A legal and historical analysis of extremists’ use of computer networks in America. *American Behavioral Scientist*, 45(6), 958–988.
- Levin, Brian. (2015). The Original Web of Hate. *American Behavioral Scientist*, 59(12), 1609–1630. doi: 10.1177/0002764215588815
- Li J., Zhao Y. (2015) 新疆地区宗教极端主义与民族分裂主义的来源与发展. *Journal of People’s Public Security University of China (Social Sciences Edition)*.

- Littman, Sol. (2015). A personal reflection on good and evil on the Internet. In N. Hall, A. Corb, P. Giannasi, J. G. D. Grieve, N. Hall, A. Corb, P. Giannasi & J. G. D. Grieve (Eds.), *The Routledge international handbook on hate crime*. (pp. 289-292). New York, NY, US: Routledge/Taylor & Francis Group.
- Liu, G. S., & Yan-Xia, L. I. (2006). Cyber terrorism and its prevention. *Journal of Shandong Police College*.
- Livingstone, David. (2007). Taking On the Radicals. *Index on Censorship*, 36(4), 148-153.
- Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A., and Ólafsson, K. (2011). *Risks and safety on the Internet: The perspective of European children*. Full Findings. LSE, London: EU Kids Online.
- Llano, A. (2012). Dialéctica de cristianismo y secularización. *Tópicos (México)*, (42), 125-144.
- Luizard P.J. (2015). *Le piège Daech. L'État islamique ou le retour de l'histoire*. Paris : La Découverte.
- Lunel, R. W. (2015). A Lunel, fabrique de djihadistes français. *Le Temps*.
- Lyons, David K. (2013). *Analyzing the effectiveness of Al Qaeda's online influence operations by means of propaganda theory*. (1539962 M.S.), The University of Texas at El Paso, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1415436250?accountid=10246>
- Lyons, David K. (2013). *Analyzing the effectiveness of Al Qaeda's online influence operations by means of propaganda theory*. (1539962 M.S.), The University of Texas at El Paso, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1415436250?accountid=10246>
- M Yusuf. (2008). *Prospects of youth radicalization in Pakistan: Implications for U.S. policy*. Brookings Institution.
- Macleod, A. (2016). La culture populaire visuelle : un espace à explorer pour les études critiques de sécurité. *Cultures & Conflits*, (102), 1732.
- Maçonne, La. (2015). *Radicalization à l'islam : un long processus*. Consulté à l'adresse <http://lamaconne.over-blog.com/2015/11/radicalization-a-l-islam-un-long-processus.html>
- Mahathir, M. (2011). La Malaisie se radicalise: danger. *Le Temps*.
- Maher, Shiraz. (2007). Road to Jihad. *Index on Censorship*, 36(4), 144-147.
- Mahmood, Shah. (2012). *Online Social Networks: The Overt and Covert Communication Channels for Terrorists and Beyond*. 2012 Ieee International Conference on Technologies for Homeland Security, 574-579.
- Maillart, J.-B. (2015). L'illégitime défense de la France contre Daech en Syrie. *Le Temps*.
- Makram R. (juillet 2015), « Les médias djihadistes : comment les organisations djihadistes investissent les nouveaux médias », Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse http://www.rcssmideast.org/Article/3605/لناسو-رصم-يف-قيدا-هجل-تا-عام-جلا-فظوت-فيك/#.V_UGg2W1vww
- Malbrunot, G. (2015). Abu Dhabi vs. Koweït : les deux faces du Golfe. *Outre-Terre*, (44), 164-169.
- Malthaner, S. & Lindekilde, L. (2015). *Analyzing Pathways of Lone-Actor Radicalization: Relational Approach*. Online http://www.orfaleacenter.ucsb.edu/sites/secure.lsit.ucsb.edu/gisp.d7_orfalea-2/files/sitefiles/other/Lindekilde_0.pdf

- Mandal, Sujoyini, & Lim, Ee-Peng. (2008). Second Life: Limits of creativity or cyber threat? 2008 IEEE Conference on Technologies for Homeland Security, Vols 1 and 2 (pp. 498-503).
- Mannoni, P., & Bonardi, C. (2003). Terrorisme et Mass Médias. *Topique*, (83), 55-72.
- Marchi, R. (2011). Movimento Sociale Italiano, Alleanza Nazionale, Popolo della Libertà: do neofascismo ao pós-fascismo em Itália. *Análise Social*, (201), 697-717.
- Maréchal, B. (2015). Relations entre musulmans et non musulmans : les « bonnes pratiques » qui favorisent le vivre ensemble. Bruxelles: Fondation Roi Baudouin.
- Marthoz, Jean-Paul. (2017). *Terrorism and the Media: A Handbook for Journalists*. Paris: UNESCO. <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002470/247074E.pdf>
- Martinez, L. (2008). Structures, environnement et basculement dans le jihadisme, 133-156. <https://doi.org/10.4000/conflits.10912>
- Marzouki, M. (2015). Moncef Marzouki: « Ne laissons pas s'installer un discours de haine. *Le Temps*.
- Mas'oud Belhaj A. (date ?), « Le terrorisme islamisé : la crime contre l'humanité », Londres, Center for Strategic and Diplomatic Studies.
- Mastors, Elena, & Siers, Rhea. (2014). Omar al-Hammami: A case study in radicalization. *Behavioral Sciences & the Law*, 32(3), 377-388.
- McCabe, Thomas R. (2016). A Strategy for the DAESH Foreign Fighter Threat. *Orbis*, 60(1), 140-153.
- McDonald, Carina Louise. (2010). Web 2.0, Terror 2.0? Salafi-Jihadist Terrorist use of the Internet. (MR69442 M.S.S.), University of Calgary (Canada), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/847582411?accountid=10246>
- Mcdougall, J. (2009). Soi-même » comme un « autre ». Les histoires coloniales d'Ahmad Tawfiq al-Madanî (1899-1983). *Revue des Mondes Musulmans et de la Méditerranée*, (95), 95-110. <https://doi.org/10.4000/remmm.228>
- McGarty, C., Thomas, E. F., Lala, G., Smith, L. G., & Bluc, A. M. (2014). New technologies, new identities, and the growth of mass opposition in the Arab Spring. *Political Psychology*, 35(6), 725-740.
- McGilloway, Angela, Ghosh, Priyo, & Bhui, Kamaldeep. (2015). A systematic review of pathways to and processes associated with radicalization and extremism amongst Muslims in Western societies. *International Review of Psychiatry*, 27(1), 39-50.
- McNeal, Gregory S. (2007). Cyber embargo: countering the internet jihad.
- Mechachal – Online Debates and Elections in Ethiopia. Final Report: From hate speech to engagement in social media (Full Report). Consulté 2 juin 2016, à l'adresse https://www.academia.edu/25747549/Mechachal_-_Online_Debates_and_Elections_in_Ethiopia._Final_Report_From_hate_speech_to_engagement_in_social_media_Full_Report_
- Meddaugh, Priscilla Marie, & Kay, Jack. (2009). Hate Speech or, "Reasonable Racism?" The Other in Stormfront. *Journal of Mass Media Ethics*, 24(4), 251-268.
- Meloy, J. Reid, & Yakeley, Jessica. (2014). The Violent True Believer as a "Lone Wolf" – Psychoanalytic Perspectives on Terrorism. *Behavioral Sciences & the Law*, 32(3), 347-365.

- Melyani, M. (2015). *Printemps arabe : entre le pire des scénarios et l'aspiration à la citoyenneté*. Editions L'Harmattan.
- Menkhaus, K. (2014). *Al-Shabaab and Social Media: A Double-Edged Sword*. <https://www.questia.com/library/p436518/the-brown-journal-of-world-affairs>
- Menkhaus, K. E. N. (2014). *Al-Shabaab and Social Media: A Double-Edged Sword*. *Brown Journal of World Affairs*, 20(2), 309-327.
- Mennucci, P., & djihadistes, commission d'enquête sur la surveillance des filières et des individus. (2015). *Rapport d'enquête de la commission d'enquête sur la surveillance des filières et des individus djihadistes : « Face à la menace djihadiste, la République mobilisée »*. Assemblée nationale.
- Mercy Corps. (2015). *Youth & Consequences. Unemployment, Injustice and Violence*.
- Merzouk, M. (1997). *Quand les jeunes redoublent de férocité : l'islamisme comme phénomène de génération / When the Young Become Violent : Islamism as a Generation Phenomenon*. *Archives des sciences sociales des religions*, 97(1), 141–158. <https://doi.org/10.3406/assr.1997.1127>
- Meyran, R. (2016). *Comment devient-on jihadiste ? Alternatives économiques*, (353), 28-28.
- Meyran, R. (2016). *Qui sont les djihadistes français? Consulté à l'adresse <https://generationbethune.wordpress.com/2016/01/11/qui-sont-les-djihadistes-francais/>*
- Migaux, P. (2009). *Le terrorisme au nom du Jihad*. André Versaille/Renaissance du Livre.
- Minei, Elizabeth, & Matusitz, Jonathan. (2011). *Cyberterrorist messages and their effects on targets: A qualitative analysis*. *Journal of Human Behavior in the Social Environment*, 21(8), 995-1019.
- Mnaimneh H. (juin 2016), « Désamorcer l'héritage de l'Organisation de 'l'Etat islamique' » (article semi-académique), Washington Institute. Consulté à l'adresse <http://rawabetcenter.com/archives/28455>
- Mohamed al-Hajj S. (dir.), *Le salafisme djihadiste en Tunisie*, Tunis, Tunis, Centre tunisien des études stratégiques, 2014.
- Mohamed K. (novembre 2014), « Le recrutement via les réseaux sociaux. Les combattantes de Daesh » (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4030338>
- Mohamed, Feisal G. (2007). *The Globe of Villages: Digital Media and the Rise of Homegrown Terrorism*. *Dissent* (00123846), 54(1), 61-64.
- Mohammad-Arif, A. (2000). *Salam America : l'islam indien en diaspora*.
- Mohyeddine C. (juin 2016), « La radicalité égyptienne. Les motivations des jeunes pour la violence armée », Paris, Arab Reform Initiative.
- Moniquet, C. (2015). *Djihad : D'Al-Qaida à l'Etat Islamique, combattre et comprendre : Document*. La Boîte à Pandore.
- Moretti Fernandez, Luciana. (2015). *Apology for crime: situational analysis of the communication within criminal commands in Brazil*. *Communication & Society*, 83-96.
- Morrison, Steven R. (2011). *Terrorism online: is speech the same as it ever was? Creighton Law Review*, 44(4), 963-1002.

- Moscovici, S. (1976). *Social influence and social change* (Vol. 10). London: Academic Press.
- Mouline, N. (2015). *Aux racines du djihadisme ; Surenchères traditionalistes en terre d'islam*. Le Monde Diplomatique.
- Mouras, T. (2015). *Lone Wolves: Are They Really Alone in the Radicalization Process?* Public Safety, 2015/04/02
- Mueller, Jessica. (2016). *Emotional Response to Terrorism and Perceived Criminal Responsibility: Does Method of Recruitment Matter.* (10107584 Psy.D.), Alliant International University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1791450767?accountid=10246>
- Murray, P. (2002). *Chers djihadistes–. Mille et une nuits*.
- Nabhan M. (2014). *Niqab et Kalachnikov : le jihad au féminin, face cachée de Daesh*. Huffingtonpost, 19/10/2014. http://www.huffingtonpost.fr/myrna-nabhan/role-femmes-etat-islamique_b_5994028.html, consulté le 15 août 2016.
- Nabil O. (janvier 2015), « Les atrocités de Daesh » (rapport), Observatoire d'Al-Azhar. Consulté à l'adresse <http://www.azhar.eg/observer/Reports/ArtMID/2209/ArticleID/142/شحاو فلا-باكثر او>
- Nacos, B. (2016). *Mass-mediated Terrorism: Mainstream and Digital Media in Terrorism and Counterterrorism*. Rowman & Littlefield.
- Najar, S. (sous la direction. (2013). *Les réseaux sociaux sur Internet à l'heure des transitions démocratiques*. KARTHALA Editions.
- Nakhleh, E. A., Sakurai, K., & Penn, M. (2008). *Islam in Japan: A Cause for Concern?* Asia policy, (5), 61-104.
- Napoleoni, L. (2015). *L'Etat islamique: Multinationale de la violence*. Calmann-Lévy.
- Navest, Aysha, de Koning, Martijn, & Moors, Annelies. (2016). *CHATting ABOUT MARRIAGE WITH FEMALE MIGRANTS TO SYRIA*. *Anthropology Today*, 32(2), 22-25.
- Nesser, Petter. (2008). *How did Europe's global Jihadis obtain training for their militant causes?* *Terrorism and Political Violence*, 20(2), 234-256.
- Neumann, P.R. (2013). *Options and strategies for countering online radicalization in the United States*. *Studies in Conflict and Terrorism*, 36(6), 431-459
- Neumann, Peter R. (2013). *Options and strategies for countering online radicalization in the United States*. *Studies in Conflict & Terrorism*, 36(6), 431-459.
- Ney, J.-P. (2015). *Pourquoi ils font le Djihad. Enquête sur la #générationmerah*. Artège.
- Nicolas, A., & Philippe, F. (2010). *Le mouvement de la résistance islamique, Hamas*.
- Nivat, A. (2006). *Islamistes : comment ils nous voient*. Fayard.
- O'Brien, K. J., & Deng, Y. (2015). *Repression backfires: tactical radicalization and protest spectacle in rural china*. *Journal of Contemporary China*, 24(93), 457-470.
- Ogaard, Kirk. (2013). *Synthesizing Social Media Data Using Information Morphing*. 2013 Ase/ IEEE International Conference on Social Computing (Socialcom), 944-949.
- O'Hara, Kieron. (2002). *THE INTERNET: A Tool for Democratic Pluralism?* *Science as Culture*, 11(2), 287-298.

- Olsson, Peter A. (2013). Homegrown Terrorists, Rebels in Search of a Cause. *Middle East Quarterly*, 20(3), 3-10.
- Omar K. (avril 2014), « La Lybie : les entités politiques et militaires dans le conflit politique » (étude), Arab and International Relation Forum. Consulté à l'adresse <http://fairforum.org/wp-content/uploads/2015/04/libya.pdf>
- One Nation Counter-Extremism Strategy' Risks Further Undermining Fight Against Terrorism' Muslim Council of Britain, 19 October 2015
- Onowa F. (mars 2015), « Bokoharam et les 'suicidaires' de Nigéria » (rapport, Mohamed al-Mostafa, trad.), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Organisation pour la sécurité et la coopération. (2013). *SCE Online Expert Forum Series on Terrorist Use of the Internet: Threats, Responses and Potential Future Endeavours*. <http://www.osce.org/secretariat/102266?download=true>
- Orfali, B. (2012). La banalisation de l'extrémisme à la veille de la présidentielle : Radicalization ou dé-radicalization ? Editions L'Harmattan.
- Ortiz-Arroyo, D., Larsen, H. L., Zeng, D., Hicks, D. L., Wagner, G., Conway, M., & McInerney, L. (2008). Jihadi video and auto-radicalization: Evidence from an exploratory YouTube study. Berlin & Heidelberg: Springer-Verlag.
- O'Shaughnessy, Nicholas J., & Baines, Paul R. (2009). Selling terror: The symbolization and positioning of Jihad. *Marketing Theory*, 9(2), 227-241.
- Osman, M.N.M (2016). ISIS and Islamic Radicalization in Southeast Asia. *Georgetown Journal of Asian Affairs*, Online https://asianstudies.georgetown.edu/sites/asianstudies/files/files/upload/gjaa._2.2_osman.pdf
- Østebø, T. (2009). Une économie salafite de la prière dans la région du Balé en Éthiopie. *Afrique contemporaine*, 231(3), 43. <https://doi.org/10.3917/afco.231.0043>
- Oualdi, M., Karoui, D. P.-E., & Verdeil, C. (2014). Les ondes de choc des révolutions arabes. Presses de l'Ifpo. Page_garde_thevenet – 2006_Thevenet.pdf. (s. D.). Consulté à l'adresse http://www.terrorisme.net/pdf/2006_Thevenet.pdf
- Parent, B. R. Ellis J.O. (2016). The Future of Right-Wing Terrorism. Canada Working Paper Series No. 16-12 July 2016
- Paulsen, Derek. (2007). Cyber Terrorism: Myths and Facts. Conference Papers – American Society of Criminology, 1.
- Pauwels, Lieven, & Schils, Nele. (2016). Differential online exposure to extremist content and political violence: Testing the relative strength of social learning and competing perspectives. *Terrorism and Political Violence*, 28(1), 1-29.
- Paz, Reuven. (2009). Reading Their Lips: The Credibility of Militant Jihadi Web Sites as 'Soft Power' in the War of the Minds Home-Grown Terrorism: Understanding and Addressing the Root Causes of Radicalization among Groups with an Immigrant Heritage in Europe (Vol. 60, pp. 114-126).
- Pearson, Elizabeth. (2016). The Case of Roshonara Choudhry: Implications for Theory on Online Radicalization, DAESH Women, and the Gendered Jihad. *Policy & Internet*, 8(1), 5-33.

- Penn, M. (2008). Public faces and private spaces: Islam in the Japanese context. *Asia policy*, 5(1), 89-104.
- Peperhove, Roman. (2010). *Islamist Websites: an Up-to-Date Snapshot from a German Point of View Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies* (Vol.67, pp.153-163).
- Pérouse de Montclos, M.-A. (2012). Boko Haram et le terrorisme islamiste au Nigeria: insurrection religieuse, contestation politique ou protestation sociale? (Boko Haram, Terrorism, and Islamism in Nigeria: A Religious Uprising, a Political Contest, or a Social Protest?). *SSRN Electronic Journal*. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2282542>
- Perry, Barbara, & Olsson, Patrik. (2009). Cyberhate: the globalization of hate. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 185-199.
- Perry, Barbara, & Olsson, Patrik. (2009). Cyberhate: the globalization of hate. *Information & Communications Technology Law*, 18(2), 185-199.
- Peyry, Y.-M. (2016). *Menaces cybernétiques: Le manuel du combattant*. Artège.
- Pick, T. M., Speckhard, A., & Jacuch, B. (2009). *Home-grown terrorism understanding and addressing the root causes of radicalization among groups with an immigrant heritage in Europe*. Amsterdam & Washington, D.C.: IOS Press.
- Pickard, Victor W. (2006). United Yet Autonomous: Indymedia and the Struggle to Sustain a Radical Democratic Network. *Media, Culture & Society*, 28(3), 315-336.
- Piorkowski, John, & Zhou, Lina. (2013). Content Feature Enrichment for Analyzing Trust Relationships in Web Forums. 2013 *Ieee/Acm International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM)*, 1486-1487.
- Piper, Paul. (2008). *Nets of Terror: Terrorist Activity on the Internet* (English). Searcher (Medford, N.J.), 16(10), 28-38.
- Pisiou, D. (2012). *Islamist radicalization in Europe: An occupational change process*. London & New York: Routledge.
- Pluchinsky, Dennis, & Roujansky, Jacques. (2007). *The Migration of Terrorist Tactics, Techniques, and Creativity (TTC)* (English). *REE. Revue de l'électricité et de l'électronique* (10).
- Pollock, David, Wenig, Gilad, Raydan, Noam, & Barnhard, Gavi. (2015). Fikra Forum Online Engagement between the West and the Middle East. *Soundings*, 98(4), 501-514.
- Pollock, E. T. (2006). *Understanding and contextualising racial hatred on the internet: a study of newsgroups and websites*. (U233179 Ph.D.), Nottingham Trent University (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/301693572?accountid=10246>
- Pooley, Elizabeth. (2015). *A New Sisterhood: The Allure of DAESH in Syria For Young Muslim Women in the UK*. (1587471 M.S.), Arizona State University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1680789280?accountid=10246>
- Post, Jerrold M. (2015). Terrorism and right-wing extremism: The changing face of terrorism and political violence in the 21st century: The virtual community of hatred. *International Journal of Group Psychotherapy*, 65(2), 243-271.

- Post, Jerrold M., McGinnis, Cody, & Moody, Kristen. (2014). The changing face of terrorism in the 21st century: The communications revolution and the virtual community of hatred. *Behavioral Sciences & the Law*, 32(3), 306-334.
- Postmes, T., & Brunsting, S. (2002). Collective action in the age of the Internet mass communication and online mobilization. *Social Science Computer Review*, 20(3), 290-301.
- PPN Working Paper: Radicalization: the role of the internet, Institute for Strategic Dialogue, 2011
- Pradal, F. (2012). Plongée dans l’Egypte rebelle; Suez entre salafisme et révolution. *Le Monde Diplomatique*.
- Pratt, D. (2015). Reactive Co-Radicalization: Religious Extremism as Mutual Discontent. *Journal for the Academic Study of Religion*, 28(1).
- Prentice, Sheryl, Taylor, Paul J., Rayson, Paul, Hoskins, Andrew, & O’Loughlin, Ben. (2011). Analyzing the semantic content and persuasive composition of extremist media: A case study of texts produced during the Gaza conflict. *Information Systems Frontiers*, 13(1), 61-73.
- Preventing and responding to hate crimes; A resource guide for NGOs in the OSCE region, OSCE, (2009) <http://www.osce.org/odihr/39821?download=true>
- Pu Shi Institute for Social Science <http://www.pacilution.com/>
- Puchot, P., & Collectif. (2016). *Les Frères musulmans et le pouvoir*. Galaade Editions.
- Qabalane M. (janvier 2015), « La montée de l’organisation de l’Etat et les transformations du système régional au Machreq », *Politiques arabes*, (12)
- Qarami A. (juillet 2015), « Le djihad des femmes: le terrorisme au féminin » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l’adresse <http://www.acrseg.org/38116>
- Qian Lu. (2015). *Daesh青少年招募机制探析*. (Doctoral dissertation, 云南大学).
- Qin, J. L., Zhou, Y. L., Reid, E., Lai, G. P., & Chen, H. C. (2006). Unraveling international terrorist groups’ exploitation of the web: Technical sophistication, media richness, and web interactivity *Intelligence and Security Informatics, Proceedings* (Vol. 3917, pp. 4-15).
- Qosay H. (2016), *La problématique de la radicalization religieuse dans la pensée arabe contemporaine*, Le Caire, Éditions de l’Institut Arabe pour les recherches et les études. Consulté à l’adresse <http://www.alecso.org/site/2016-02-02-13-47-43/726-2016-03-15-19-24-48.html>
- Quebec’s Call of Action. (2016). <https://www.agora-inscription.ca/UNESCO-QUEBEC/en/qc-call>
- Quayle, Ethel, & Taylor, Max. (2011). Social networking as a nexus for engagement and exploitation of young people. *Information Security Technical Report*, 16(2), 44-50.
- Qureshi, Pir Abdul Rasool, Memon, Nasrullah, & Wiil, Uffe Kock. (2010). EWaS: Novel Approach for Generating Early Warnings to Prevent Terrorist Attacks. 2010 Second International Conference on Computer Engineering and Applications: Iceea 2010, Proceedings, Vol 2, 410-414.

- Rabat Plan of Action on the prohibition of advocacy of national, racial or religious hatred that constitutes incitement to discrimination, hostility or violence, Conclusions and recommendations emanating from the four regional expert workshops organised by OHCHR, 2011, and adopted by experts in Rabat, Morocco on 5 October 2012. http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Opinion/SeminarRabat/Rabat_draft_outcome.pdf
- Rachid T. (décembre 2015), «Daesh recule sur le front médiatique» (article d'opinion), Al-Yaum. Consulté à l'adresse <http://www.alyaum.com/article/4106477>
- Racine, J.-L. (2000). Le Pakistan après le coup d'État militaire: Sortie de crise, enlèvement ou radicalisation? *Critique internationale*, 7(1), 22–29. <https://doi.org/10.3406/criti.2000.1556>
- Raflik, J. (2016). *Terrorisme et mondialisation. Approches historiques*. Editions Gallimard.
- Ramakrishna K. (2011). The four mutations of violent muslim extremism in Southeast Asia: Some implications for a cognitive immunization policy. *Asia Policy*, 12(12): 13-19.
- Ramalingam, Vidhya and Henry Tuck, 'The Need for Exit Programmes; Why deradicalization and disengagement matters in the UK's approach to far-right violence,' *Institute for Strategic Dialogue*, September 2014
- Ramsay, Gilbert. (2011). *Consuming the jihad: An enquiry into the subculture of Internet jihadism*. (U606145 Ph.D.), University of St. Andrews (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1512394871?accountid=10246>
- Rangoun, B. P. Envoyé spécial à. (2014). *L'ultra bonze*. *Le Temps*.
- Rawaa, Augé. (2016). Daesh et les médias : coulisses d'un mariage forcé. *Hérodote*, 2016/1 (N° 160-161)
- Ray, B. & Marsh, G.E; (2001). Recruitment by Extremist Groups on the Internet. *First Monday*, volume 6, number 2 (February 2001), URL: http://firstmonday.org/issues/issue6_2/ray/index.html
- Rebolledo Leyton, R. (2005). La crDaesh económica de 1967 en el contexto de la ruptura del sistema democrático. *Universum (Talca)*, 20(1), 124–139. <https://doi.org/10.4067/S0718-23762005000100009>
- Reding, Randal G. (2016). *Terror's tangled web: Assessing the Islamic State's cyber recruiting strategies in Western countries*. (10107639 M.S.), Utica College, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1791981453?accountid=10246>
- Regional Compendium of Counter-Narratives, Australian Government (2015) <https://www.ministerjustice.gov.au/MediaReleases/Pages/2015/ThirdQuarter/30-September-2015-Australia-first-efforts-to-counter-violent-extremism.aspx>
- Reicher, S. D., & Haslam, S. A. (2016). Fueling extremes. *Scientific American Mind*, 27(3), 34-39.
- Reicher, S. D., Spears, R., & Postmes, T. (1995). A social identity model of deindividuation phenomena. *European review of social psychology*, 6(1), 161-198.
- Reid, E., Qin, J. L., Zhou, Y. L., Lai, G. P., Sageman, M., Weimann, G., & Chen, H. C. (2005). Collecting and analyzing the presence of terrorists on the web: A case study of Jihad Websites. *Intelligence and Security Informatics, Proceedings (Vol. 3495, pp. 402-411)*.
- Reid, Edna, & Chen, Hsinchen. (2007). Internet-Savvy U.S. And Middle Eastern Extremist Groups. *Mobilization: An International Journal*, 12(2), 177-192.

- Reid, Edna, & Hsinchun, Chen. (2006). Extremist social movement groups and their online digital libraries (English). *Information outlook*, 10(6).
- Reis, B. C. (2011). Os Estados Unidos e Osama bin Laden uma década depois: a derrota da Al-Qaida e o fim da unipolaridade? *Relações Internacionais (R:I)*, (31), 33–44.
- Report, Online terror + hate: the first decade of hate, Simon Wiesenthal Center, Snider Social Action Institute, 2008
- Rey, P. (2015). *Qui est daech ? : Comprendre le nouveau terrorisme*. Philippe Rey.
- Reynolds, Teddy. (2015). Pulling back the curtain: an examination of the english defence league and their use of facebook. (10084492 Ph.D.), University of St. Andrews (United Kingdom), Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1779253412?accountid=10246>
- Rioux, C. (2004). Antiterrorisme. *L'Actualité*, 29(8), 18.
- Riva, G., Mantovani, F., Capideville, C. S., Preziosa, A., Morganti, F., Villani, D., Gaggioni, A., Bottela, C. & Alcañiz, M. (2007). Affective interactions using virtual reality: the link between presence and emotions. *CyberPsychology & Behavior*, 10(1), 45-56.
- Robinson, Rowena. (2004). Virtual Warfare: The Internet as the New Site for Global Religious Conflict. *Asian Journal of Social Science*, 32(2), 198-215. doi: 10.1163/1568531041705121
- Roche, Y., & Jouve, B. (Éd.). (2006). *Des flux et des territoires : vers un monde sans États ?* Québec, Québec, Canada : Presses de l'Université du Québec.
- Rogan, Hanna. (2007). Abu Reuter and the E-Jihad: Virtual Battlefronts from Iraq to the Horn of Africa. *Georgetown Journal of International Affairs*, 8(2), 89-96.
- Rothenberger, Liane. (2012). Terrorist Groups: Using Internet and Social Media for Disseminating Ideas. *New Tools for Promoting Political Change*. *Revista română de comunicare si relatii publice*, 14(3), 7-23.
- Roudinesco, E. (2014). *L'islam sur le divan*. Le Temps.
- Rougier, B. (2004). L'islamisme face au retour de l'islam ? Vingtième Siècle. *Revue d'histoire*, (82), 103–118.
- Rougier, B. (2004). *Le Jihad au quotidien*. Presses Universitaires de France.
- Roy, O. (2002). *L'islam mondialisé*. Seuil.
- Ruisheng Li. (2016). 塔吉克斯坦恐怖主义犯罪及其预防研究. *犯罪研究* (3).
- Rumbough, Tim. (2003). Explosive information: How the internet can help terrorists (English). *Journal of information ethics*, 12(2), 16-30.
- Ryan, Johnny. (2007). The four P-words of militant Islamist radicalization and recruitment: Persecution, precedent, piety, and perseverance. *Studies in Conflict & Terrorism*, 30(11), 985-1011.
- Saada, J. (2009). Médias et Internet dans le monde arabe : Une opportunité pour Barack Obama ? *Confluences Méditerranée*, 69(2), 127. <https://doi.org/10.3917/come.069.0127>
- Sabetnia, Elahe, Poorgholami, Maryam, & Jalali, Mehrdad. (2012). Cybercrime Detection through Multilayer Perceptron Neural Network: Evaluate and Compare 2011 3rd International Conference on Computer Technology and Development (pp. 277-281).
- Sabine, L. (2005). *Les constitutions arabes et l'Islam*. Presses de l'Université du Québec.

- Sachan, Abhishek. (2012). Countering Terrorism through Dark Web Analysis 2012 Third International Conference on Computing Communication & Networking Technologies.
- Sageman, M. (2004). Understanding terror networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Sageman, Marc. (2008). A strategy for fighting international Islamist terrorists. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 618(1), 223-231.
- Sakhi G. A. (dir., 2015), *Le terrorisme. Le modèle de Daesh*, Les Cahiers d'Al-Nahrain, (2). Consulté à l'adresse <https://drive.google.com/file/d/0B0unzeP74kahNW5oQ1dTR1VqcFU/view>
- Sakurai, K. (2008). Muslims in contemporary Japan. *Asia policy*, 5(1), 69-87.
- Salem, Arab, Reid, Edna, & Chen, Hsinchun. (2006). Content analysis of jihadi extremist groups' videos *Intelligence and Security Informatics, Proceedings (Vol. 3975, pp. 615-620)*.
- Salem, Arab, Reid, Edna, & Chen, Hsinchun. (2008). Multimedia content coding and analysis: Unraveling the content of Jihadi extremist groups' videos. *Studies in Conflict & Terrorism*, 31(7), 605-626.
- Salihu, Flurije. (2015). Assemblages of radicalism: The online recruitment practices of Islamist terrorists. (76), ProQuest Information & Learning, US. Retrieved from <http://0-search.ebscohost.com/mercury.concordia.ca/login.aspx?direct=true&db=psyh&AN=2015-99191-096&site=ehost-live&scope=site> Available from EBSCOhost psyh database.
- Salihu, Flurije. Assemblages of Radicalism: The Online Recruitment Practices of Islamist Terrorists. (AAI3666750). Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1767331199?accountid=10246>
- Saltman, Erin Marie and Melanie Smith, 'Till Martyrdom Do Us Part' Gender and the DAESH Phenomenon' Institute for Strategic Dialogue, May 2015
- Saniotis, Arthur. (2005). Re-Enchanting Terrorism: Jihadists as "Liminal Beings". *Studies in Conflict & Terrorism*, 28(6), 533-545.
- Scanlon, Jacob R., & Gerber, Matthew S. (2015). Forecasting Violent Extremist Cyber Recruitment. *Ieee Transactions on Information Forensics and Security*, 10(11), 2461-2470.
- Schafer, Joseph A., Mullins, Christopher W., & Box, Stephanie. (2014). Awakenings: The Emergence of White Supremacist Ideologies. *Deviant Behavior*, 35(3), 173-196.
- Schils N., Laffineur J. (2013). Comprendre et expliquer le rôle des réseaux sociaux dans la formation de l'extrémisme violent. Belgique : université de Gent et université catholique de Louvain, BELSPO.
- Schmidle, Robert E. (2010). Positioning Theory and Terrorist Networks. *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 40(1), 65-78.
- Schmitz, Rachel M. (2016). Intersections of hate: Exploring the transecting dimensions of race, religion, gender, and family in Ku Klux Klan Web sites. *Sociological Focus*, 49(3), 200-214.
- Schott, C. (2014). *Les Cahiers de la sécurité et de la justice*, ISSN 2427-1950. La radicalization violente. Paris, France : La documentation française.

- Scott, G. Podder, S. (2015). Social Media, Recruitment, Allegiance and the Islamic State. <http://www.terrorism-research.org/> [http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/issue/view/53\" \t\"_parent](http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/issue/view/53\)
- Seib, Philip. (2008). Terrorism and the Al Jazeera Effect. Conference Papers – International Studies Association, 1.
- Selepak, Andrew. (2010). Skinhead Super Mario Brothers: An Examination of Racist and Violent Games on White Supremacist Web Sites. *Journal of Criminal Justice & Popular Culture*, 17(1), 1-47.
- Semi, G. (2000). I nuovi musulmani. I convertiti all'islam. *Archives de sciences sociales des religions*, (110), 54–55.
- Seniguer, H. (2013). Terrorisme(s)», islamisme(s) et violences politiques dans le monde musulman contemporain. *Confluences Méditerranée*, 85(2), 177. <https://doi.org/10.3917/come.085.0177>
- Seniguer, H. (2015). Communauté, « communautarisme » et islam en France: y a-t-il un « communautarisme » musulman? *Droit Social*, (9), 664.
- Serres Diane Et Cluzeau Anna. (s. D.). La Cybercriminalité nouveaux enjeux de la protection des données – Memoire Online. Consulté 17 septembre 2016, à l'adresse http://www.memoireonline.com/04/09/2033/m_La-Cybercriminalite-nouveaux-enjeux-de-la-protection-des-donnees3.html
- Shah Mahmood, "Online social networks: The overt and covert communication channels for terrorists and beyond", Homeland Security (HST) 2012 IEEE Conference on Technologies for, pp. 574-579, 2012.
- Shaikh, Mubin. (2015). Countering Violent Extremism (CVE) Online: An Anecdotal Case Study Related to Engaging DAESH Members and Sympathizers (from North America, Western Europe, and Australia) on Twitter. *Soundings*, 98(4), 478-487.
- Shan W. & Ping X. J. (2014). Rising terrorism and China's new policy in Xinjiang. *East Asian Policy*, 06(4), 113-126.
- Shavit, Uriya. (2006). Al-Qaeda's Saudi Origins. *Middle East Quarterly*, 13(4), 3-13.
- Shkel, Tamara. (2008). The Provider Will Have to Answer. *Statutes & Decisions: The Laws of the USSR & Its Successor States*, 43(2), 84-86. doi: 10.2753/RSD1061-0014430217
- Shorer-Zeltser, Marina, & Ben-Israel, Galit. (2007). Greater is our terror of the unknown the diasporic Internet networks and their inference with global security Eciw 2007: Proceedings of the 6th European Conference on Information Warfare and Security (pp. 253-262).
- Sibianu, Daniela. (2010). Islamist Propaganda on the Internet. *Terrorist Entities' Response to Alleged Anti-Muslim Western Actions Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies* (Vol. 67, pp. 81-89).
- Sidhu, Dawinder S. (2007). The chilling effect of government surveillance programs on the use of the internet by muslim-americans. *University of Maryland Law Journal of Race, Religion, Gender & Class*, 7(2), 375-393.
- Silke, A. (Ed.). (2013). *Prisons, terrorism and extremism: Critical issues in management, radicalization and reform*. New York: Routledge.

- Silke, Andrew. (2010). The Internet & Terrorist Radicalization: The Psychological Dimension Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 27-39).
- Simi, Pete, & Futrell, Robert. (2006). Cyberculture and the endurance of white power activism. *Journal of Political & Military Sociology*, 34(1), 115-142.
- Sivek, S. C. (2013). Packaging inspiration: Al-Qaeda's digital magazine Inspire in the self-radicalization process. *International Journal of Communication*, 7, 584-606
- Skillicorn, D. B. (2012). Lessons from a Jihadi Corpus. 2012 Ieee/Acm International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (Asonam), 874-878.
- Soral, W., Bilewicz, M., & Winiewski, M. (2016). Exposure to hate speech increases prejudice through desensitization. Artykuł złożony do publikacji.
- Sossie, A. (1990). Sellam (S.) Être musulman aujourd'hui. *Archives de sciences sociales des religions*, 72(1), 298-298.
- Sounaye, A. (2012). Heirs of the Sheikh Izala and its Appropriation of Usman Dan Fodio in Niger. *Cahiers d'études africaines*, N206-207(2), 427-447.
- Spears, R., & Postmes, T. (2015). Group Identity, Social Influence, and Collective Action Online. *The Handbook of the Psychology of Communication Technology*, John Wiley & Sons, Oxford, 23-46.
- Speckhard, Anne. (2009). The Militant Jihad in Europe: Fighting Home-grown Terrorism Home-Grown Terrorism: Understanding and Addressing the Root Causes of Radicalization among Groups with an Immigrant Heritage in Europe (Vol. 60, pp. 143-160).
- Spinks, Brandon Todd. (2010). Assessing perceived credibility of Web sites in a terrorism context: The PFLP, Tamil Tigers, Hamas, and Hezbollah. (70), ProQuest Information & Learning, US. Retrieved from <http://0-search.ebscohost.com/mercury.concordia.ca/login.aspx?direct=true&db=psyh&AN=2010-99110-032&site=ehost-live&scope=site> Available from EBSCOhost psyh database.
- Spitaels, G. (2005). *La triple insurrection islamiste*. Luc Pire Editions.
- Stan, Mariana, & Vladescu, Andrei. (2010). The Islamist Propaganda on Women and Children Web Sites Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol.67, pp.93-103).
- Stan, Mariana. (2010). Islamic Terrorism in Europe Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 41-52).
- Staw, B. M. (1976). Knee-deep in the big muddy: A study of escalating commitment to a chosen course of action. *Organizational behavior and human performance*, 16(1), 27-44.
- Stekelenburg, Jacquélien. (2014). Going All the Way: Politicizing, Polarizing, and Radicalizing Identity Offline and Online. *Sociology Compass*, 8(5), 540-555.
- Stener, C. (2015). Exposé: Djihad 4.0. Bod – Books on Demand.
- Strachan, Anna Louise 'Interventions to counterhate speech', GSDRC Applied Research Services, 23 June 2014

- Stremlau, N. (2016, mai 31). Mechachal – Final Report Released – The Programme in Comparative Media Law and Policy (PCMLP). Consulté 2 juin 2016, à l'adresse <http://pcmlp.socleg.ox.ac.uk/2016/05/mechachal-final-report-released/>
- Sun, D. (2010). China and the global jihad network. *Journal of the Middle East & Africa*, 1(2), 196-207.
- Sureka, Ashish, Kumaraguru, Ponnurangam, Goyal, Atul, & Chhabra, Sidharth. (2010). Mining You Tube to Discover Extremist Videos, Users and Hidden Communities Information Retrieval Technology (Vol. 6458, pp. 13-24).
- Sutton, Mike, & Wright, Cecile. (2009). Finding the far right online: an exploratory study of whitesupremacist websites. *Internet Journal of Criminology*, 1-24.
- Swann, W.J & Buhrmester, M. D. (2015). Identity Fusion. *Psychological Science*, 2015, Vol. 24(1) 52–57
- Tang, L. (2013). 'The Politics of Flies: Mocking News in Chinese Cyberspace.' *Chinese Journal of Communication*, 6(4): 482–496.
- Tateo, Luca. (2005). The Italian Extreme Right On-line Network: An Exploratory Study Using an Integrated Social Network Analysis and Content Analysis Approach. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 10(2).
- Tavernier, A. (2001). Isabelle Garcin-Marrou: Terrorisme, Médias et Démocratie. *Études de communication. Langages, information, médiations*, (24), 147–149.
- Taylor, William D., Johnson, Genevieve, Ault, Michael K., Griffith, Jennifer A., Rozzell, Bobby, Connelly, Shane. Ness, Alisha M. (2015). Ideological group persuasion: A within-person study of how violence, interactivity, and credibility features influence online persuasion. *Computers in Human Behavior*, 51, 448-460.
- The Guardian. (2017). The myth of the 'lone wolf' terrorist – podcast The Guardian's Audio Long Reads <https://audio.guim.co.uk/2017/04/18-52560-gdn.lr.170418.sb.myth-lone-wolf-terrorist.mp3>
- Thompson, R. L. (2011). Radicalization and the use of social media. *Journal of Strategic Security*, 4 (4).
- Thomson, D. (2014). Les Français Jihadistes. Les Arènes.
- Ting Liu. (2016). [http://xueshu.baidu.com/s?wd=paperuri%3A\(bd7e71e234e83229d6d8dc5f4761dbf5\)&filter=sc_long_sign&tn=SE_xueshusource_2kduw22v&sc_vurl=http%3A%2F%2Fwww.cqvip.com%2FQK%2F83365X%2F201603%2F669515823.html&ie=utf-8&sc_us=1465702900128083925](http://xueshu.baidu.com/s?wd=paperuri%3A(bd7e71e234e83229d6d8dc5f4761dbf5)&filter=sc_long_sign&tn=SE_xueshusource_2kduw22v&sc_vurl=http%3A%2F%2Fwww.cqvip.com%2FQK%2F83365X%2F201603%2F669515823.html&ie=utf-8&sc_us=1465702900128083925) \h陕西社会主义学院学报，2016(3).
- Ting Liu. (2016). 社交媒体恐怖主义及招募策略探析. *中央社会主义学院学报* (4), 107-111.
- Tomomi, Yamaguchi. (2013). Xenophobia in Action: Ultrnationalism, Hate Speech, and the Internet in Japan. *Radical History Review*(117), 98-118. doi: 10.1215/01636545-2210617
- Top Gustavson, Aleta. (2012). Ideological resource sharing on the Internet and the patterning of networks in the White Supremacist/Separatist Movement. (3552944 Ph.D.), Southern Illinois University at Carbondale, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1312531269?accountid=10246>
- Torres Soriano, Manuel R. (2011). The Road to Media Jihad: The Propaganda Actions of Al Qaeda in the Islamic Maghreb. *Terrorism & Political Violence*, 23(1), 72-88

- Torres Soriano, Manuel R. (2012). Between the Pen and the Sword: The Global Islamic Media Front in the West. *Terrorism & Political Violence*, 24(5), 769-786.
- Torres-Soriano, Manuel Ricardo. (2013). The Dynamics of the Creation, Evolution, and Disappearance of Terrorist Internet Forums. *International Journal of Conflict and Violence*, 7(1).
- Tournier, V. (2011). Modalités et spécificités de la socialisation des jeunes musulmans en France Résultats d'une enquête grenobloise. *Revue française de sociologie*, 52(2), 311-352.
- Trévidic, M. (2013). Terroristes. JC Lattès.
- Trujillo, H. M., Mañas, F. M., & González-Cabrera, J. (2010). Assessment the explanatory power of clandestine social networks graphs with ucinet and netdraw. *Universitas Psychologica*, 9(1), 67-78.
- Tsfati, Y., & Weimann, G. (2002). www.terrorism.com: Terror on the Internet. *Studies in Conflict and Terrorism*, 25(5), 317-332.
- Tsfati, Yariv, & Weimann, Gabriel. (2002). www.terrorism.com: Terror on the Internet. *Studies in Conflict & Terrorism*, 25(5), 317-332.
- Tuckwood, Christopher and Christine Mutisya, 'Information and Communications Technology in Peacebuilding: Lessons from Kenya's Tana Delta,' *Conflict Trends, ACCORD*, 2014
- Turner-Graham, Emily. (2014). 'Breivik is my Hero': the Dystopian World of Extreme Right Youth on the Internet. *Australian Journal of Politics & History*, 60(3), 416-430.
- Tuttle, Michelle. (2016). Terrorism recruitment using internet marketing. (10108078 M.S.), Utica College, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1793408099?accountid=10246>
- Umar, Mohammed Sani & Mustapha, Abdul Raufu (2015) Policy Brief: Understanding the complex causes and processes of radicalization. Development, Research and Projects Centre, Abuja: Office of the National Security Adviser of the Federal Republic of Nigeria, pp. 1-12.
- UNESCO (2016). *UNESCO's first Teacher's Guide on the Prevention of Violent Extremism*. <http://unesdoc.unesco.org/images/0024/002446/244676e.pdf>
- UNESCO Empowering Youth to Build Peace Conference (2015). http://en.unesco.org/sites/default/files/youth_and_internet_brochure_en.pdf
- UNESCO Lebanon Conference (2017). Final Statement. https://en.unesco.org/sites/default/files/beirut_statement_en.pdf
- UNESCO Resolution adopted by the General Assembly on 3 December 2015, 70/20. Follow-up to the Declaration and Programme of Action on a Culture of Peace. <http://undocs.org/A/RES/70/20>
- Valeri, M. (2014). « J'ai respiré l'air de la liberté. » La légitimation autoritaire au Bahreïn et en Oman à l'épreuve du « printemps arabe ». *Critique internationale*, (61), 107-126.
- Van Buuren, Jelle, & de Graaf, Beatrice. (2014). Hatred of the system: Menacing loners and autonomous cells in The Netherlands. *Terrorism and Political Violence*, 26(1), 156-184.
- Van Eerten, J. J., Doosje, B., Konijn, E., De Graaf, B., & De Goede, M. (in press, 2017), How to prevent radicalization or stimulate de-radicalization? An evaluation of counter-narrative programs using social media. Report commissioned by Ministry of Security and Justice.

- Van San, Marion, Sieckelinck, Stijn, & de Winter, Micha. (2013). Ideals Adrift: An Educational Approach to Radicalization. *Ethics and Education*, 8(3), 276-289.
- Varin, D. (2015). *Boko Haram and the War on Terror*. Praeger
- Veerasamy, Namosha, & Grobler, Marthie. (2011). Terrorist use of the Internet: Exploitation and Support Through ICT Infrastructure. *Proceedings of the 6th International Conference on Information Warfare and Security*, 260-267.
- Veldhuis, T., & Staun, J. (2009). *Islamist radicalization: A root cause model*. Den Haag: Netherlands Institute of International Relations Clingendael.
- Vergani, M. (2014). Neo-jihadist prosumers and Al Qaeda single narrative: The case study of Giuliano Delnevo. *Studies in Conflict & Terrorism*, 37(7), 604-617. <http://dx.doi.org/10.1080/1057610X.2014.913122>
- Vergani, Matteo. (2014). Neojihadism and Muslim-Christian Relations in the Mindanao Resistance Movement: A Study of Facebook Digital Narratives. *Islam & Christian-Muslim Relations*, 25(3), 357-372.
- Vertigans, Stephen, & Sutton, Philip. (2001). Back to the Future: 'Islamic Terrorism' and Interpretations of Past and Present. *Sociological Research Online*, 6(3).
- Vignolle, F., & Ahmed-chaouch, A. (2014). *La France du Djihad*. Editions Du Moment.
- von Behr, Ines, Anaïs Reding, Charlie Edwards and Luke Gribbon, *Radicalization in the Digital Era; the use of the Internet in 15 case of terrorism and extremism*, RAND Corporation Europe, 2013
- Von Knop, Katharina. (2007). *Hypermedia Seduction for Terrorist Recruiting*. Conference Papers-- International Studies Association, 1.
- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P. S. (2013). Tracking On-line Radicalization Using Investigative Data Mining. 2013 National Conference on Communications (Ncc).
- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P. S. (2015). An Approach for Dynamic Identification of Online Radicalization in Social Networks. *Cybernetics & Systems*, 46(8), 641-665.
- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P. S. (2015). Measuring Radicalization in Online Social Networks Using Markov Chains. *Journal of Applied Security Research*, 10(1), 23-47.
- Wadhwa, Pooja, & Bhatia, M. P. S. (2016). New Metrics for Dynamic Analysis of Online Radicalization. *Journal of Applied Security Research*, 11(2), 166-184.
- Wahid M. (décembre 2015), «La guerre de l'image: lecture des messages médiatiques de Daesh» (article semi-académique), Le Caire, Arab Center for Research & Studies.
- Walker, Clive, & Conway, Maura. (2015). Online terrorism and online laws. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 8(2), 156-175.
- Wang, G. (2012). An analysis of cyber-terrorism under the international relations theory. *Journal of Chongqing Jiaotong University*, 122(15).
- Wang, X. (2016). Cyber-terrorism and cyber-security cooperation under the one belt and one road initiative. *Global Review*.
- Warner, Benjamin R. (2010). Segmenting the Electorate: The Effects of Exposure to Political Extremism Online. *Communication Studies*, 61(4), 430-444.

- Warren, M. J. (1998). Cyber terrorism (p. 429-438). Présenté à SEC '98: international conference on information security. Consulté à l'adresse <http://cat.inist.fr/?Amodele=affichen&cpsidt=1810385>
- Watts, Meredith W. (2001). Aggressive Youth Cultures and Hate Crime: Skinheads and Xenophobic Youth in Germany. *American Behavioral Scientist*, 45(4), 600.
- Wei Wu. (2009). 简述中亚地区面临的恐怖主义威胁. *青年科学* (3).
- Wei, Wei, Joseph, Kenneth, Liu, Huan, & Carley, Kathleen M. (2015). The Fragility of Twitter Social Networks Against Suspended Users. *Proceedings of the 2015 Ieee/Acm International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM 2015)*, 9-16.
- Weimann, G. (2005). The theater of terror: The psychology of terrorism and the mass media. *Journal of aggression, maltreatment & trauma*, 9(3-4), 379-390.
- Weimann, G. (2006). Terrorist dot com: Using the internet for terrorist recruitment and mobilization. *The making of a terrorist*, 1, 53-65.
- Weimann, G. (2008). The psychology of mass-mediated terrorism. *American Behavioral Scientist*, 52(1), 69-86.
- Weimann, G. (2010). Terror on facebook, twitter, and youtube. *The Brown Journal of World Affairs*, 16(2), 45-54.
- Weimann, Gabriel, & Von Knop, Katharina. (2008). Applying the notion of noise to countering online terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 31(10), 883-902.
- Weimann, Gabriel. (2004). Annual Meeting, Montreal, Canada. *Terror on the Internet*.
- Weimann, Gabriel. (2008). The Psychology of Mass Mediated Terrorism. *American Behavioral Scientist*, 52(1), 69-86.
- Weimann, Gabriel. (2010). Terror on Facebook, Twitter, and Youtube. *Brown Journal of World Affairs*, 16(2), 45-54.
- Weimann, Gabriel. (2011). Cyber-fatwas and terrorism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 34(10), 765-781.
- Weimann, Gabriel. (2015). Terrorist Migration to Social Media. *Georgetown Journal of International Affairs*, 16(1), 180-187.
- Weisburd, A. Aaron. (2010). *Jihadis Online: Concepts and Frameworks for Online Counter-Terrorism Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 197-210)*.
- Weitzman, Mark. (2010). *Antisemitism and Terrorism on the Electronic Highway Terrorism and the Internet: Threats – Target Groups – Deradicalization Strategies (Vol. 67, pp. 7-24)*.
- Wendling, C., J. Radisch and S. Jacobzone (2013), "The Use of Social Media in Risk and CrDaesh Communication", OECD, Working Papers on Public Governance, No. 24, OECD Publishing
- West, Dondi, & Latham, Christina. (2010). The Extremist Edition of Social Networking: The Inevitable Marriage of Cyber Jihad and Web 2.0. *Proceedings of the 5th International Conference on Information Warfare and Security*, 523-531.
- White, J. (2012). Virtual indoctrination and the digihad: The evolution of Al-Qaeda's media strategy. *Small Wars Journal*.

- Wilner, A. S., & Dubouloz, C. (2011). Transformative radicalization: Applying learning theory to Islamist radicalization. *Studies in Conflict & Terrorism*, 34 (5), pp. 418-438.
- Wilson, Samuel F., II. (2014). *Terrorist Experts' Perceptions of how the Internet has Shaped International Terrorism*. (3668962 Ph.D.), Walden University, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1648432400?accountid=10246>
- Winter, C. (2015). 'Documenting the Virtual Caliphate', Quilliam Foundation, October 2015, <http://www.quilliaminternational.com/wp-content/uploads/2015/10/FINAL-documenting-the-virtual-caliphate.pdf>
- Winter C. (2015). *Women of the Islamic State. A manifesto on women by the Al-Khanssaa Brigade*. Quilliam Foundation, February 2015, <https://www.quilliamfoundation.org/wp/wp-content/uploads/publications/free/women-of-the-islamic-state3.pdf>
- Wojcieszak, Magdalena Elzbieta. (2011). Computer-mediated false consensus: Radical online groups, social networks and news media. *Mass Communication & Society*, 14(4), 527-546.
- Wojcieszak, Magdalena. (2006). "Don't Talk to Me"- The Impact of Unanimous Online Groups and Offline Ties on Extremism. *Conference Papers-- American Political Science Association*, 1-36.
- Wojcieszak, Magdalena. (2008). False consensus goes online: Impact of ideologically homogeneous groups on false consensus. *Public Opinion Quarterly*, 72(4), 781-791.
- Wojcieszak, Magdalena. (2009). 'Carrying online participation offline', *Mobilization by radical online groups and politically dissimilar offline ties*. *Journal of Communication*, 59(3), 564-586.
- Wojcieszak, Magdalena. (2010). 'Don't talk to me': Effects of ideologically homogeneous online groups and politically dissimilar offline ties on extremism. *New Media & Society*, 12(4), 637-655.
- Womer, Sarah, & Bunker, Robert J. (2010). Surenos gangs and Mexican cartel use of social networking sites. *Small Wars & Insurgencies*, 21(1), 81-94.
- Wong, Meghan A., Frank, Richard, & Allsup, Russell. (2015). The supremacy of online white supremacists, an analysis of online discussions by white supremacists. *Information & Communications Technology Law*, 24(1), 41-73.
- Woodring, David. (2014). *21st Century Radicalization: The Role of the Internet User and Nonuser in Terrorist Outcomes*. (1554468 M.A.), University of Arkansas, Ann Arbor. Retrieved from <http://search.proquest.com/docview/1527109139?accountid=10246>
- Wright, Marie. (2008). Technology & terrorism: How the Internet facilitates radicalization. *The Forensic Examiner*, 17(4), 14-20.
- Wu Y. G. (2002). 伊斯兰原教旨主义、宗教极端主义与国际恐怖主义辨析. *国外社会科学* (1), 14-20.
- Wu Y. G. (2004). 宗教极端主义的成因与态势. *中国宗教* (2), 12-13.
- Wybo, J., Gouffas, C., Freyssinet, É., & Lions, P. (2015). L'impact des réseaux sociaux dans la gestion des crises et le cybercrime. *Sécurité et stratégie*, 18(3), 37-43.
- Xenos, M., A. Vromen, & B.D. Loader. (2014). The Great Equalizer? Patterns of Social Media Use and Youth Political Engagement in Three Advanced Democracies. *Information, Communication & Society*, 151-67

- Xianwei Sun, Jinpeng Zhai. (2008). “东突”恐怖主义活动发展特点及防范打击对策. 中国人民公安大学学报(社会科学版), 24(4), 21-26.
- Xiaojing Wo. (2016). 从源头切断恐怖主义的网络传播. 中国社会科学报。
- Xiaomei Liu. (2015). 刍议青少年暴恐犯罪新动态. 青少年犯罪问题 (6), 60-66.
- Xinjuan Mao, Zhou Zhang, Shaojie Wang. (2016). “东突”分裂势力对新疆青少年渗透活动特点及其应对. 中国人民公安大学学报(社会科学版), 32(1), 42-47.
- Xiuxiu Li. (2016). 社交媒体上的恐怖活动研究. (Doctoral dissertation, 华东政法大学).
- Xu, Jennifer, Chen, Hsinchun, Zhou, Yilu, & Qin, Jialun. (2006). On the topology of the dark web of terrorist groups Intelligence and Security Informatics, Proceedings (Vol. 3975, pp. 367-376).
- Yahmad H. (2015), Les salafistes djihadistes tunisiens, Tunis, Dar ad-Diwan.
- Yang S. & Yongfeng Li. (2008). 中亚伊斯兰极端主义. 俄罗斯中亚东欧研究. (5), 62-70.
- Yang, Christopher C., & Ng, Tobun D. (2008). Analyzing content development and visualizing social interactions in web forum Isi 2008: 2008 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp. 25-30).
- Yang, Christopher C., & Ng, Tobun D. (2009). Web Opinions Analysis with Scalable Distance-Based Clustering Isi: 2009 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp. 65-70).
- Yang, S., Jiang, H., & Wang, H. (2014). The activities of “jihadist salafi” and its influence on Central Asia. Contemporary International Relations, 24(5), 96-113.
- Yanhong Jiang. (2005). 网络对青少年心理的影响及对策. 希望月报 (18).
- Yassin A. (juillet 2015), « Lutter contre le terrorisme : le rôle des médias égyptiens » (étude), Le Caire, Arab Center for Research & Studies. Consulté à l'adresse <http://www.acrseg.org/39211>
- Yingjie Wei. (2008). 东突势力与中亚伊斯兰极端势力比较研究. (Doctoral dissertation, 兰州大学).
- Yong, P. I. (2004). Research on cyber-terrorism crime & its control method. Wuhan University Journal.
- Yu, Y. (1993). The radicalization of china in the twentieth century.
- Yuan Le, Boxu Yang. (2010). 网络极化现象研究——基于四个中文bbs论坛的内容分析. 青年研究 (2), 1-12.
- Yuxiao Li, Shuya Zhou. (2014). 印度极左翼恐怖主义研究. 青年科学月刊 (8), 197-197.
- Zaiqi Liu. (2006). 中亚伊斯兰恐怖主义问题探析. 求索 (6), 103-105.
- Zaman, R., & Mohammadi, A. A. (2014). Trends in Student Radicalization across University Campuses in Afghanistan. Afghan Institute for Strategic Studies.
- Zanasi, A., & Artioli, M. (2009). Text and video mining solutions to national security intelligence problems Data Mining X: Data Mining, Protection, Detection and Other Security Technologies (Vol. 42, pp. 3-12).
- Zanasi, Alessandro. (2009). Virtual Weapons for Real Wars: Text Mining for National Security Proceedings of the International Workshop on Computational Intelligence in Security for Information Systems 2008 (Vol. 53, pp. 53-60).

- Zarrouk, M. (2011). Orígenes Del Terrorismo Global: Una Propuesta De AnálDaesh. Consulté à l'adresse <http://www.redalyc.org/articulo.oa?id=92722560001>
- Zaydane A. (janvier 2015), « L'avenir de l'Organisation de l'Etat en Afghanistan et au Pakistan » (rapport), Doha, Al-Jazeera Center for Studies.
- Zeghal, M. (2002). Les usages du savoir et de la violence : quelques réflexions autour du 11 septembre. *Politique étrangère*, 67(1), 21–38. <https://doi.org/10.3406/polit.2002.5153>
- Zhang, Yulei, Zeng, Shuo, Fan, Li, Dang, Yan, Larson, Catherine A., & Chen, Hsinchun. (2009). Dark Web Forums Portal: Searching and Analyzing Jihadist Forums Isi: 2009 Ieee International Conference on Intelligence and Security Informatics (pp.71-76).
- Zhao T. (2010). Social cohesion and Islamic radicalization: Implications from the Uighur insurgency. *Journal of Strategic Security*.
- Zhenpeng Liu. (2011). 新疆恐怖活动犯罪的特点与控制措施. (Doctoral dissertation, 吉林大).
- Zhi-Gang, Y. U., & Guo, Z. L. (2015). Cyberterrorism crimes and responses from laws in China: analysis and reflection based on 100 random cases. *Journal of Henan University*.
- Ziqing Lin. (2015). 盘点：东突在中国的15次重大恐怖袭击. 新浪历史。
- Zünd, C. (2016). Comment préparer un acte terroriste depuis la Suisse via Skype et Facebook. *Le Temps*.

Приводят ли социальные сети уязвимых людей к насилию? Многие люди верят, что это так. И они отвечают на такую возможность введением цензуры, слежкой и контрпропагандой. Но что мы действительно знаем об Интернете как о причине и что мы знаем о влиянии этих реакций?

Во всем мире правительства и интернет-компании принимают решения на основе предположений о причинах и средствах защиты от насильственных нападений. Задача состоит в том, чтобы обеспечить надежные обоснования для проводимого анализа и принимаемых ответных мер. Необходима политика, которая строится на основе фактов и доказательств, а не основывается на догадках - или движимая паникой и страхом.

Именно в этом контексте ЮНЕСКО заказала исследование под названием «Молодежь и насильственный экстремизм в социальных сетях». В данной работе представлено глобальное сопоставление исследований (проведенных в основном в период 2012-2016 гг.), посвященных изучению предполагаемой роли, которую играют социальные сети в процессах насильственной радикализации, особенно когда они затрагивают молодежь и женщин.

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

Сектор
коммуникации
и информации

Программа
Информация
для всех

9 789234 000284

9 789234 002458